

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№1 • Том 66 • 2025 • ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

MONONOSOV HISTORY JOURNAL

Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Прозоров В.Б. Канон XIV собора в Сплите 925 г.	3
Хрулева И.Ю. «Искоренить их порочные привычки и полностью изменить их образ жизни»: попытки культурной ассимиляции индейцев Новой Англии в первой половине XVIII столетия	30
Лившин А.А., Соловьев К.А. Патриотизм на сломе эпох: политические эмоции накануне революции 1917 г.	50
Минаева О.Д., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Денисова И.Н. Особенности работы советских журналистов в условиях Великой Отечественной войны: историко-хронологический анализ	62
Ахмадуллин В.А., Тропникова Д.В. Новые публикации в постсоветских государствах о Второй мировой и Великой Отечественной войнах	84
Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П., Погожев Е.Ю. Молодежный музей как драйвер научно-просветительского (публичного) университетского мероприятия: опыт представления на всероссийском Фестивале науки в Московском университете	101
Гавристова Т.М. Колониальная ментальность в формате нигерийского мошенничества.	123
Малявин В.В. О смысле истории в ареале Евразии.	138
Казьмина О.Е., Соловей Т.Д., Бахматова М.Н., Федорова О.В. Этнокультурные идентичности в зеркале статистики: переписи населения России 1897–1937 гг.	158
Агратина Е.Е. Королевский заказ во Франции XVIII столетия и карьера живописца	174

CONTENTS

Prozorov V.B. Canon 14 of the Synod of Split (925)	3
Khruleva I.Yu. “To Root out Their Vicious Habits and to Change Their Whole Way of Living”: Attempts of Cultural Assimilation of the New England Indians in the First Half of the Eighteenth Century.	30
Livshin A.Ya., Soloviev K.A. Patriotism at the Breaking Point of an Era: Political Emotions on the Eve of the 1917 Revolution	50
Minaeva O.D., Denisova G.V., Smirnova O.V., Denisova I.N. The Peculiarities of Soviet Journalists’ Work during the Great Patriotic War: a Historical and Chronological Analysis	62
Akhmadullin V.A., Tropnikova D.V. New Publications in Post- Soviet States on the World War II and the Great Patriotic War	84
Ivanov A.V., Smurov A.V., Snakin V.V., Bogdanov V.P., Pogozhev E.Yu. The Youth Museum as a Driver of Scientific and Educational (Public) University Events: an Experience of Representation at the All-Russian Science Festival at Moscow University	101
Gavristova T.V. Colonial Mentality in the Nigerian Fraud Format	123
Maliavin V.V. On the Meaning of History in the Eurasian Realm	138
Kazmina O.E., Solovei T.D., Bakhmatova M.N., Fedoro- va O.V. Ethnocultural Identities through the Lens of Statistics: Russian Population Censuses, 1897–1937	158
Agratina E.E. The Royal Commission in Eighteenth-Century France and the Career of a Painter	174

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-3-29

В.Б. Прозоров

КАНОН XIV СОБОРА В СПЛИТЕ 925 г.

V.B. Prozorov

CANON 14 OF THE SYNOD OF SPLIT (925)

Аннотация. Автор поднимает вопрос о достоверности актов Сплитского собора 925 г., которая вызывает сомнения в связи с тем, что эти документы сохранились в так называемой “Historia Salonitana maior”, самая ранняя рукопись которой датируется началом XVI в. Этот собор состоялся в провинции Салонской (Сплитской) митрополии, находившейся в юрисдикции Римской церкви, и примечателен прежде всего сюжетами, которые имеют отношение к славянскому (хорватскому) населению на Адриатическом побережье Далмации. Статья демонстрирует методiku установления адекватности сплитского материала церковно-политическому и правовому контексту эпохи, которую можно условно обозначить как каролингский период, на примере анализа лишь одного соборного канона. Это канон XIV, опирающийся на евангельские тексты, которые были интенсивно задействованы в европейской церковно-юридической практике того времени. Первая часть канона запрещает мужу развод, за исключением случая, когда жена уличена в прелюбодеянии. После такого развода мужу запрещается вступать в новый брак. Вторая часть побуждает, скорее всего, славян, отправлять своих детей и рабов учиться грамоте для того, чтобы впоследствии из их числа могли быть поставлены приходские священники для пастырской работы в той среде, из которой они вышли. Привлекая для сравнения разнообразные источники — капитулярии франкских королей и императоров, правовые собрания, епископские капитулярии, подобные

Прозоров Вадим Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Prozorov Vadim Borisovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

prozorov28@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2893-2569

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

Collectio Dionysiana или систематизировавшему материал каролингской эпохи сборнику канонов Регинаона Прюмского, — автор доказывает полную адекватность канона Сплитского собора 925 г. современной ему европейской практике и предлагает новые интерпретации отдельных моментов в каноне, в частности, того, что его заключительная фраза подразумевает предназначение отданных на обучение детей именно в священники. Такого рода сравнительная методика, безусловно, продуктивна в работе и с остальными документами Сплитского собора, однако формат статьи не позволяет рассмотреть весь спектр обсуждавшихся на нем вопросов.

Ключевые слова: *Historia Salonitana maior*, *studia litterarum*, Далмация, папа Иоанн X, развод в раннем Средневековье, Салонская митрополия, Франкская империя, хорваты.

Abstract. The author addresses the question of the reliability of the acts of the Synod of Split (925), which remains open to doubt, given that these documents survive only in the so-called *Historia Salonitana maior*, the earliest manuscript of which dates to the early sixteenth century. Convened in the metropolitan province of Salon (Split) under the jurisdiction of the Roman Church, the synod is of particular significance for its provisions concerning the Slavic (Croatian) population along the Adriatic coast. The article presents a methodology for assessing the congruence of the Split material with the ecclesio-political and legal context of the age, conventionally designated as the Carolingian period, through the close examination of a single canon. The focus of this study is on Canon 14, which draws upon Gospel texts that held a prominent place in European ecclesiastical practice of the period. Its opening clause prohibits divorce, permitting it only in cases of adultery, and, in such instances, forbids the husband to remarry. The canon's second clause is understood to have urged the Slavs to instruct their children and household slaves in literacy, with the aim of identifying suitable candidates for the priesthood — men best fitted to carry out pastoral duties within their own communities. By comparing this provision with a range of sources, including Frankish royal and imperial capitularies, legal compilations such as the *Collectio Dionysiana*, and episcopal capitularies like Regino of Prüm's collection, which systematized Carolingian material, the author demonstrates its full consonance with contemporary European practice, while advancing new interpretations, particularly the inference that children placed in training were intended for ordination. The author observes that this comparative method is equally applicable to other synodal acts; nonetheless, the constraints of space make it impossible to address the full range of matters discussed at the Synod within the scope of this article.

Keywords: *Historia Salonitana maior*, *studia litterarum*, Dalmatia, pope John X, divorce in the early Middle Ages, metropolis of Salona, Frankish Empire, Croats.

* * *

Анализ цитат и ссылок в соборных актах часто помогает разобраться в мотивах, лежащих в основе принятия тех или иных решений, в случае со Сплитским собором 925 г. — интерпретировать

неясности, связанные с тем, что предыстория его постановлений в основном неизвестна. Кроме того, это исследование позволяет отчасти верифицировать каноны с точки зрения их соответствия церковно-политическому и правовому контексту эпохи, к которой они приписываются. Такая проверка необходима, поскольку достоверность актов и даже само проведение соборов X в. вызывают сомнения, учитывая тот факт, что эти документы сохранились в так называемой “*Historia Salonitana maior*”, самая ранняя рукопись которой датируется началом XVI в.¹

Если предположить, что акты являются подлинными, то их контекст должен более или менее соответствовать пространствам Франкской империи и духовного авторитета Римской церкви, легитимировавшей властные прерогативы франкских правителей и служившей для империи авторитетным источником традиции². Церковная епархия в Далмации находилась под юрисдикцией Римской церкви. В политическом отношении этот регион римской провинции Далмация в IX в. отчасти принадлежал к ареалу франкского влияния, тогда как византийское присутствие там очень скудно документировано³.

Из-за ограничения объема статьи на ее страницах невозможно рассмотреть все соборные решения. Полностью это будет сделано в книге под рабочим названием «Салонское христианство от соборов в Салоне VI в. до соборов в Спалате X в.». Здесь же речь пойдет лишь об одном каноне, находящемся в конце соборных актов. Это канон 14, который, на мой взгляд, должен звучать в переводе следующим образом:

¹ *Historia Salonitana maior* / Ур. Н. Клаић. Београд, 1967. Р. 102 (Посебна издања САНУ. Књ. 399; Одељење друштвених наука. Књ. 55). Ранняя рукопись, которая была положена в основу публикации, находится в Риме, в архиве Конгрегации пропаганды веры (*Congregatio de propaganda fide*. No 264: III. Albania, Macedonia, Servia, Dalmatia et Illyrico 1648, ll. 607–651). О более поздних списках см. введение: *Historia Salonitana maior*. Р. 1–14. Самая настойчивая попытка поставить под сомнение достоверность документов из этого памятника была предпринята Керубином Шегвичем: *Šegvić K. Borba za hrvatsko bogoslužje i Grgur Ninski ili skižma u Hrvatskoj i Dalmaciji 1059–1075*. Zagreb, 1930. В современной историографии см.: *Gioanni S. Gouverner le monde par l'écrit*. Rome, 2020. Ch. 6. Le cadre normatif de l'autorité pontificale en Dalmatie: des conciles et des homes.

² *Sarti L. Orbis Romanus: Byzantium and the legacy of Rome in the Carolingian world*. New York, 2024. P. 202–209; *Mordek H. Kirchenrechtliche Autoritäten im Frühmittelalter // Recht und Schrift im Mittelalter* / Hrsg. von P. Classen. Sigmaringen, 1977. S. 237–255.

³ *Džino D. From Justinian to Branimir: The Making of the Middle Ages in Dalmatia*. New York, 2021; *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire* / Ed. by D. Džino, A. Milošević, and T. Vedriš. Leiden; Boston, 2018.

«XIV. Чтобы жены собственные / подлинно впредь не отпускались, если не из-за прелюбодеяния; если же кто отпустил, пусть так и остается; и чтобы наследников своих, рабов своих отдавали для занятий словесностью. Чтобы эти (*отданные в обучение будущие клирики*. — В.П.) настоятельно обличали тех, кто желает иметь совершенное христианство, и те бы их охотно выслушивали, не как чужеземцев, а как своих»⁴.

Развод и новый брак

Запрещая развод по любым причинам, кроме прелюбодеяния, и новый брак впоследствии, Сплитский собор руководствовался церковной традицией, укорененной в раннехристианских временах. Его решение восходит к двум или трем текстам — Евангелию от Матфея, 1-му посланию апостола Павла к коринфянам и заглавию к соответствующей статье из «Кодекса канонов африканской церкви» в сборнике Дионисия Малого (*Collectio Dionysiana*).

В Евангелии от Матфея дважды говорится о разводе: в первый раз (Мф. 5:32), когда Христос объясняет ветхозаветный закон в Нагорной проповеди, во второй (Мф. 19:9) — когда он отвечает на вопрос фарисеев, можно ли мужу разводиться с женой «по всякой причине». Канон Сплитского собора, очевидно, следует логике этих евангельских текстов и использует их лексику.

В латинском переводе они звучат следующим образом.

Мф. 5:32: “Ego autem dico vobis: quia omnis qui dimiserit uxorem suam, excepta fornicationis causa, facit eam moechari: et qui dimissam duxerit, adulterat” (я же говорю вам: каждый, кто отпустит жену свою, кроме как по вине блудодеяния, заставляет ее прелюбодействовать, и кто женится на отпущенной, прелюбодействует)⁵.

Мф. 19:9: “Dico autem vobis, quia quicumque dimiserit uxorem suam, nisi ob fornicationem, et aliam duxerit, moechatur: et qui dimissam duxerit, moechatur” (говорю же вам: кто отпустит жену свою, если не из-за блудодеяния, и женится на другой, прелюбодействует, и кто женится на отпущенной, прелюбодействует)⁶.

Оговорка относительно блудодеяния в каноне Сплитского собора указывает на использование позиции, сформулированной в Еван-

⁴ *Historia Salonitana maior*. P. 102: “XIV. Ut uxores proprie deinceps non dimittantur, nisi propter fornicationem; quod si quis dimiserit, sic permaneat; et ut heredes suos, seruos suos litterate studiis tradant. Quicumque christianitatem perfectam habere cupiunt, ut illi eos instanter corripiant et ipsi eos libenter exaudiant, non ut peregrinos, sed ut proprios”.

⁵ *Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem* / Ed. R. Weber, R. Gryson. 5 ed. Stuttgart, 2007. P. 1532 (далее — *Vulg.*).

⁶ *Vulg.* P. 1555.

гелии от Матфея. В соответствующих местах Евангелий от Марка и Луки ее нет⁷.

Повеление после развода «оставаться так», т.е. неженатым, — *sic permaneat* — может указывать на обращение к двум актуальным для этой темы текстам. “*Sic permaneat*” в связи с брачными делами появляется в цитате из 1-го послания апостола Павла к коринфянам в сочинениях отдельных позднеантичных и раннесредневековых авторов, включая переводчика Библии на латынь Иеронима: “*Dico autem non nuptis, et viduis: bonum est illis si sic permaneat, sicut et ego*” (Говорю же безбрачным и вдовым: хорошо им, если останутся так, как и я)⁸, т. е. останутся неженатыми, подобно самому Павлу. В критическом издании Вульгаты на месте “*permaneat*” стоит “*maneat*”, смысл же остается тем же самым⁹.

Чуть далее в своем послании апостол Павел объясняет, что после развода жене следует «оставаться безбрачной» (“*manere innuptam*”). В латинском переводе это выглядит следующим образом:

1 Кор. 7:10–11: “*His autem qui matrimonio iuncti sunt, praecipio non ego, sed Dominus, uxorem a viro non discedere: quod si discesserit, manere innuptam, aut viro suo reconciliari. Et vir uxorem non dimittat*” (Тем же, которые сочетались браком, не я повелеваю, а Господь: жене не уходить от мужа, если же уйдет, то должна оставаться безбрачной или примириться с мужем своим. И муж да не отпускает жену)¹⁰.

Эту фразу использует архиепископ Реймса Хинкмар в трактате «О разводе короля Лотаря и королевы Теутберги» (860 г.), рассуждая о том, какой брак может считаться законным¹¹. А в одном из писем он разъясняет, что имеется в виду под “*sic maneat*”: в случае развода «по причине блуда, вследствие которого они разлучены, пусть остаются или так, то есть неженатыми и разлученными, или примирятся

⁷ Мс 10:11–12: “*et dicit illis quicumque dimiserit uxorem suam et aliam duxerit adulterium committit super eam et si uxor dimiserit virum suum et alii nupserit moechatur*”; Lc 16:18a: “*omnis qui dimittit uxorem suam et ducit alteram moechatur*”; Vulg. P. 1591; 1640.

⁸ I Cor 7:8; Vulg. P. 1775; *Hieronymus*. Epistula. XXII.20.2 // Idem. Epistulae I–LXX / Rec. I. Hilberg. Ed. altera supplementis aucta. Wien, 1996. P. 171. L. 2–4 (CSEL. Vol. 54). В большинстве рукописей Амвросиаста используется “*sic permanserint*”, а в Codex Casinensis 150 середины VI в. — “*sic permaneat*”. *Ambrosiaster*. In epistulas ad Corinthios. I.7.8 // *Ambrosiastri qui dicitur commentaries in epistulas Paulinus. Pars secunda* / Rec. H. J. Vogels. Wien, 1968. P. 73. L. 10–11 (CSEL. Vol. 81). Так же и у Хаймона Осерского (ум. 865/866 г.): [*Haymo Autissiodorensis*]. Homilia. XLIX. Dominica quarta in quadragesima sive laetare // PL. T. 118. Col. 286B. В «Патрологии» Миня эти гомилии ошибочно приписаны Хаймону Хальберштадтскому. Об атрибуции см. *Barré H. Les Homélieaires carolingiens de l'école d'Auxerre. Authenticité. Inventaire. Tableaux comparatifs*. Initia. Città del Vaticano, 1962. P. 151.

⁹ Vulg. P. 1775.

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Hinkmar von Reims. De divortio Lotharii regis et Theutbergae reginae. Responsio* 21 / Hrsg. von L. Böhringer. Hannover, 1992. P. 220. L. 26 (MGH. Concilia. Vol. 4. Suppl. 1).

друг с другом» (“causa fornicationis, qua separati, aut sic, id est innupti et separati maneant, aut mutuo reconcilientur”)¹².

Еще одним текстом, в духе которого участники Сплитского собора могли формулировать свое решение и, скорее всего, так и делали, является канон 102 правил африканских соборов в собрании Дионисия Малого. Этому правилу предпослан заголовок: “De his qui uxores aut quae viros dimittunt, ut sic maneant” (О тех, которые отпускают жен или мужей, чтобы так и оставались)¹³. “Sic maneant”, передающий “ita maneant” из основного текста канона 102, означает повеление оставаться безбрачными. В этом заглавии, которое искажает содержание самого правила, суть дела формулируется именно так, как и в актах Сплитского собора, т.е. инициатор развода не может заключить новый брак, в то время как в каноне «оставаться так» велено не отвергнувшим, а отвергнутым. И такая постановка проблемы соответствует позиции Августина, выраженной, например, в сочинении «О прелюбодейных браках» (между 419 и 420 г.):

“ideoque ex eodem praeecepto domini et uir uxorem ne dimittat, quoniam qui dimiserit uxorem suam praeter causam fornicationis, facit eam moechari. Sed si propter hanc causam dimiserit, etiam ipse sic maneat; omnis enim qui dimittit uxorem suam et ducit alteram, moechatur” (итак, согласно тому же повелению Господа, и муж да не отпускает жену, потому что тот, кто отпускает свою жену, кроме как по причине блудодеяния, делает ее прелюбодейкой. Но если уж он отпустил по этой причине, то сам пусть так и остается. Всякий же, кто отпускает свою жену и приводит другую, прелюбодействует)¹⁴.

¹² Die Briefe des Erzbischofs Hinkmar von Reims (Hincmari Archiepiscopi Remensis Epistolae). 135 / Hrsg. von E. Perels. T. 1. München, 1985. P. 82. L. 31–33 (MGH. Epistolae. Vol. 8). См. также: Ibid. 136. P. 100. L. 16–19: “Quapropter legaliter et nuptialiter copulati excepta causa fornicationis, separari non possunt; et causa fornicationis separati, aut permanere innupti, aut mutuo debent reconciliari, sicut evangelica et apostolica docet auctoritas, et Africana synodus definitiv”.

¹³ Registri ecclesiae Carthaginensis excerpta annis 397–418. 102 (a. 402–407) // Concilia Africae. A. 345 – A. 525 / Ed. Ch. Munier. Turnhout, 1974. P. 218. L. 1228–1233 (CCSL. Vol. 149): “Placuit ut, secundum evangelicam et apostolicam disciplinam, neque dimissus ab uxore, neque dimissa a marito, alteri coniungatur, sed ita maneant, aut sibimet reconcilientur”.

¹⁴ *Augustinus*. De adulterinis coniugiis. I.22.27 // Idem. De fide et symbolo, de fide et operibus, de agone christiano, de continentia, de bono coniugali, de virginitate, de bono viduitatis, de adulterinis coniugiis, de mendacio, contra mendacium, de opere monachorum, de divinatione daemonum, de cura pro mortuis gerenda, de patientia / Rec. J. Zycha. Prag; Wien; Leipzig, 1900. P. 375. L. 9–14 (CSEL. Vol. 41). Сходные взгляды высказывали Амвросий, Иероним и папа Иннокентий I: *Ambrosius*. De Abraham. I.7.59 // Idem. Opera / Rec. K. Schenkl. Pars I. Wien; Prag; Leipzig, 1896. P. 541. L. 1–2 (CSEL. Vol. 32); *Hieronymus*. Commentariorum in Matheum Libri IV. III.19.9 / Cura e studio D. Hurst et M. Adriaen / Idem. Opera. Pars I: Opera exegetica 7. Turnhout, 1969. P. 167. L. 769–777 (CCSL. Vol. 77); *Innocentius I papa*. Epistolae et decreta. 6.6.12 // PL. T. 20. Col. 500B.

Августин подчеркивает, что и не повинная в измене сторона, подобно виновной, не может заключить второй брак после развода, пока жив(а) визави, потому что они по-прежнему связаны «узлами целомудрия»¹⁵ или «законом брака», как их назвал Амвросий Медиоланский¹⁶, а за ним, в IX в., и Пасхазий Радберт в монументальном толковании на Евангелие от Матфея¹⁷.

Идеологи каролингских реформ воспринимали брак как основу общественного порядка и разделяли взгляды Августина¹⁸. Во франкской практике запрет на развод и заключение нового брака начал продвигаться еще в VIII в., о чем свидетельствует, например, решение собора епископов Нейстрии, состоявшегося в Суассоне 2 марта 744 г.¹⁹

При проведении церковных реформ во франкских землях был задействован тот же канон 102 правил африканских соборов из сборника Дионисия Малого²⁰. Он приводится вместе с заглавием уже

¹⁵ *Augustinus*. De adulterinis coniugiis. II.4. P. 386. L. 2–4: “licite itaque dimittitur coniux ob causam fornicationis, sed manet uinculum pudoris”.

¹⁶ *Ambrosius Mediolanensis*. Expositio Evangelii secundum Lucan. VIII.2 / Rec. K. Schenkl / Idem. Opera. Pars IIII. Prag; Wien; Leipzig, 1902. P. 392. L. 19 (CSEL. Vol. 32).

¹⁷ *Pascasius Radbertus*. Expositio in Matheo (IX–XII). IX.19.10 / Cura et studio B. Paulus. Vol. 3. Turnhout, 1984. P. 944. L. 429–432 (CCCM. Vol. 56B): “Quia quanto tempore uir eius uiuit, alligata est uxor lege uiri, ne liceat cum ullo alio commisceri sicut nec uiro aliam sibi sociari quia uterque eorum uiuente alio uinctus lege coniugii dum pariter in corpore sunt constitute”.

¹⁸ *Toubert P.* L'Europe dans sa première croissance. De Charlemagne à l'An Mil. Paris, 2004. P. 283–309.

¹⁹ *Reynolds P. L.* Marriage in the Western Church: The Christianization of Marriage during the Patristic and Early Medieval Periods. Leiden; New York; Köln, 1994. P. 215–216; Concilium Suesionense. 9 // Concilia aevi Karolini / Rec. A. Werminghoff. Pars I. Hannover; Leipzig, 1906. P. 35. L. 18–21 (MGH. Concilia. Vol. 2): “constituemus, ut ... nec marito uiventem sua mulier alius non accipiat, nec mulier uivente suo uiro alium accipiat, quia maritus muliere sua non debet dimittere, excepto causa fornicationis deprehensa”.

²⁰ “Item in eodem [Conc. Africanum c. 69 (102)], ut nec uxor a uiro dimissa alium accipiat uirum uivente uiro suo, nec uir aliam accipiat uivente uxore priore”; Die Admonitio generalis Karls des Großen. 43 / Hrsg. von H. Mordek, K. Zechiel-Eckes, M. Glatthaar. Hannover, 2012. P. 202. L. 164–165 (Fontes iuris. Bd. 16); Capitulare missorum item speciale 802(?) // Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. T. 1. Hannover, 1883. P. 103. L. 10–11 (MGH. Legum sectio II); Die Kapitulariensammlung des Ansegis. I.42 / Hrsg. von G. Schmitz. Hannover, 1996. P. 456. L. 12–14 (MGH. Capitularia n.s. T. I); Benedicti capitularia. I.79 // Supplementa tomi I. Constitutiones regum Germaniae. Pars 2: Capitularia spuria, canones ecclesiastici, bullae Pontificum / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1837. P. 50. L. 25–27 (MGH. Leges. T. 2). В сборник «О синодальных делах и церковной дисциплине» (ок. 906 г.) Регинона Прюмского были включены как канон Карфагенского собора без заглавия, так и его вышеуказанная переработка каролингского времени: *Regino von Prüm*. De synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis. II.103, 105 // Das Sendhandbuch des Regino von Prüm / Unter Benutzung der Edition von F.W.H. Wasserschleib hrsg. und übers. von W. Hartmann. Darmstadt, 2004. P. 300 (= Freiherr-vom-Stein-Gedächtnisausgabe. Reihe A: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 42). Краткая характе-

в послании, которое папа Захария отправил майордому Пипину III 5 января 747 г., а Карл Великий включил в кодекс папских писем каролингским правителям (*Codex carolinus*) в 791 г.²¹ Это правило с заголовком вошло в собрание “*Dionysio-Hadriana*”²², предоставленное Карлу Великому папой Адрианом в Риме в 774 г., и более поздний тематический сборник “*Dacheriana*”²³, составленный из канонов кодексов “*Dionysio-Hadriana*” и “*Hispana*” в начале IX в., а также в покаянные книги Халитгария, епископа Камбре в 817–831 гг., и Храбана Мавра, аббата Фульды в 822–842 гг. и архиепископа Майнца в 847–856 гг.²⁴

В 796 или 797 г. в духе вышеупомянутого канона африканских соборов собор в близком к Далмации Фриуле, т.е. в провинции Аквилеи, откуда франками в то время осуществляется освоение земель на среднем Дунае, выносит следующее решение:

“*placuit, ut resolutio fornicationis causa iugali vinculo non liceat viro, quamdiu adultera vivit, aliam uxorem ducere*” (постановлено, что при расторжении брачных уз по причине блудодеяния не разрешается мужчине, пока жива прелюбодейка, привести другую жену)²⁵.

Здесь прописывается порядок, воспроизведенный и собором в Сплите в 925 г.: повинной в блудодеянии стороной выступает жена, инициатива развода принадлежит мужу, и ему возбраняется заключать новый брак. Та же логика воспринята собором в Париже в 829 г.²⁶

ристика этой проблематики во франкскую эпоху дана в: *Heidecker K.J. The Divorce of Lothar II: Christian Marriage and Political Power in the Carolingian World* / Trans. by T. M. Guest. Ithaca; London, 2010. P. 16–35.

²¹ *Codex epistolaris Carolinus. Frühmittelalterliche Papstbriefe an die Karolingerherrscher*. 5 (3). 12 / Hrsrg., übers. und eing. von F. Hartmann und T. B. Orth-Müller. Darmstadt, 2017. S. 62, 64.

²² *Canones Carthaginenses*. C. 69 // *Collectio canonum Dionysio-Hadriana* / Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Latin 8921. Fol. 65r; монастырь Корби, конец VIII в. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90670308/f133.item> (дата обращения: 27.11.2024).

²³ *Canonum poenitentialium*. 1.74 // *Spicilegium sive collection veterum aliquot scriptorium qui in Galliae bibliothecis delituerant* / Ed. L. d'Achery et L.-F.-J. de la Barre. T. 1. Paris, 1723. P. 527; *Canonum poenitentialium libri tres*. Lib. 1. C. 74. Fol. 21v – 22r / Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Latin 3879; IX в. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8594594t/f51.item> (дата обращения: 27.11.2024).

²⁴ *Kottje R. Die Bussbücher Halitgars von Cambrai und des Hrabanus Maurus: Ihre Überlieferung und ihre Quellen*. Berlin; New York, 1980. S. 262.

²⁵ *Concilium Foroiuliense*. 10 // *Concilia aevi Karolini*. Pars 1. P. 192. L. 33–34.

²⁶ *Concilia quattuor anni 829., praecipua Concilium Parisiense*. (69.) II // *Concilia aevi Karolini / Rec. A. Werminghoff*. Pars 2. Hannover; Leipzig, 1908. P. 671. L. 7–8 (MGH. *Concilia*. T. 2): “*quod nisi causa fornicationis <...> non sit uxor dimittenda, sed potius sustinenda, et quod hi, qui causa fornicationis dimissis uxoribus suis alias ducunt, Domini sententia adulteri esse notentur*”. См. также: *Episcoporum ad Hludovicum*

В капитуляриях епископов есть соответствующие положения, в частности, у Теодульфа Орлеанского²⁷, откуда они перекочевали в собрания Бенедикта Левиты (850-е гг.), Исаака Лангского (860-е – 880 гг.) и Регинона Прюмского (ок. 906 г.)²⁸.

Удобным поводом для формулирования аргументированного отношения к разводу и новой женитьбе послужил бракоразводный процесс короля Лотаря II. В связи с этим в 862 г. появился трактат, который входит в состав материалов собора того же года в Ахене. Он отвечает на «главный вопрос, разрешается ли мужчине, отпустившему свою жену, пока она еще жива, привести другую» (*Quæstionis summa hæc est: Si liceat homini uxore dimissa aliam ducere adhuc illa vivente*), и на основании библейских, патристических (прежде всего, «О прелюбодейных браках» Августина) и канонических текстов выдвигает четкие доводы против нового брака короля, ссылаясь и на вышеназванный канон африканских соборов²⁹.

Соборное решение относительно развода и нового брака мужчины, близкое по времени и смыслу к формулировке канона Сплитского собора, было издано одним из крупнейших соборов X в.,

imperatorem relatio. (54.) XX // *Capitularia regum Francorum*. Т. 2 / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897. No. 196. P. 46. L. 3–4 (MGH. Legum sectio II). Имперский капитулярный того же года предусматривал публичное покаяние за заключение мужчиной нового брака после развода: *Capitulare pro lege habendum Wormatiense*. 3 // *Capitularia regum Francorum*. Т. 2. No. 193. P. 18. L. 29–30. О соборе в Париже, созванном Людовиком Благочестивым и его старшим сыном Лотарем и призванном исправить серьезные нестроения как в церковной, так и мирской жизни империи, см.: *Hartmann W. Die Synoden der Karolingerzeit im Frankenreich und in Italien*. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989. S. 179–187. Участники этого собора находились под влиянием зеркала «О наставлении мирян», написанного епископом Ионой Орлеанским до 828 г. и основанного в главах о разводе (12 и 13) на трудах Августина и Иеронима. См.: *Jonas d'Orléans. Instruction des laïcs*. Т. 1: *Livres I–II, 16 / Intr., texte, trad. et notes par O. Dubreucq; préf. de M. Rouche*. Paris, 2012. P. 406–430 (SC. Vol. 549).

²⁷ *Theodulf von Orléans. Zweites Kapitular*. V. 6 // *Capitula episcoporum* / Hrsg. von P. Brommer. Т. 1. Hannover, 1984. P. 162. L. 22–29 (MGH. Capitula episcoporum): “Si cuius uxor adulterium perpetraverit et hoc a viro deprehensum fuerit et publicatum, dimittat uxorem, si voluerit, propter fornicationem <...> Vir vero eius illa vivente nulatenus habeat licentiam aliam ducere uxorem”.

²⁸ *Benedicti capitularia*. III.382. P. 126. P. 18–20; Edition der falschen Kapitularien des Benedictus Levita. III. 382. P. 100. L. 8–11. — URL: <https://www.benedictus.mgh.de/edition/edition.htm> (дата обращения 27.11.2024); *Isaak von Langres. Capitula*. 3.9 // *Capitula episcoporum* / Hrsg. von R. Pokorny und M. Stratmann; unter Mitwirkung von W.-D. Runge. Т. 2. Hannover, 1995. P. 206–207. L. 23–1 (MGH. Capitula episcoporum); *Regino. De synodalibus causis*. II.130. P. 310. В сборнике Бенедикта Левиты, помимо вышеуказанного текста из капитулярия Теодульфа Орлеанского и соответствующего канона из актов Парижского собора 829 г., содержится и ряд других предписаний, запрещающих мужу новый брак до смерти разведенной с ним жены.

²⁹ *Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874* / Hrsg. von W. Hartmann. Hannover, 1998. P. 78–86 (MGH. Concilia. Т. 4).

состоявшимся в Ингельхайме 7 июня 948 г. с участием почти всех немецких прелатов, архиепископа Реймса и двух его суффраганов, в присутствии франкских королей Оттона I и Людовика IV. Канон 10 этого собора гласил: «мы подтвердили, что в соответствии с евангельским авторитетом и установлением священных канонов всякому христианину следует отпускать жену только по причине прелюбодеяния, но мы никоим образом не одобряем, чтобы, пока она жива, он приводил другую»³⁰. Впоследствии он вошел в авторитетную «Книгу декретов» (между 1012 и 1022 гг.) Бурхарда Вормского³¹.

Терминология, использованная собором в Сплите, адекватна церковной традиции и текстам франкского происхождения. В латинском переводе евангельского текста развод по инициативе мужа выражается фразой “*dimittere uxorem*”, которая обычно возникает в римских правовых памятниках в связи с супружеской изменой и, предположительно, подразумевает полный разрыв всех уз, включая и власть мужа (в соответствии с римским правом) над прелюбодейкой³². В раннее средневековье она означает развод, для которого также использовалось латинское “*divortium*”, но, в отличие от “*dimittere uxorem*”, оно не часто фигурировало в текстах VIII–X вв. Один из таких случаев, в котором “*divortium*” появляется в контексте ключевых для Сплитского собора цитат из Евангелия от Матфея и который подтверждает, что для франков в IX в. “*dimittere uxorem*” аналогично “*divortium*”, — это вышеназванный трактат 862 г. Там провозглашается:

“*Patet igitur liquido, quod fornicationis causa sicuti verbum evangelii reseratum est, et incestus crimine, id est consanguinitatis violatione, sicuti lege constitutum est, coniugia divortium subeant*” (Итак, совершенно ясно, что браки расторгаются как за блудодеяние, по слову Евангелия, так и за преступление кровосмешения, то есть нарушение кровного родства, как установлено законом)³³.

³⁰ Die Konzilien Deutschlands und Reichsitaliens 916–1001. Teil 1: 916–961 / Hrsg. von E.-D. Hehl; unter Mitarbeit von H. Fuhrmann. Hannover, 1987. P. 161. L. 16–18 (MGH. Concilia. T. 6): “*Ut evangelica auctoritate et sacrorum canonum institutione unicuique christiano liceat uxorem dimittere propter fornicationem solummodo, confirmavimus, nequaquam autem illa vivente aliam ducere comprobamus*”.

³¹ *Burchardus Wormaciensis. Decretorum libri XX ex consiliis, et orthodoxorum patrum decretis, tum etiam diuersarum nationum synodis, ceu loci communes congesti, in quibus totum Ecclesiasticum munus luculenta breuitate, et veteres ecclesiarum observationes complectitur. XIX. De fornicatione / [Ed. Bartold von Questenburgh]. Köln: Melchior von Neuß, 1548. P. 192.*

³² *Schaub V. Der Zwang zur Entlassung aus der Ehegewalt und die remancipatio ohne uxor // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 1965. Bd. 82. S. 119–121.*

³³ Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874. P. 88. L. 39–41.

В евангельском тексте как законный повод для развода указывается “fornicatio”, нарушение, не вполне ясное в библейском контексте и применимое к широкому спектру аморальных поступков, включая половые отношения. Латинский перевод адекватен греческому тексту, где этот же проступок именуется “πορνεία”. Для бесспорного обозначения прелюбодеяния существовали греческое “μοιχεία” и латинское “adulterium”, которые в данном случае не употребляются в евангелии. В связи с этим возникает затруднение в интерпретациях слов Христа³⁴. За текстом апостола Матфея угадывается «древний ближневосточный культурный контекст», в котором использование слова «блудоддеяние», вероятно, позволяло расширить круг причин для развода, не ограничиваясь лишь прелюбодеянием, а также сфокусировать внимание на жене³⁵. Однако для европейской жизни IX–X вв. эти соображения не представляются актуальными.

Что бы ни имели в виду ранние христиане, Сплитский собор 925 г. по всей видимости использовал то значение этого евангельского текста, которое закрепилось в церковной традиции. По крайней мере, с III в. “fornicatio” чаще всего понималось как прелюбодеяние, в том числе и в соборной практике, хотя в некоторых случаях его смысл этим не исчерпывался. Тертуллиан, Лактанций и Зенон Веронский прямо меняют евангельское “fornicatio” на “adulterium” или “moechia”³⁶.

³⁴ См. на эту тему: *Instone-Brewer D. Divorce and Remarriage in the Bible: The Social and Literary Context*. Grand Rapids, MI, 2002. Ch. 6. Jesus’ Teaching. Divorce on Biblical Grounds Only.

³⁵ *Das A.A. Remarriage in Early Christianity*. Grand Rapids, MI, 2024. P. 168–169.

³⁶ *Tertullien. Contre Marcion. Tome IV (Livre IV). IV.34.6 / Texte critique par C. Moreschini; intr., trad. et com. par R. Braun*. Paris, 2001. P. 416. L. 53–54 (SC. Vol. 456): “Nam et in euangelio Matthaei: ‘Qui dimiserit, inquit, uxorem suam praeter causam adulterii, facit eam adulterari’”; *Idem. Le mariage unique (De monogamia). IX.3 / Intr., texte critique, trad. et com. par P. Mattei*. Paris, 1988. P. 170. L. 19–21 (SC. Vol. 343); *Idem. La pudicité (De pudicitia). XVI.17. T. 1 / Intr. par C. Micaelli; texte critique et trad. par Ch. Munier*. Paris, 1993. P. 236. L. 74–76 (SC. Vol. 394); *Lactance. Institutions divines, Livre VI / Intr., texte critique, trad., notes et ind. par Ch. Ingremeau*. Paris, 2007 (SC. Vol. 509): “Adulterum esse, qui a marito dimissam duxerit, et eum, qui praeter crimen adulterii uxorem dimiserit, ut alteram ducat”; *Zeno Veronensis. Tractatus. I.1 (I.4) (De pudicitia). IV.13 / Ed. B. Löfstedt*. Turnhout, 1971. P. 11. L. 125–126 (CCSL. Vol. 22): “in praeceptis dominus ait: Qui dimiserit uxorem suam excepta causa adulterii, facit eam moechari”; *Concilium Veneticum A. 461–491. 2 // Concilia Galliae. A. 314 – A. 506 / Cura et studio Ch. Munier*. Turnhout, 1963. P. 152. L. 28–32 (CCSL. Vol. 148): “Eos quoque, qui relictis uxoris suis, sicut in euangelio dicitur excepta causa fornicationis, sine adulterii probatione alias duxerint, statuimus a communione similiter arcendos”; *Liber qui appellatur speculum et Liber de divinis scripturis sine speculum quod fertur. LXXX; CXXXVIII / Rec. F. Wehrich*. Wien, 1887. P. 578. L. 14–16; P. 692. L. 5–7 (CSEL. Vol. 12). «Книга о священных писаниях», приписываемая Августину, интенсивно использовалась в каролингский период, в частности, Теодульфом Орлеанским: *Opus Caroli regis contra synodum (Libri Carolini) / Hrsg. von A. Freeman; unter Mitwirkung von P. Meyvaert*. Hannover, 1998. P. 63–65 (MGH. Concilia. T. 2. Suppl. 1).

Эти понятия отождествляются Иеронимом и Августином в тех текстах, на которые ссылается вышеуказанный трактат 862 г. о разводе Лотаря³⁷, епископом Вюрцбурга Мегингоцом, в своем послании (между 755 и 786 гг.) просившим совета относительно развода и повторного брака у епископа Майнца Лулла³⁸, в вышеупомянутых актах Фриульского синода 796/797 г.³⁹ и Пасхазием Радбертом⁴⁰. Формулировка епископских капитуляриев Теодульфа Орлеанского, Исаака Лангрского и Регинаона Прюмского, а также сборника Бенедикта Левиты не оставляет сомнения в том, что и они под “*fornicatio*” подразумевают прелюбодеяние: «Если жена совершила прелюбодеяние (*adulterium*), и это было обнаружено и публично заявлено мужем, то он, если пожелает, пусть отпустит жену из-за блудодеяния (*fornicatio*)»⁴¹.

³⁷ Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874. P. 80. L. 26–32; *Hieronymus*. Commentariorum in Matheum libri IV. III.19.9. P. 167. L. 764–769: “Sola fornicatio est, quæ uxoris vincat affectum; immo cum illa unam carnem in aliam dividerit, et se fornicatione separaverit a marito, non debet teneri ne virum quoque sub maledicto faciat dicente scriptura: Qui adulteram tenet, stultus et impius est. Ubicumque est igitur fornicatio et fornicationis suspicio, libere uxor dimittitur”; *Augustinus*. De adulterinis coniugiis. I.3.2. P. 349. L. 17–19: “Propter hoc ergo tam magnum malum non licet homini dimittere uxorem, nisi ex causa fornicationis. Tunc enim non ipse dimittendo facit adulteram, sed dimittit adulteram”; *Idem*. Quaestionum in Heptateuchum libri VII. II.71.4 (Ex. 20.15) // *Idem*. Opera. Pars V / Ed. J. Fraipont. Turnhout, 1958. P. 105. L. 1220–1224 (CCSL. Vol. 33): “dominus enim dicit in euangelio: quicumque dimiserit uxorem suam excepta causa fornicationis, facit eam moechari. Hic utique fornicationem appellauit, si cum alio peccet quæ uirum habet, quod est moechia, id est adulterium. Omnis ergo moechia etiam fornicatio in scripturis dicitur”. Впрочем, Августин не ограничивает содержание “*fornicatio*” лишь прелюбодеянием. См., напр.: *Idem*. De sermone Domini in monte libri libros duos. I.16.45–46 / Ed. A. Mutzenbecher. Turnhout, 1967. P. 51. L. 1089–1090; P. 52. L. 1111–1117 (CCSL. Vol. 35): “idolatria, quam sequuntur infideles, et quaelibet noxia superstitio fornicatio est”.

³⁸ S. Bonifatii et Lulli epistolae. 134 / Ed. E. Dümmler // Epistolae Merowingici et Karolini aevi. T. I. Berlin, 1892. P. 420 (MGH. Epistolae. T. 3): “Videntur namque concorditur ESSIDORUS ac Hieronimus adfirmare: non debere adulteram teneri a viro, cui sociata alteri se more meretricis adiungat <...> et hoc esse preceptum vel permissum a salvatore, cum uxorem non demittendum absque fornicationis causa preciperet”.

³⁹ Concilium Foroiuliense. 10. P. 192. L. 33–34: “Item placuit, ut resolutio fornicationis causa iugali vinculo non liceat viro, quamdiu adultera vivit, aliam uxorem ducere, licet sit illa adultera, sed nec adultera, quæ paenas gravissimas vel paenitentiae tormentum luere debet, alium accipere virum nec vivente nec mortuo, quem non erubuit defraudare, marito”.

⁴⁰ *Pascasius*. Expositio in Matheo (IX–XII). IX.19.9. P. 942. L. 352–356: “Idcirco cum unam carnem mulier in aliam dividerit, et se fornicatione separaverit a marito, non debet teneri, quia moechata est, ne forte virum, qui se servavit castum sub maledicto faciat venire, dicente Scriptura: qui adulteram tenet, stultus et impius est. Ubicumque ergo fornicatio est, libere uxor dimittitur”.

⁴¹ “Si cuius uxor adulterium perpetraverit et hoc a viro deprehensum fuerit et publicatum, dimittat uxorem, si voluerit, propter fornicationem”; *Theodulf*. Zweites Kapitular. V. 6. P. 162. L. 22–29; *Benedicti capitularia*. III.382. P. 126, ll. 18–20; *Edition der falschen Kapitularien des Benedictus Levita*. III.382. P. 100. L. 8–11; *Isaak*. Kapitula. 3.9. P. 206–207.

Трактат 862 г., имея в виду обвинения, выдвинутые против королевы Теутберги, особо оговаривает, что предосудительное поведение жены до брака не может быть основанием для ее обвинения в прелюбодеянии (*non vocabitur adultera*) или блудодеянии, которое ведет к разводу (*potest fornicationis causa dimitti a marito*), если в браке она хранила верность мужу⁴². Поведение такого рода до свадьбы именуется здесь не блудодеянием (*fornicatio*), а «преступлением распущенности» (*non tales adulterio, sed luxuriae crimine denotantur*)⁴³.

Выражение “*nisi propter fornicationem*” в соответствующем контексте использует Августин в «Пересмотрах»: “*Item de praescepto, quo prohibetur uxor dimitti nisi propter fornicationem, hic quidem scrupulosissime disputavi*” (Кроме того, я здесь самым тщательным образом рассмотрел предписание, которое запрещает, чтобы жена отпускалась, за исключением прелюбодеяния)⁴⁴.

Форма “*propter fornicationem*” как условия для законного развода есть у Теодульфа Орлеанского и его эпигонов в этом деле (Исаака Лангрского, Бенедикта Левиты и Регина Прюмского)⁴⁵, в трактате «О разводе» Хинкмара Реймского⁴⁶ и толковании на Евангелие от Матфея Христиана Ставлоского⁴⁷.

У пассивного залога, в котором сформулировано предписание канона Сплитского собора, т.е. «чтобы жены не отпускались», есть свои аналогии. Например, Иероним вопрошает в «Апологии», адресованной Паммахию: “*qui domini dicit esse praesceptum, ne dimittantur uxores ... hic potest dici nuptias condemnare?*” (можно ли сказать,

L. 23–1; *Regino*. De synodalibus causis. II.130. P. 310. У Регина Прюмского этот текст приписывается Нантскому собору (канон 21).

⁴² Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874. P. 85. L. 24–29: “Unde quamvis quandam illa contraxerit fortassis, priusquam nupserit, corruptionem, nupta tamen legitime non vocabitur adultera, castitatis fidem si servaverit marito. Quod si ita est, quomodo potest fornicationis causa dimitti a marito, quandoquidem casta mansit cum ipso, quicquid uterque ante corruptionis pertulerit, et non sit licitum solvi matrimonia, nisi fornicationis intercesserit nevm”.

⁴³ *Ibid.* L. 36–39: “nupti vel qui nondum sunt vel qui intercedente morte separati sunt, si concumbunt cum alieno vel aliena, non tales adulterio, sed luxuriae crimine denotantur”.

⁴⁴ *Augustinus*. Retractionum libri II. I.19.6 / Ed. A. Mutzenbecher. Turnhout, 1984. P. 58. L. 74–75 (CCSL. Vol. 57). См. также: *Idem*. De adulterinis coniugiis I.8.9; I.11.12. P. 357. L. 16–17; P. 361. L. 1.

⁴⁵ *Theodulf*. Zweites Kapitular. V.6. P. 162. L. 25; *Isaak*. Capitula. 3.9. P. 206. L. 24; *Regino*. De synodalibus causis. II.130. S. 310.

⁴⁶ *Hinkmar*. De divortio. Responsio 21. P. 221. L. 14–16: “Dominus enim dicit, quia vir et uxor propter fornicationem ab invicem separati, si aliis se coniunxerint, adulterant, et qui iunxerint se aliis, moechantur”.

⁴⁷ *Christianus dictus Stabulensis*. Expositio super librum generationis / Éd. critique par R.B.C. Huygens. Turnhout, 2008. P. 150. L. 378–380 (CCCM. Vol. 224): “Simplex domini praesceptum est quod si et propter fornicationem dimiserit, nec ille debet aliam habere quoadusque illa uiuit, nec illa alium”.

что осуждает брак тот, кто говорит, что есть повеление Господа, чтобы жены не отпускаясь?)⁴⁸. Используя единственное число, Августин формулирует свою позицию в экзегетическом трактате «О Нагорной проповеди Господа» следующим образом: “Dominus ergo ad illud confirmandum, ut non facile uxor dimittatur, solam causam fornicationis exserit” (Господь же, чтобы удостоверить, что жена не должна быть легко отпущена, сделал исключение только в случае прелюбодеяния)⁴⁹. Это место цитируют Иона Орлеанский в сочинении «О наставлении мирян»⁵⁰ и уже неоднократно упоминавшийся трактат 862 г.⁵¹

Главное отличие между канонем Сплитского собора и франкскими предписаниями состоит в том, что франкская традиция, следуя за Августином, ограничивает запрет мужу заключать новые браки после развода сроком жизни первой жены⁵². В каноне Сплитского собора такого условия нет. Однако вышеуказанная оговорка не была неременной приметой времени: она отсутствует в некоторых текстах на эту тему, составленных в Риме в IX в., — в каноне 36 Римского синода 826 г., повторенном Римским синодом 853 г., и ответе 96 папы Николая I болгарскому хану Борису в 866 г.⁵³ В то же время она есть в послании папы Иоанна VIII архиепископу Кентерберийскому Этельреду в 877 или 878 г.⁵⁴, где он формулирует свое отношение к разводу и новому браку в соответствии с соответствующим правилом африканских соборов. Следовательно, в рамках канонической

⁴⁸ *Hieronymus*. Epistula. XLIX (XLVIII VALL.): Apologeticum ad Pammacium. 4.2. P. 355–356. L. 14–1; а также: *Idem*. Commentariorum in Matheum libri IV. III.19.9. P. 167. L. 769–777: “Ubicumque est igitur fornicatio, et fornicationis suspicio, libere uxor dimittitur. <...> sic priorem iubetur dimittere uxorem ut secundam prima uiuente non habeat”. Этот текст приводится в трактате 862 г.; Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874. P. 80. L. 25–30.

⁴⁹ *Augustinus*. De sermone Domini. I.14.39. P. 42. L. 908–910.

⁵⁰ *Jonas*. Instruction des laïcs. II.12. T. 1. P. 408.

⁵¹ Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874. P. 80. L. 9–10.

⁵² Парижский собор 829 г. не оговаривает это условие, потому что лишь буквально цитирует название главы 13 «О наставлении мирян» Ионы Орлеанского; Concilia quattuor anni 829. (69.) II. P. 671. L. 7–8.

⁵³ Concilium Romanum A. 826. 36 // Concilia aevi Karolini / Rec. A. Werminghoff. Pars 2. Hannover; Leipzig, 1908. P. 582. L. 6–8 (MGH. Concilia. T. 2): “Nulli liceat, excepta causa fornicationis, adhibitam uxorem relinquere et deinde aliam copulare; alioquin transgressorem priori convenit sociari coniugio”; Rom. Dezember 853. XXXVI // Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 843–859 / Hrsg. von W. Hartmann. Hannover, 1984. P. 328. L. 23–24 (MGH Concilia. T. 3); *Nicolaus I papa*. Epistolae. 99.96 // Epistolae Karolini aevi. T. 4 / Ed. E. Perels. Berlin, 1925. P. 597. L. 29–30 (MGH. Epistolae. T. 6).

⁵⁴ *Iohannes VIII papa*. Registrum. 75 / Ed. E. Caspar // Epistolae Karolini aevi. Berlin, 1928. T. 5. P. 72. L. 1–4 (MGH. Epistolae. T. 7): “His autem quos asseris uxores proprias contra praeceptum Domini relinquere, praecipimus neque virum ab uxore neque uxorem a viro, nisi causa fornicationis discedere: quod si ob hoc discesserit, manere innuptum vel innuptam, aut sibi mutuo reconciliari”.

практики Римской церкви допущение нового брака после смерти предыдущего партнера могло применяться либо ситуативно, либо опускаться в предписаниях как нечто само собой разумеющееся.

Обучение словесности свободных и рабов

Вторая часть канона гласит: «и чтобы наследников своих, рабов своих отдавали для занятий словесностью. Чтобы эти (отданные в обучение будущие клирики. — В.П.) настоятельно обличали тех, кто желает иметь совершенное христианство, и те бы их охотно выслушивали, не как чужеземцев, а как своих».

Взаимосвязь двух частей канон не вполне ясна, хотя обе, безусловно, вписываются в тематику семейных отношений. В блоке, посвященном браку и семье в трактате Ионы Орлеанского «О наставлении мирян», глава о воспитании детей «в страхе Божьем» также сразу же следует за двумя главами о разводе из-за прелюбодеяния и недопустимости нового брака⁵⁵.

Вероятно, это решение было реакцией на послания папы Иоанна X славянским правителям в Далмации и церковным иерархам Салонской митрополии накануне собора 925 г. Они свидетельствуют о беспокойстве папы по поводу практики, возникшей в Салонской провинции и, по его мнению, противоречившей основополагающим принципам Евангелия. Он обозначил ее как «учение Мефодия» (*Methodii doctrina*) и призвал «исправить всё в славянской земле» (*cunctaque per Slauiniam terram... corrigere*)⁵⁶. Речь идет о том, что у славян, по-видимому, находившихся под властью «короля хорватов» Томислава и «дукса хумцев» Михаила, богослужение совершалось на «чужеземном» языке, т.е. «на варварском, или славянском» (*in barbara seu Slaunica lingua deo sacrificium offerre*). Понтифик требовал, чтобы «славяне, возлюбленные сыновья святой Римской церкви», пользовались языком своей «матери-церкви» — латынью — и таким образом оставались с ней в общении. А для реализации этой программы он призывал отдать «ваших нежнейших детей Богу с колыбели для занятий словесностью, чтобы они, наставленные Богом, могли своими увещаниями избавить вас от греховных соблазнов для вышнего отечества, где пребывает Христос со всем сонмом избранных»⁵⁷.

⁵⁵ *Jonas. Instruction des laïcs. II.14. T. 1. P. 430–431.*

⁵⁶ *Historia Salonitana maior. P. 95.* Об идейном и понятийном соответствии посланий Иоанна X практике Римской церкви того времени см.: *Katičić R. Methodii doctrina // Slovo. Časopis Staroslavenskog instituta. 1986. Sv. 36. S. 11–44; Gračanin H., Petrak M. The Notion of the Methodii Doctrina in the Context of the Church Synod of Split AD 925 // The Byzantine Missionary Activity and Its Legacy in Europe. Proceedings of the 4th International Symposium “Days of Justinian I”, Skopje, 11–12 November, 2016 / Ed. by M. B. Panov. Skopje: “Euro-Balkan” University, 2017. P. 28–42.*

⁵⁷ *Historia Salonitana maior. P. 97.*

В этом контексте Иоанн X ссылался на опыт своего предшественника, папы Григория, трудами которого «в новое время саксы восприняли учение, а также обучение словесности именно на том языке, который остается священным достоянием их матери-апостольской церкви»⁵⁸. Радослав Катичич, перечисляя всех возможных Григориев на папском престоле до Иоанна, предпочитает последнего, Григория IV, как наиболее близкого к первой четверти X в. и соответствующего указанию на «новое время»⁵⁹. Однако слова самого Григория IV свидетельствуют о его непричастности к евангелизации саксов. Назначая своих посланцев к свеям, данам и славянам, он пишет, что «во времена наших предшественников король Карл подчинил народ саксов священному поклонению Христу и его игу, которое сладостно и легко <...> и решил укрепить собственной епископской силой крайний предел своего королевства, находившийся за Эльбой среди смертельных опасностей со стороны язычников, чтобы он не вернулся к языческим обрядам и потому что, очевидно, эта земля представлялась самой подходящей для овладения язычниками»⁶⁰. Замысел Карла Великого — основание епископии в Гамбурге — осуществил его сын, Людовик Благодетельный, и Григорий IV к этому не имел отношения.

Я полагаю, что Иоанн X имеет в виду Григория I, отправившего миссию Августина к (англо)саксам, и его миссионерское наследие. В 870-е гг. Иоанн Диакон написал в Риме очень популярное житие этого папы (BHL 3641–3642)⁶¹. Вполне вероятно, что Иоанн X был знаком с этим произведением. Там, в частности, говорится о том, что «Григорий не только посвятил Христу Господу оставшихся на своих

⁵⁸ Ibid.: “Quis enim ambigit Slavinorum regna in primitie apostolice et uniuersalis ecclesie esse conumerata, cum a cunabulis escam predicationis apostolice ecclesie per ceperunt cum lacte carnis, sicut Saxones novo tempore a nostro antecessore, pie memorie Gregorio papa, doctrinam pariter et literarum studia in ea uidelicet lingua in qua illorum mater apostolica ecclesia infulata manebat”.

⁵⁹ *Katičić R. Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*. Zagreb, 1998. S. 406.

⁶⁰ *Papsturkunden in Niedersachsen und Bremen bis 1198 / Hrsg. von J. Dolle. Göttingen, 2019. P. 68, 70, 72: “rex Karolus tempore praedecessorum nostrorum, diuino afflatus spiritu, gentem Saxonum sacro cultui subdidit iugumque Christi, quod suaue ac leue est <...> ultimamque regni ipsius partem trans Albiam inter mortifera paganorum pericula constitutam, uidelicet ne ad ritum relaberetur gentium, uel etiam quia lucrands adhuc gentibus aptissima uidebatur, proprio episcopali uigore fundare decreuerat. Sed quia effectum mors prohibuerat, succedente eius praecellentissimo filio Ludouico, imperatore augusto, pium studium sacri genitoris sui efficaciter impleuit”*. См. контекст в: *Knibbs E. Ansgar, Rimbert, and the Forged Foundations of Hamburg-Bremen*. London; New York, 2011.

⁶¹ *Iohannes diaconus. Vita Gregorii I papae // PL. T. 75. Col. 59-242. Насчитывается 6 рукописей IX в. и 8 — X в. Iohannes Hymmonides diaconus Romanus. Vita Gregorii I papae (BHL 3641–3642). Vol. I. La tradizione manoscritta / A cura di L. Castaldi. Firenze, 2004.*

местах саксов, но и привел к познанию веры их мальчиков, рассеянных по чужим странам, ежегодно покупая их за свой счет», а также «наставлял священника Кандида, говоря: "...мы желаем, чтобы ваша любовь <...> приобрела мальчиков-англов 17–18 лет, а те, отданные в монастырь, могли расти в Боге"»⁶².

В житии папы появляется и образ нового языка для англосаксов, языка верных. Иоанн Диакон цитирует отрывок из «Моралий на книгу Иова», в которых Григорий Великий говорит об обращении Британии так: «Вот, язык Британии, который только и знал, что скрежетать по-варварски, уже давно, славя Бога, начал возглашать еврейские слова. Вот, некогда бурлящий океан теперь покорён, распростершись у ног святых, и его варварские устремления, которые не могли обуздать мечом земные правители, в страхе Божьем скованы простыми словами из уст священников; и тот из неверных, который никогда не боялся военных полчищ, теперь как верный страшится языков смиренных. Так как услышанные с небес слова и сияющие вокруг чуда наполняют его силой божественного знания, он удерживается тем же страхом Божиим»⁶³.

Если предположить, что под "studia literate" в тексте канона следует понимать "studia litterarum", о которых пишет Иоанн X (например, при копировании могла вкратиться ошибка и рукописное сокращение -rum было принято за -te), то фраза «отдать для занятий словесностью» аналогична соответствующим местам в рассказе Григория Великого о Бенедикте Нурсийском⁶⁴ или в созданном в IX в. Житии епископа Реймса Ниварда (BNL 6243, самая ранняя рукопись — XI в.)⁶⁵.

⁶² Ibid. II.46. Col. 107A–B: "Igitur Gregorius non solum Saxones in propriis sedibus commanentes Christo Domino dedicavit, verum etiam pueros eorum per exteras regiones diffusos, suis pretiis comparans annualiter, ad cognitionem fidei deducebat. Unde Candidum presbyterum commonet, dicens: "...volumus ut dilectio tua <...> pueros Anglos, qui sunt ab annis decem et septem, vel decem et octo, ut in monasteriis dati Deo proficiant, comparet".

⁶³ Ibid. II.39. Col. 102B–C: "Ecce lingua Britanniae, quae nihil aliud noverat quam barbarum frendere, iam dudum in Dei laudibus Hebraea coepit verba resonare. Ecce quondam tumidus, iam substratus sanctorum pedibus servit Oceanus, eiusque barbaros motus, quos terreni principes edomare ferro nequiverant, hos pro divina formidine sacerdotum ora simplicibus verbis ligant; et qui catervas pugnantium infidelis nequaquam metuerat, jam nunc fidelis humilium linguas timet. Quia enim perceptis coelestibus verbis, clarescentibus quoque miraculis, virtus ei divinae cognitionis infunditur, ejusdem divinitatis terrore refrenatur". См. этот текст и в: Gregorius Magnus. *Moralia in Iob. Libri XXIII–XXXV. XXVII. XI.21* / Cura et studio M. Adriaen. Turnhout, 1985. P. 1346. L. 68–75 (CCSL. T. 143B).

⁶⁴ *Grégoire le Grand. Dialogues. T. II: Livres I–III / Texte critique et notes par A. de Vogüé; trad. par P. Antin. Paris, 1979. P. 126. L. 6–7 (SC. Vol. 260): "liberiori genere... Romae liberalibus litterarum studiis traditus fuerat".*

⁶⁵ *Almannus Altivillarensis monachus. Vita Nivardi episcopi Remensis. (2) / Ed. W. Levison // Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici (III) / Ed. B. Krusch et W.*

Под наследниками в каноне, вероятно, имеются в виду сыновья, которым переходило отцовское наследство, и — в отличие от следующих далее в тексте рабов — свободные люди. Во франкской экзегетике примером определения сущности наследника в сопоставлении с рабом служит толкование Хаймона Осерского на послание апостола Павла к евреям, где сын Божий назван «наследником всего» (*haeres universorum*). Хаймон рассуждает о различии Ветхого и Нового Заветов, о переходе «от закона Моисеева к благодати Евангелия» и объясняет позицию апостола Павла: «Он некогда говорил с нашими отцами как с рабами через рабов своих, ангелов, и через их со-рабов, пророков, теперь же, в эти последние дни века, Он говорил с нами, апостолами, и со всеми другими верующими как с сыновьями через Сына. Ибо сколь велика дистанция между благодатью Евангелия, которая была дана через Сына, и законом, который был предписан через раба, столь велико различие между служителями и слушателями закона, поскольку рабы были посланы к рабам, и между обетованием и благодатью, которая была дана через Сына сыновьям, а затем передана через сыновей сыновьям. Далее следует [в послании апостола]: “которого [Сына] Он назначил наследником всего”. *Haeres* (наследник) именуется так по слову *herus* (хозяин), то есть господин, потому что он свободно господствует над отцовским наследством»⁶⁶. И еще: «Сколь велика разница между слугой (*famulus*), которого отец семейства (*paterfamilias*) ставит во главе своего дома, и сыном, которого он оставляет наследником, столь велика дистанция между Моисеем и Христом. Ибо Моисей был верным и преданным слугой в доме всемогущего Бога, т.е. среди народа израильского <...>, а Хри-

Levison. Hannover; Leipzig, 1910. P. 160. L. 20–25 (MGH. *Scriptores rerum Merovingicarum*. T. 5): “Quod litterarum studii traditus sit”; Reims, Bibliothèque d’Etude et du Patrimoine (Bibliothèque Carnegie; olim Bibliothèque Municipale) 1403 (K. 781), fol. 185r. — URL: <https://arca.irht.cnrs.fr/ark:/63955/md257d27bs5k> (дата обращения 7.12.2024).

⁶⁶ *Haimo*. In *Epistolam ad Hebraeos*. I // PL. T. 117. Col. 822 B–C: “Patribus nostris, utpote servis, locutus est olim per servos suos angelos, et per conservos illorum prophetas, novissime autem diebus istis ultimae aetatis, locutus est nobis apostolis, omnibusque aliis fidelibus per Filium, utpote filiis. Nam quanta distantia est inter gratiam Evangelii, quae per Filium data est, et legem quae per servum administrata est: tanta differentia est inter ministros et auditores legis, quoniam servi ad servos missi sunt, et inter promissionem et gratiam, quae per Filium data est filiis, ac postmodum per filios filiis administrata. Sequitur: *quem constituit haeredem universorum*. *Haeres* dicitur ab hero, id est domino, eo quod libera potestate in haereditate paterna dominetur”. Это толкование, сохранившееся во множестве списков, ошибочно приписывалось Хаймону Хальберштадскому, под именем которого оно и было опубликовано в «Патрологии» Миня. См.: *Guglielmetti R. E. Haimo Autissiodorensis // La trasmissione dei testi latini del Medioevo. Te.Tra. 3 / A cura di P. Chiesa e L. Castaldi. Firenze, 2008. P. 187–255.*

стос свободно распоряжается своим домом, т.е. своей Церковью, как сын отеческим наследством»⁶⁷.

Упоминание наследников и рабов в контексте занятий словесностью перекликается с обращенным к священникам призывом «Общего наставления» (*Admonitio generalis*) Карла Великого «объединять и привлекать к себе не только детей рабского состояния, но и сыновей свободных людей», открывать «школы читающих мальчиков» и не позволять им «коверкать католические книги ни при чтении, ни на письме»⁶⁸.

Занятия словесностью были начальным этапом на пути к получению священнического звания. В 830-е гг. Валафрид Страбон свидетельствует об этом в Житии Отмара (VHL 6386), аббата Сен-Галлена: «Отмар... находясь долгое время на службе у Виктора, комита в тех краях, и возвысившись в знании словесности, искатель добродетелей и обладатель похвальных нравов, достиг степени священства, и, любезно оставленный вышеупомянутым комитом, был поставлен над одной церковью (*titulus*) святого Флорина Исповедника»⁶⁹. В каноне Сплитского собора речь, по всей видимости, идет именно о будущих священниках, о чем свидетельствует их обязанность наставлять тех, кто стремится к «совершенному христианству».

В программном документе каролингских реформаторов, «Послании о насаждении грамотности», сформулирована цель такого обучения — «легче и вернее проникать в тайны божественного писания, а поскольку на священных страницах встречаются фигуры речи, тропы и другие подобные им вещи, нет сомнения, что каждый

⁶⁷ *Haimo*. In *Epistolam ad Hebraeos*. III. Col. 841 C–D: “Quanta differentia est inter famulum quem paterfamilias praeponit domui suae, et filium quem derelinquit haeredem, tanta distantia est inter Moysen et Christum. Moyses enim fidelis et devotus famulus fuit in domo Dei omnipotentis, hoc est in plebe Israelitica <...> Christus vero libere ordinat domum suam, hoc est Ecclesiam suam, tanquam filius haereditatem paternam. De qua domo subjungit Apostolus, dicens: Quae domus sumus nos, si fiduciam et gloriam spei usque ad finem firmam retineamus”.

⁶⁸ Die *Admonitio generalis*. P. 222–224. L. 318–324: “Et non solum servilis conditionis infantes, sed etiam ingenuorum filios adgregant sibi que sociant. Et ut scholae legentium puerorum fiant. Psalmos, notas, cantus, compositum, grammaticam per singula monasteria vel episcopia et libros catholicos bene emendate, quia sepe dum bene aliqui deum rogare cupiunt, sed per inemendatos libros male rogant. Et pueros vestros non sinite eos vel legendo vel scribendo corrumpere”. Тот же текст в: Die *Kapitulariensammlung des Ansegis*. I.68. P. 467. L. 11–13.

⁶⁹ *St. Gallische Geschichtsquellen I: Vita et miracula S. Galli. Vita et miracula S. Ottonis / Hrsg. von G. Meyer von Knonau // Mitteilungen zur vaterländischen Geschichte. Historischer Verein des Kantons St. Gallen. 1870. Folge 12. P. 95: “in servitio Victoris, earundem partium comitis, multo tempore constitutes et literarum scientia sublimatus, virtutum sectator morumque laudabilium possessor sacerdotii gradum conscendit et a supradicto comite benigne retentus cuidam titulo sancti Florini confessoris praelatus est”.*

умеющий читать понимает их духовно тем быстрее, чем полнее прежде он был обучен словесности»⁷⁰.

Во Франкской империи образование «каждого человека, старшего или младшего, который обучается, чтобы продвинуться в той или иной степени в церкви», было поручено епископам и пресвитерам, а материальное содержание возложено на его родителей или хозяина⁷¹. Этот процесс поддерживался Римским папой⁷². В период, предшествовавший Сплитскому собору, такие школы «по возможности» и, очевидно, не без трудностей сохранялись⁷³. Так, Одон, аббат Ключи в 927–942 гг., рассказывал, что отец отдал его в младенчестве «одному своему священнику для воспитания и занятий словесностью»⁷⁴, а для архиепископа Кёльна Бруно они начались в 929 г., когда ему было около 4 лет, и включали в себя «искусство грамматики», которую он осваивал, читая Пруденция⁷⁵.

⁷⁰ *Epistola de litteris colendis // Capitularia regum Francorum*. T. I. P. 79. L. 30–35: “Quamobrem hortamur vos litterarum studia non solum non negligere, verum etiam humillima et Deo placita intentione ad hoc certatim discere, ut facilius et rectius divinarum scripturarum mysteria valeatis penetrare. Cum autem in sacris paginis schemata, tropi et caetera his similia inserta inveniuntur, nulli dubium est, quod ea unusquisque legens tanto citius spiritualiter intelligit, quanto prius in litterarum magisterio plenius instructus fuerit”.

⁷¹ *Capitula ab episcopis Attiniaci data (822)*. 3 // *Capitularia regum Francorum*. T. I. P. 357. L. 36–41: “Scolas <...> omnino studiosissime emendare cupimus, qualiter omnis homo sive maioris sive minoris aetatis, qui ad hoc nutritur ut in aliquo gradu ab ecclesia promoveatur, locum denomit natum et magistrum congruum habeat. Parentes tamen vel domini singulorum de victu vel substantia corporali unde subsistant providere studeant, qualiter solacium habeant, ut propter rerum inopiam doctrinae studio non recedant”; *Admonitio ad omnes regni ordines (825)*. 6 // *Ibid.* P. 304; *Concilium Parisiense A. 829. XXX // Concilia aevi Karolini*. Pars 2. P. 632. См.: *Contreni J.J.* *The Carolingian Renaissance: Education and Literary Culture // The New Cambridge Medieval History*. Vol. II: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick Cambridge etc., 2006. P. 714.

⁷² *Concilium Romanum A. 826*. 34. P. 581. L. 7–12: “De scolis reparandis pro studio litterarum <...> in universis episcopis subiectisque plebibus et aliis locis, in quibus necessitas occurrerit, omnino cura et diligentia adhibeatur, ut magistri et doctores constituentur, qui, studia litterarum liberaliumque artium habentes dogmata, assidue doceant, quia in his maxime divina manifestantur atque declarantur mandata”.

⁷³ *Theodulf. Zweites Kapitular*. V.6. XX. P. 116. L. 3–5: “Presbyteri per villas et vicus scholas habeant. Et si quilibet fidelium suos parvulos ad discendas litteras eis commendare vult, eos suscipere et docere non renuant, sed cum summa caritate eos doceant”; *Capitula Herardi archiepiscopi Turonensis*. XVII // *Capitula episcoporum*. T. 2. P. 131. L. 9: “Ut scholas presbyteri pro posse habeant et libros emendatos”; *Capitula a Walterio reverendo pontifice comprehensis promulgata in sinodo apud Bullensem fundum II. VI / Capitula episcoporum*. T. 1. P. 189. См. *Contreni J.J.* *The Carolingian Renaissance*. P. 715, 723. Map 20 (Carolingian schools, scriptoria and literary centres).

⁷⁴ *Iohannes Cluniacensis*. *Vita Odonis abbatis (BHL 6292–6296)*. 7 // *PL*. T. 133. Col. 46 C–D: “Post haec ablactatum cuidam suo presbytero, remotiori manenti loco, me tradidit educandum, et litterarum studiis imbuendum”.

⁷⁵ *Ruotgers Lebensbeschreibung des Erzbischofs Bruno von Köln (BHL 1468)*. 4 / *Hrsg. von I. Ott*. Weimar, 1951. P. 5. L. 1–4; 12–15 (MGH. *Scriptores rerum Germani-*

Франкским священникам полагалось уметь читать, понимать прочитанное и проповедовать, а также знать и иметь в церкви необходимые для пастырского служения тексты. В опроснике священников Регинон Прюмский перечисляет, что они должны знать, понимать и проповедовать. В этом списке находятся: «толкование Символа веры и Молитвы Господней по преданию православных отцов», «молитвы мессы, предваряющие канон молитвы и сам канон», послания и евангелие, псалмы и «дифференции с обычными песнопениями», Афанасиев символ веры, «экзорцизмы и молитвы оглашения, освящения для купели и прочие молитвы над мужчиной и женщиной», «чин крещения в помощь больным», чин примирения, елеосвящение, чин погребения, экзорцизмы и освящение воды и соли, антифоны, малый компут, «мартиролог, чтобы возвещать народу дни память святых», 40 бесед на Евангелия Григория Великого, «Римский пенитенциалий либо пенитенциалий Феодора или Беды»⁷⁶.

Изучение 11 инвентарных списков сельских церквей в Баварии, составленных между 788/789 и 899 г., свидетельствует о том, что отдельные книги в приходах действительно были. Например, в составленную в 899 г. опись церкви одной «знатной вдовы» в Мауэрне (близ Мюнхена) внесены 2 миссала, лекционарий, антифонарий, градуал и гомилиарий⁷⁷.

В словах канона Сплитского собора о том, что «эти должны настоятельно обличать тех, кто желает иметь совершенное христианство, и те их охотно выслушивать», скрыты элементы текста из Евангелия от Матфея: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего»⁷⁸.

carum. Nova series. T. 10): “Eo tempore generosa regum proles, annos circiter IIII habens, liberalibus litterarum studiis inbuenda Baldrico venerabili episcopo, qui adhuc superest, Traiectum missa est»; «Deinde ubi prima grammaticę artis rudimenta percepit, sicut ab ipso in Dei omnipotentis gloriam hoc saepius ruminante didicimus, Prudentium poetam tradente magistro legere coepit”.

⁷⁶ *Regino*. De synodalibus causis. I.82–96. P. 36–38. На протяжении столетия требования оставались в основном схожими, если, например, сравнивать с Фрейзингским епископским капитулярием I первой четверти IX в.: *Capitula Frisingensia prima // Capitula episcoporum*. T. 3 / Hrsg. von Rudolf Pokorny. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1995. P. 204–205 (MGH. Capitula episcoporum).

⁷⁷ *Hammer Jr. C. I. Country Churches, Clerical Inventories and the Carolingian Renaissance in Bavaria // Church History*. 1980. Vol. 49. No. 1. P. 5–17; *Patzold S. Correctio an der Basis: Landpfarrer und ihr Wissen im 9. Jahrhundert // Karolingische Klöster. Wissenstransfer und kulturelle Innovation / Hrsg. von J. Becker, T. Licht und S. Weinfurter*. Berlin; München; Boston, 2015. S. 239.

⁷⁸ Mt 18:15; Vulg. P. 1553–1554. “Si autem peccaverit in te frater tuus vade et corripue eum inter te et ipsum solum si te audierit lucratus es fratrem tuum”.

В пастырском наставлении, составленном около 800 г., возможно, архиепископом Зальцбурга Арно для приходского духовенства, в искаженном виде используется это евангельское место об обличении греха. Там говорится: «И если какой-нибудь священник в своем приходе найдет гордого и надменного человека, не хранящего своей веры, которую должен иметь, и тот не захочет слушаться священника, то пусть священник сделает так, как повелел Господь: пусть исправит (вместо *обличит*. — В.П.) его между собой. Если же тот не захочет слушать его, то пусть приведет двух или трех свидетелей», и далее по тексту Евангелия от Матфея⁷⁹.

В похожем контексте его привлекает Иона Орлеанский в трактате «О наставлении мирян», за которым, очевидно, следуют составители не сохранившихся в рукописном виде актов синода в Дузи в 871 г. и Хинкмар Реймский в трактате «О разводе». Этот евангельский текст оказывается у них связанным с исповедью мирян перед священником и обличением их грехов.

Так, Иона пишет: «Исповедующие свои грехи священникам на тайной исповеди и истребляющие их достойным покаянием ни в коем случае не должны изобличаться. Что же касается грехов, которые брат признал против брата, то евангельское предостережение должно в точности соблюдаться. Нижеследующее показывает, что, если знающие о некоторых чужих грехах не исправят их или не откроют их для исправления, они окажутся в опасности»⁸⁰. Далее приводится и текст Мф. 18:15–17.

В послании к славянским правителям Иоанн X вводит оппозицию наш–не наш (свой–чужой), прежде всего с точки зрения использования латыни (наш) или славянского языка (не наш). Папа заключает: «я не сомневаюсь, что в тех, кто стремится принести жертву на славянском языке, осталось что-нибудь иное, кроме того, что написано: “Они вышли от нас, но они не наши, ведь если бы они были нашими, то как бы они были с нами”, кроме как разделяя

⁷⁹ Un manuel de pastorale de l'époque carolingienne [CIm 27152]. V / ed. R. Étaix // Revue Bénédictine. 1981. Vol. 91. P. 118. L. 53–57: “Et si in parrochia sua aliquis presbyter hominem superbum tumidumque inuenerit, qui fidem suam quam debet habere non custodit 55 nec sacerdoti obaudire noluerit, tunc sacerdos agat quod Domini est praeceptum: Corrigat eum inter semetipsum. Si eum audire noluerit, adhibeat testes duos uel tres. Si eum audire noluerit, adhibeat testes duos uel tres. Si nec sic audire noluerit, dicat coram tota ecclesia”.

⁸⁰ Jonas. De institutione laicali. I.18 // PL. 106. Col. 156C: “Confitentes secreta confessione sacerdotibus peccata sua, et ea dignae poenitentiae satisfactione delentes, nequaquam sunt prodendi. De peccatis vero quae frater in fratrem admiserit, evangelicum documentum prorsus est sequendum. Quod autem conscii quorundam alienorum peccatorum, nisi ea aut correxerint, aut emendationis gratia manifestaverint, in discrimen adducuntur, ea quae sequuntur manifestant”; Douzy, 5. Aug. – 6. Sep. 871. VIII // Die Konzilien der karolingischen Teilreiche 860–874. P. 594. L. 34–41; Hinkmar. De divortio. Responsio 6. P. 248. L. 15–19.

общение и язык»?⁸¹ Подобное противопоставление воспроизводится и в Сплитском каноне, но там приобретает иной смысл.

Для Иоанна X «наши» — это «возлюбленнейшие сыновья святой Римской церкви», которые должны стремиться к тому, чтобы, как сказано в каноне Сплитского собора, «иметь совершенное христианство». Именно это понятие использует папа Николай I в заключении своих ответов болгарскому князю Борису, где противопоставляет «истинное и совершенное христианство» Римской церкви мнениям иных христиан, которые проповедовали в болгарских землях. Обращаясь к Борису, папа пишет: «Вы смиренно просите нас, чтобы мы даровали вам точно так же, как и другим народам, истинное и совершенное христианство без пятна и порока, утверждая, что в вашу страну из разных мест прибыло много христиан, которые по своему выбору говорят многое и разное, а это и греки, и армяне и из иных мест <...> святая же Римская Церковь всегда была без пятна и без порока, именно потому, что ее основал тот, чье исповедание веры было божественно одобрено; для укоренения именно такой веры христианства <...> мы, по вдохновению Божию, послали в вашу страну вот эти наши писания и различные книги»⁸².

Если у Иоанна X оппозиция «свои–чужие» прежде всего связана с использованием в качестве сакрального языка латыни или славянского, то в каноне Сплитского собора в различении своих и чужих просматриваются родовые различия: использование “*peregrini*” наряду с “*progrii*” подразумевает, что под первыми имеются в виду чужеземцы. Возможно, речь идет о привлечении для работы со славянской паствой иностранных (странствующих) клириков, пусть даже и из относительно близких далматинских городов. В качестве законного основания для перемещения и служения на новом месте им требовались рекомендательные письма, как, например, указано в «Общем наставлении», ссылающемся на каноны ранних соборов⁸³.

⁸¹ *Historia Salonitana maior*. P. 97: “Non quippe ambigo, ut in eis aliud maneat, qui in Slauinica lingua sacrificare contendit, nisi illud, quod scriptum est: “Ex nobis exierunt et non sunt ex nobis; nam si ex nobis essent manerent utique nobiscum”, nisi in nostra conuersatione et lingua”. Искаженно цитируется: 1 Ин. 2:19; Vulg. P. 1874.

⁸² *Nicolaus I. Epistolae*. 99.106. P. 599–600. L. 28–4: «”deprecamini nos suppliciter, ut vobis, quemadmodum ceteris gentibus, veram et perfectam Christianitatem non habentem maculam aut rugam largiamur, asserentes quod in patriam vestram multi ex diversis locis Christiani advenerint, qui, prout voluntas eorum existit, multa et varia loquantur, id est Graeci, Armeni et ex ceteris locis <...> Nam et sancta Romana Ecclesia semper sine macula fuit et sine ruga, nimirum quia ille hanc instituit, cuius fidei confessio divinitus extitit approbata. Ad quam videlicet Christianitatis fidem, licet eius mysteria consummate nullus intellegere valeat, vobis insinuandam inspirante Deo ecce scripta nostra, et missos ac diversos codices in patriam vestram destinavimus”.

⁸³ *Die Admonitio generalis*. 3. P. 186. L. 50–53: ”Item in eodem concilio necnon et in Antiocheno simul et in Calcidonense, ut fugitivi clerici et peregrini a nullo recipiantur

В частности, странствующие клирики как “clerici peregrini” фигурируют в латинском переводе канона 13 Халкидонского собора, который есть в собраниях “Prisca”, Дионисия Малого, “Dionysio-Hadriana”, собора в Ахене 816 г. и Регинона Прюмского⁸⁴.

Наконец, “presbyter proprius” (собственный священник) тоже встречается в церковной практике каролингского времени. Это был приходской священник, как явствует из правила в собрании Регинона Прюмского, предписывающего следующее: «перед совершением мессы по воскресеньям или в праздничные дни священники должны спросить у прихожан, нет ли в церкви чужого прихожанина, который хочет слушать там мессу, презрев собственного священника; если они найдут такого, то его следует немедленно выгнать из церкви и заставить вернуться в свой приход»⁸⁵. В исповедально-покаянном контексте примечательны два других канона из этого же сборника. Первый велит, чтобы согрешивший «поспешил к собственному священнику и с чистотою ума смиренно исповедал все преступления и все грехи», а затем «внимательно выслушал и тщательно исполнил предписанное

nec ordinentur sine commendaticii litteris et sui episcopi vel abbatis licentia”. См. также канон 27 Франкфуртского собора 794 г.; Concilium Francofurtense A. 794 // Concilia aevi Karolini. Pars I. P. 169. Адальхард упоминает таких «странствующих клириков» (clerici peregrini) в своих статутах (822 г.). Brevis quem Adalhardus senex, ad Corbeiam regressus, anno incarnationis domini DCCCXXII, mense Januario, indictione quinta decima, imperii vero gloriosi Chluduici Augusti VIII, fieri iussit. IV / Ed. J. Semmler // Initia consuetudines benedictinae: consuetudines saeculi octavi et noni / Ed. by K. Hallinger. Sieburg, 1963. P. 372. L. 12–13 (Corpus consuetudines monasticarum, Vol. 1). Пример рекомендательного письма для клирика Эгильберта с предоставлением возможности его ординации — послание епископа Вормса архиепископу Майнца 839 или 840 г. См. в: Epistolae variorum 798–923. 20 / Hrsg. von I. Schröder. Wiesbaden: Harrassowitz, 2022 (MGH. Epistolae. T. 9). P. 38–39.

⁸⁴ “VT IN ALIENA CIVITATE CLERICI NON MINISTRENT. Peregrinos clericos et lectores in alia ciuitate sine synodochiis litteris sui episcopi penitus nusquam ministrare possint”: Rerum Chalcedonensium collectio Vaticana. Canones et Symbolum / Ed. Eduard Schwartz. Berlin; Leipzig, 1936 (rep. 2011). P. 37 [129]. L. 1–3; P. 57 [149]. L. 17–20; P. 101 [193]. L. 5–6; P. 108 [200]. L. 8–9. (Acta conciliorum oecumenicorum. T. II: Concilium Universale Chalcedonense. Vol. II: Versiones particulares); Die Canonessammlung des Dionysius Exiguus in der ersten Redaktion / Hrsg. von Adolf Strewe. Berlin; Leipzig, 1931. P. 102. L. 10–12 (Arbeiten zur Kirchengeschichte. Bd. 16); *Regino*. De synodalibus causis. I.437–438. P. 220; Concilium Aquisgranense. A. 816. 51 // Concilia aevi Karolini / Rec. A. Werminghoff. Hannover; Pars 1. Leipzig, 1906. P. 363. L. 4–6 (MGH. Concilia. T. 2). Die Admonitio generalis. 3. P. 186. L. 50–53: “ut fugitivi clerici et peregrini a nullo recipiantur nec ordinentur sine commendaticii litteris et sui episcopi vel abbatis licentia”. См. также: Die Kapitulariensammlung des Ansegis. 1.3 / Hrsg. von Gerhard Schmitz. Hannover, 1996. P. 445. L. 5–7 (MGH. Capitularia regum Francorum. Nova series. T. 1); Capitulare missorum item speciale 802(?) // Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius. T. 1. Hannover, 1883. P. 102. L. 27 (MGH. Legum sectio II).

⁸⁵ *Regino*. De synodalibus causis. II.421. P. 448: “Ut dominicis vel festis diebus presbyteri, antequam missam celebrent, plebem interrogent, si alterius parochianus in ecclesia sit, qui, proprio contemto presbytero, ibi missam velit audire. Quem si invenerint, statim ab ecclesia eiciant, et ad suam parochiam redire compellant”.

ему священником»⁸⁶. Во втором речь идет о мирянах-деканах, которые должны побуждать «ленивых и нерадивых» прихожан являться на богослужение в воскресные и праздничные дни и не скрывать вину нарушителей от «собственных священников»⁸⁷. Кроме того, еще один канон обязывает отправлять на покаяние того, кто «позорит собственного священника или оскорбляет его словом или делом»⁸⁸.

Если предположить, что этот канон рассчитан прежде всего на вовлечение мальчиков-славян в обучение латыни и рекрутирование священников из их числа, то слова о большей эффективности таких священников в славянской среде понятны. Зависимость прихода от их способности растолковать основы «совершенного христианства» исключительна, особенно учитывая предусмотренное канонам 10 Сплитского собора ограничение использования славянского языка в богослужении⁸⁹.

В заключение следует отметить, что канон 14 Сплитского собора 925 г. основан на евангельских текстах, наложенных на церковную практику, и его решения вполне адекватны нормам той эпохи.

Список сокращений

CCCM — Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis

CCSL — Corpus Christianorum, Series Latina

CSEL — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum

MGH — Monumenta Germaniae Historica

PL — Patrologia Latina

SC — Sources Chrétiennes

L. в сносках обозначает диапазон строк, на которых находится цитируемый текст, если в издании строки пронумерованы.

⁸⁶ Ibid. I.292. P. 152: “omnis homo, quicumque se recognoscit, immaculatam Christi tunicam... peccati macula polluisse, ad proprium sacerdotem festinet venire et cum puritate mentis omnes transgressiones omniaque peccata... et quicquid ei a sacerdote fuerit iniunctum, ac si ab ipso omnipotentis Dei ore esset prolatum, ita diligenter intendat et cautissime observet”.

⁸⁷ Ibid. II. 395. P. 432: “ut ipsi decani sacramento adstringantur, ut <...> negligentes et transgressores reticeant, quin sacerdotibus propriis eorum culpas manifestent”.

⁸⁸ Ibid. II.429. P. 452: “Si quis presbyterum proprium inhonorat aut verbo aut facto contumeliam facit, tamdiu a limitibus ecclesiae arceatur, quousque per condignam poenitentiam satisfaciat”.

⁸⁹ Historia Salonitana maior. P. 101: “X. Ut nullus episcopus nostre provintie audeat in quolibet gradu slavonica lingua promovere; tantum in clericatu et monachato deo deservire. Nec in sua ecclesia sinat eum missas facere, preter si necessitatem sacerdotum haberent per supplicationem a romano pontifice licentiam eis sacerdotalis ministerii tribuatur” (Чтобы ни один епископ нашей провинции не осмеливался продвигать славянский язык в какой-либо степени; только для служения Богу в клире и монашестве. Он [ни один епископ] также не должен позволять ему [священнику, служащему по-славянски] совершать мессы в своей церкви, если только нет нужды в священниках и по ходатайству им не будет предоставлено разрешение Римского понтифика на священническое служение).

References

Barré H. Les Homéliers carolingiens de l'école d'Auxerre. Authenticité. Inventaire. Tableaux comparatifs. Initia. City of Vatican: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1962. X, 358 p. (Studi e testi. Vol. 225).

Contreni J.J. The Carolingian Renaissance: Education and Literary Culture // The New Cambridge Medieval History. Vol. II: c. 700 – c. 900 / Ed. by R. McKitterick. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2006. P. 709–757.

Das A.A. Remarriage in Early Christianity. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2024. 384 p.

Džino D. From Justinian to Branimir: The Making of the Middle Ages in Dalmatia. New York: Routledge, 2021. 276 p.

Gioanni S. Gouverner le monde par l'écrit. L'autorité pontificale en Dalmatie de l'Antiquité tardive à la réforme "grégorienne". Rome: École française de Rome, 2020. 412 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Vol. 386).

Gračanin H., Petrak M. The Notion of the Methodii Doctrina in the Context of the Church Synod of Split AD 925 // The Byzantine Missionary Activity and Its Legacy in Europe. Proceedings of the 4th International Symposium "Days of Justinian I", Skopje, 11–12 November, 2016 / Ed. by M.B. Panov. Skopje: "Euro-Balkan" University, 2017. P. 28–42.

Guglielmetti R.E. Haimo Autissiodorensis // La trasmissione dei testi latini del Medioevo. Te.Tra. 3 / A cura di P. Chiesa e L. Castaldi. Florence: SISMEL; Galuzzo, 2008. P. 187–255 (Millennio Medievale. Vol. 75; Strumenti e Studi. Vol. 18).

Hammer Jr. C.I. Country Churches, Clerical Inventories and the Carolingian Renaissance in Bavaria // Church History. 1980. Vol. 49. N 1. P. 5–17.

Hartmann W. Die Synoden der Karolingerzeit im Frankenreich und in Italien. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1989. XXV, 536 S. (Konziliengeschichte, Reihe A: Darstellungen).

Heidecker K.J. The Divorce of Lothar II: Christian Marriage and Political Power in the Carolingian World / Trans. by T.M. Guest. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010. X, 227 p. (Conjunctions of Religion and Power in the Medieval Past).

Instone-Brewer D. Divorce and Remarriage in the Bible: The Social and Literary Context. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2002. 366 p.

Katičić R. *Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja* [*Litterarum studia. Literature and Education of the Croatian Early Middle Ages*]. Zagreb: Matica hrvatska, 1998. 760 p.

Katičić R. Methodii doctrina // Slovo. Časopis Staroslavenskog instituta. 1986. Issue 36. P. 11–44.

Knibbs E. Ansgar, Rimbert, and the Forged Foundations of Hamburg-Bremen. London; New York: Routledge, 2011. 270 p. (Church, Faith and Culture in the Medieval West).

Kottje R. Die Bussbücher Halitgars von Cambrai und des Hrabanus Maurus: Ihre Überlieferung und ihre Quellen. Berlin; New York: De Gruyter, 1980. XIX, 297 S. (Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters. Bd. 8).

Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire / Ed. by D. Džino, A. Milošević, and T. Vedriš. Leiden; Boston: Brill, 2018. XIX, 365 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 50).

Mordek H. Kirchenrechtliche Autoritäten im Frühmittelalter // Recht und Schrift im Mittelalter / Hrsg. von P. Classen. Sigmaringen: Thorbecke, 1977. S. 237–255 (Vorträge und Forschungen / Hrsg. vom Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Bd. 23).

Patzold S. Correctio an der Basis: Landpfarrer und ihr Wissen im 9. Jahrhundert // Karolingische Klöster. Wissenstransfer und kulturelle Innovation / Hrsg. von J. Becker, T. Licht und S. Weinfurter. Berlin; München; Boston: Walter de Gruyter, 2015. S. 227–254.

Reynolds P.L. Marriage in the Western Church: The Christianization of Marriage during the Patristic and Early Medieval Periods. Leiden; New York; Köln: Brill, 1994. XXX, 439 p. (Vigiliae Christianae. Supplements. Vol. 24).

Sarti L. Orbis Romanus: Byzantium and the Legacy of Rome in the Carolingian World. Oxford; New York: Oxford University Press, 2024. XII, 424 p.

Schaub V. Der Zwang zur Entlassung aus der Ehegewalt und die remancipatio ohne uxor // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 1965. Bd. 82. S. 106–131.

Šegvić K. *Borba za hrvatsko bogoslužje i Grgur Ninski ili skižma u Hrvatskoj i Dalmaciji 1059–1075* [The Struggle for Croatian Worship and Gregory of Nin, or Schism in Croatia and Dalmatia, 1059–1075]. Zagreb: Nadbiskupska tiskara, 1930. 119 p.

Toubert P. L'Europe dans sa première croissance. De Charlemagne à l'An Mil. Paris: Fayard, 2004. 478 p.

Поступила в редакцию
16 декабря 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-30-49

И.Ю. Хрулёва

**«ИСКОРЕНИТЬ ИХ ПОРОЧНЫЕ ПРИВЫЧКИ
И ПОЛНОСТЬЮ ИЗМЕНИТЬ ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ»:
ПОПЫТКИ КУЛЬТУРНОЙ АССИМИЛЯЦИИ ИНДЕЙЦЕВ
НОВОЙ АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ**

I.Yu. Khruleva

**“TO ROOT OUT THEIR VICIOUS HABITS AND TO CHANGE
THEIR WHOLE WAY OF LIVING”: ATTEMPTS OF CULTURAL
ASSIMILATION OF THE NEW ENGLAND INDIANS IN THE
FIRST HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY**

Аннотация. На примере нескольких миссионерских проектов первой половины XVIII в. по христианизации индейцев Новой Англии можно отчетливо проследить стремление пуританских миссионеров добиться англоизации индейцев, т.е. их ассимиляции в англоязычную среду, что подразумевало отказ от традиционной индейской культуры и образа жизни, навязывание английской системы ценностей, включение индейцев в орбиту колониальных интересов Великобритании. Венцом этих усилий стало создание Дартмутского колледжа в 1769 г. В сознании колонистов Новой Англии, безусловно, доминировал крайне отрицательный образ индейца — вероломного дикаря-язычника, ведущего недостойный образ жизни. Исследователи, рассуждая о сложности обращения индейцев в христианство, особенно в протестантизм, обращают внимание на огромные культурные различия: от индейцев требовалось принять целый ряд новых культурных практик, начиная от ограничительных сексуальных правил и патриархальных гендерных ролей и заканчивая рыночным образом жизни и европей-

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khruleva Irina Yuriyevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

irinakhruleva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8888-9091

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

ским стилем одежды и поведения. Осуждая традиционную культуру индейцев, пуританские миссионеры Джон Сарджент, Элеазар Уилкок и другие стремились навязать им совершенно другой, чуждый для них образ жизни. Они полагали, что экономический уклад, основанный на охоте и сезонном перемещении, был главным препятствием для христианизации и цивилизации индейцев. Даже посещая протестантские религиозные службы и принимая крещение, большинство индейцев не порывали с традиционной индейской культурой, сохраняли приверженность традиционному стилю жизни. Да и отношение, с которым сталкивались индейцы-христиане в пуританских общинах, мало напоминало равноправие. В результате многие обращенные индейцы предпочитали создавать собственные конгрегации. Самюэль Найлз из племени наррагансеттов, Самюэль Эшпо, представитель племени мохиган, создали неподконтрольные белым миссионерам христианские общины для индейцев. Они сочетали протестантизм с элементами традиционной индейской культуры, чем шокировали наблюдателей. Даже «образцовый» христианизированный индеец Самсон Окком сохранял двойственную идентичность и рассуждал о пороках белого общества и о несправедливом отношении к коренному населению Америки.

Ключевые слова: миссионерство, пуританизм, Северная Америка, индейцы, Новая Англия, колонизация, ассимиляция.

Abstract. Several 18th century missionary projects to christianize the Indians of New England clearly show the desire of Puritan missionaries to achieve the Anglicization of the Indians, that is, their assimilation into the English-speaking environment, which implied the rejection of traditional Indian culture and way of life, the imposition of English culture and value system, and the inclusion of North American Indians in the orbit of British colonial interests.. The crowning achievement of these efforts was the establishment of Dartmouth College in 1769. In the minds of the New England colonists, the image of the Indian — a treacherous pagan barbarian leading an unworthy life — was undoubtedly dominant. In discussing the difficulty of converting Indians to Christianity, especially Protestantism, researchers point out the enormous cultural differences: conversion to Christianity, in addition to changing faith, required Indians to adopt a whole range of new cultural practices, from restrictive sexual rules and patriarchal gender roles to a market lifestyle and European styles of dress and behavior. Condemning the traditional culture of the Indians, Puritan missionaries John Sargent, Eleazar Wheelock and others sought to impose on them a completely different way of life. They believed that the economic structure based on hunting and seasonal movement from one place of residence to another was the main obstacle to the christianization and civilization of the Indians. Even when attending Protestant religious services and being baptized, most Indians did not break with traditional Indian culture and maintained their commitment to their traditional lifestyle. The attitude that Christian Indians encountered in Puritan communities was hardly reminiscent of equality. The Indians complained about prejudice against them, and were constantly forced to repent of the sin of drunkenness. As a result, many converted Indians preferred to form their own congregations. Narragansett Samuel Niles, Mohegan Samuel Ashpo created Christian communities for Indians that were not controlled by white missionaries. They combined Protestantism

with elements of traditional Indian culture, which shocked observers. Even the seemingly exemplary Christianized Indian — Samson Occom — retained a “dual” identity and talked about the vices of white society and the unfair treatment of the indigenous population of America.

Keywords: missionary work, Puritanism, North America, American Indians, New England, colonization, assimilation.

* * *

История взаимодействия индейцев и колонистов в Новой Англии не раз подвергалась пересмотру¹. Исследователи представляли ее то как процесс насаждения европейской цивилизации, то как борьбу местных народов за национальное самоопределение, то как историю истребления беспомощных племен. В современной историографии преобладает новый подход к исследованию колониальной политики в отношении индейцев в Новой Англии в XVII и особенно в XVIII вв.: изучение не столько конфликта, сколько взаимного экономического, политического и культурного влияния колонистов и индейцев друг на друга. Переселенцы из Старого Света не только кардинально изменили культуру коренного населения, но в процессе контактов сами восприняли некоторые ее составляющие, а необходимость выстраивать отношения с коренным населением повлияла на развитие политической структуры, общества и культуры колоний. Предубеждение колонистов против индейцев способствовало тому, что информация о контактах с ними намеренно замалчивалась, индейская традиционная культура изображалась новоанглийскими авторами как безнадежно отсталая и не заслуживающая какого-либо внимания, тем не менее, она оказала значительное влияние на приемы обработки земли, которые колонисты переняли у индейцев, на выбор места поселений, на складывание сети дорог в колониях, особенности экономических отношений, торговли и обмена.

В сознании колонистов Новой Англии, безусловно, доминировал крайне отрицательный образ индейца — вероломного варвара-язычника, ведущего недостойный образ жизни. Рассуждая о другом, казалось бы, диаметрально противоположном образе американского индейца в сознании европейцев XVII в., Г.В. Александров приходит

¹ Более подробно см.: *Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America.* Oxford, 1986; *Bailyn B. Atlantic History: Concept and Contours.* Cambridge, Mass., 2005; *Cave A.A. The Pequot War.* Amherst, Mass., 1996; *Idem. Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia.* Oxford, 2011; *Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675–1676.* Amherst, Mass., 1999; *Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest.* New York, 1976; *Lepore J. The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity.* New York, 2009; *Levy B. Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution.* Philadelphia, 2009; *Newell M.E. Brethern by Nature.* New York, 2015.

к справедливому выводу о том, что оба эти представления коренятся в первую очередь в идее неизбежного превосходства европейской культуры: «Благородный дикарь — образ не менее унижительный, чем дикарь кровожадный, точно так же лишаящий индейцев активной роли в истории Америки, ставящий их в безусловно зависимое положение. Подобное отношение к индейцам неизбежно связано с экзотизацией представлений о коренных жителях Америки. Оно не только содержит очевидный элемент ориентализма, но и является неверным. Индейцы сыграли значительную роль в культурном, социальном и политическом развитии региона»².

Рассуждая о сложности обращения индейцев в христианство, особенно в протестантизм, исследователи отмечают огромные культурные различия: обращение в христианство, помимо смены веры, «требовало от индейцев принять целый ряд новых культурных практик, начиная от ограничительных сексуальных правил и патриархальных гендерных ролей и заканчивая рыночным образом жизни и европейским стилем одежды и поведения. Почти все эти исследования постулировали фундаментальное различие между индейской и пуританскими системами ценностей, подчеркивали драматические столкновения между индейскими шаманами, опирающимися на ритуал, и представителями элитарной культуры — пуританскими миссионерами»³. Пуританские священнослужители приравнивали неумение читать и писать к нравственной распущенности и господству суеверий и считали, что только посредством грамотности можно добиться подлинного обращения к вере⁴.

Влиятельный пуританский проповедник Соломон Стоддард (1643–1729), объясняя неудачи миссионерской деятельности пуритан среди индейцев, населяющих новоанглийский регион, писал о разрушительной гордыне народа, претендующего на статус богоизбранного («многие из нас ослеплены гордым тщеславием собственного превосходства»), — как когда-то ветхозаветные израильтяне, так и колонисты Новой Англии с пренебрежением относились к своим обязательствам в отношении соседних народов, в то время как «Бог есть Отец всех народов, и кажется наиболее подходящим,

² Александров Г.В. «Святые» и «дикари»: взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII в. М., 2021. С. 155.

³ Winiarski D.L. Native American Popular Religion in New England's Old Colony, 1670–1770 // Religion and American Culture. A Journal of Interpretation, Summer 2005. Vol. 15. N 2. P. 150.

⁴ Mifflin J. "Closing the Circle": Native American Writings in Colonial New England, a Documentary Nexus between Acculturation and Cultural Preservation // The American Archivist. Fall/Winter 2009. Vol. 72. N 2. P. 358; Wyss H. E. Writing Indians: Literacy, Christianity, and Native Community in Early America. Amherst, 2000. P. 4–9.

чтобы Его Милосердие распространялось само по себе, чтобы Он продемонстрировал широту ее: чтобы хвала Богу доносилась из всех земель»⁵. Пуританская гордыня, тщеславие, чувство собственного превосходства не давали, по мнению С. Стоддарда, добиться успеха в христианизации индейцев Новой Англии.

Он напоминает колонистам, что «главной задачей тех, кто отправился в эту часть света, заключалась в том, чтобы привести индейцев к познанию истинного Бога и Спасителя человечества и христианской веры; об этом Король заявил в нашей хартии». «Но мы сделали очень мало, чтобы выполнить наше предназначение. Несколько благочестивых людей по собственной воле предприняли некоторые усилия и добились определенного успеха. И денежные средства, которые были внесены Англией для продвижения в жизнь этого плана, были честно израсходованы. Но наша колония затратила очень мало сил на обращение язычников»⁶.

Хотя Стоддард «с готовностью признает, что индейцы проявляют очень грубый и агрессивный дух», тем не менее, жителей новоанглийских колоний «это не оправдывает». Более того, он высказывает нечто вроде сочувствия к индейцам, утверждая, что «наши сердца должны устремиться к этим бедным язычникам; нам подобает сочувствовать их состоянию. Печально думать, что из поколения в поколение они отправляются в ад». «И было бы величайшим утешением увидеть индейцев, которые когда-то поклонялись Дьяволу, собравшихся вместе, чтобы Восхвалять и Прославлять ХРИСТА, и слышать, как они Рассуждают о Чудесной Любви Бога, пославшего своего Сына на смерть ради нашего спасения»⁷.

Каким же образом можно помочь индейцам, «бедным язычникам», по мнению преподобного Стоддарда? Принятие ими христианства, по замыслу пуританского проповедника, было лишь первым шагом к отказу от «дикого образа жизни», обретению благ «цивилизованного мира» и кардинальному улучшению условий жизни: «И очень хочется надеяться, что если бы индейцы когда-то приняли истинную Религию, они постепенно оставили бы свой дикий и низменный образ жизни; обучились бы ремеслам, занялись бы земледелием; и управляли бы собой, как это делают цивилизованные народы; они бы отказались от этого дикого образа жизни, к которому они привыкли»⁸.

⁵ *Stoddard S. Question: Whether God Is Not Angry with the Country for Doing so Little towards the Conversion of the Indians?* Boston, 1723. P. 5.

⁶ *Ibid.* P. 8–9.

⁷ *Ibid.* P. 6–8.

⁸ *Ibid.* P. 10–11.

Любые рассуждения пуританских священнослужителей о необходимости обращения «бедных язычников» в христианство неизменно заканчивались перечислением немаловажных преимуществ миссионерской деятельности для самих колонистов: «если они останутся язычниками, то могут присоединиться к папистам; если они останутся язычниками, они будут отстаивать это исступленно; если они будут агрессивными, они будут готовы взяться за оружие и отомстить за себя, ведя войну: но если они будут приведены к религии, тогда будут надежды на прочный мир». Обратить индейцев в христианство «будет намного лучше, чем уничтожать их. Некоторые люди в своей ярости не способны ни на что, кроме полного разрушения». Вот поэтому «гораздо лучше обратить их: тогда они будут творить добро, будут служить и прославлять Бога, будут способствовать расширению Его Царства и будут приносить пользу своим ближним»⁹.

В XVIII в. отчетливо видно стремление пуританских миссионеров добиться англоизации индейцев, т.е. их ассимиляции в англоязычную среду, что подразумевало отказ от традиционной индейской культуры и образа жизни, навязывание английской культуры и системы ценностей, и — что немаловажно! — включение североамериканских индейцев в орбиту колониальных интересов Великобритании.

Реализация масштабного проекта по англоизации индейцев Новой Англии начнется с 1737 г. на территории Массачусетса. Было создано специальное поселение — Стокбридж для обращенных в христианство индейцев и английских колонистов. В центре городка было построено большое школьное здание. К 1749 г. в Стокбридже проживало уже 218 семей индейцев. Руководитель проекта пуританский миссионер Дж. Сарджент (1710–1749) планировал, что не только мальчики, но и индейские девочки будут получать образование; он считал, что наилучшим способом для индейских девочек перенять «английский язык и манеры» было проживание в домах английских колонистов, но на это не соглашались сами индейцы. В 1738 г. он уговорил две индейские семьи отправить своих дочерей жить в английские семьи, но его план все равно потерпел неудачу из-за «детской привязанности к дому» индейских девочек¹⁰. Проект

⁹ Ibid. P. 12.

¹⁰ Hopkins S. Historical memoirs, relating to the Housatunnuk Indians: or, An account of the methods used, and pains taken, for the propagation of the Gospel among that heathenish-tribe, and the success thereof, under the ministry of the late Reverend Mr. John Sergeant: together, with the character of that eminently worthy missionary; and an address to the people of this country, representing the very great importance of attaching the Indians to their interest, not only by treating them justly and kindly, but by using proper endeavours to settle Christianity among them. Boston, 1753. P. 59, 71.

Сарджента среди индейцев-хаусатоник в Стокбридже спонсировала пуританская Новоанглийская компания, наряду с миссиями Гидеона Хоули среди индейцев машпи в Кейп-коде и Джозефа Фиша среди наррангасеттов Род-Айленда¹¹.

Суть плана Сарджента состояла в том, чтобы «принять такой метод воспитания *наших* индейских детей (курсив мой. — И.Х.), который самым действенным образом изменит всю их привычную манеру мыслить и действовать и возвысит их, насколько это возможно, до состояния людей, обладающих гражданским трудолюбием и воспитанностью»; продолжать проповедовать христианство, учить английскому языку «вместо их собственного несовершенного и варварского наречия». Конечно, для таких масштабных планов нужно было серьезное финансирование, но и цель была более чем амбициозной — «искоренить их порочные привычки и полностью изменить их образ жизни»¹².

Сарджент изложил план миссионерской работы в письме к своему коллеге, священнослужителю из Бостона Колману, и тот (с разрешения своего респондента) опубликовал это письмо, очевидно, пытаясь помочь собрать средства, необходимые для осуществления этого проекта. Уже из самого названия публикации понятна цель предпринимаемых усилий — «Письмо преподобного Сарджента из Стокбриджа доктору Колману из Бостона, содержащее предложение мистера Сарджента о более эффективном методе образования индейских детей; чтобы, по возможности, воспитать из них вежливых и трудолюбивых людей; путем введения среди них английского языка; и таким образом, вселяя в их умы и сердца, с более длительным воздействием, принципы добродетели и благочестия».

Планируя реализовать столь масштабный проект, Сарджент даже не пытался понять особенности традиционной культуры племен Новой Англии, отмечая вскользь, что у индейцев «свои собственные дурацкие, варварские, безнравственные традиции». Высокомерие в отношении коренного населения Северной Америки проявляется и в тех характеристиках, которые Сарджент использует применительно к индейцам, как к взрослым, так и детям: это «подлые, неблагодарные люди, не осознающую доброту, проявленную

¹¹ *Stevens L.M.* The Poor Indians: British Missionaries, Native Americans and Colonial Sensibilities. Philadelphia, 2004. P. 24.

¹² A letter from the Revd Mr. Sergeant of Stockbridge, to Dr. Colman of Boston: containing Mr. Sergeant's proposal of a more effectual method for the education of Indian children; to raise 'em if possible into a civil and industrious people; by introducing the English language among them; and thereby instilling into their minds and hearts, with a more lasting impression, the principles of virtue and piety Boston, 1743. P. 3–5.

к ним», «упрямые и непокорные» строптивцы. По мнению руководителя миссионерского проекта в Стокбридже, индейцы, безусловно, получают одну только пользу, «к ним проявят великую доброту, делая их общество более счастливым, развивая среди них гуманность и добродетель». Методы принуждения при переходе от «варварства к цивилизации», по мнению Сарджента, тоже необходимы: «...я намереваюсь применять к ним дисциплину настолько строгую, насколько они смогут вытерпеть, ведь они не знают никакой системы управления между собой и испытывают отвращение ко всему, что ограничивает их свободу (курсив мой. — И.Х.)»¹³. Весьма поверхностное рассуждение Сарджента об отсутствии системы управления в индейских племенах, критические замечания относительно свободлюбия индейцев прекрасно иллюстрируют предвзятое отношение пуританского миссионера к аборигенам Новой Англии. Ревностно оберегающие свои собственные права и свободы, пуританские священнослужители весьма пренебрежительно отзывались о стремлении к свободе коренного населения Северной Америки.

Будущий основатель Дартмутского колледжа, авторитетный пуританский миссионер Элеазар Уилок (1711–1779) рассматривал христианизацию и англлизацию индейцев с точки зрения обеспечения жизни и безопасности английских колонистов и снижения угрозы со стороны французских колоний. Так большая европейская политика оказала непосредственное влияние на активизацию миссионерских усилий колоний Новой Англии. Нельзя не согласиться с выводом Ю.Г. Акимова, что «по отношению к каждой отдельно взятой английской колонии в Северной Америке «французский (или внешний) фактор действовал по-разному». Особенно сильным влияние «французского фактора» было на колонии Новой Англии, граничившие с французскими владениями в Канаде. Свою роль играли религиозные противоречия и территориальное и экономическое соперничество»¹⁴.

Казалось бы, Уилок сочувствует «бедным», «нуждающимся» и «страдающим» «туземцам», но в то же время называет их «жестокими дикарями», «язычниками», «заблудшими душами», «тяжким бедствием для наших земель (курсив мой. — И.Х.)»¹⁵. Ключевым мо-

¹³ Ibid. P. 5–8.

¹⁴ Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб., 2005. С. 531–532.

¹⁵ Wheelock E. A Plain and Faithful Narrative of the Original Design, Rise, Progress and Present State of the Indian Charity school at Lebanon, in Connecticut. Boston, 1763. P. 10–14.

ментом для понимания социально-экономического, политического и культурно-психологического контекста взаимодействия индейцев и колонистов Новой Англии являются вероломные захваты индейских земель англичанами под предлогом того, что индейцы не занимаются сельским хозяйством, а значит, не имеют никаких приоритетных прав на землю североамериканского континента.

Пуритане считали, что заняли землю Новой Англии, пользуясь правом «открытия». Еще готовясь к «великому исходу» в Америку, руководитель «пуританского эксперимента» Джон Уинтроп писал: «Что касается туземцев Новой Англии, они не владеют землей и не имеют постоянного местожительства, у них также нет рабочего скота, чтобы обрабатывать эту землю, и поэтому они не имеют никакого иного, кроме естественного, права на эти территории, и если мы им оставим достаточно земли для их нужд, то сможем законно забрать всю остальную...»¹⁶.

О проблеме захвата индейских земель как главном факторе, препятствующем проведению работы по обращению в христианство индейцев Новой Англии, писали многие миссионеры, призывая власти новоанглийских колоний «позаботиться о том, чтобы упомянутые индейцы успокоились в справедливых правах на свои земли (курсив мой. — И.Х.)»¹⁷. Миссионер Э. Мэйхью (1673–1758), общаясь с пекотами, отмечал, что «они видели, что люди не становились лучше, будучи христианами, потому что англичане, которые были христианами, обманывали индейцев с их землями и иным образом причиняли им вред». Очередной захват индейских земель в 1714 г. «оказался очень неприятным препятствием на моем пути и вызвал у индейцев большее отвращение к англичанам и их религии, чем было бы при ином раскладе»¹⁸.

Осуждая традиционную культуру индейцев, Элеазар Уилок стремился навязать им совершенно другой, чуждый для них образ жизни. Он полагал, что экономический уклад, основанный на охоте и сезонном перемещении с одного места жительства на другое, был главным препятствием по христианизации и цивилизации индейцев¹⁹. Уилок считал обучение индейцев своим предназначением —

¹⁶ Winthrop J. General Considerations for the Plantation in New England (1629) // Winthrop Papers. 6 vols. Vol. II. Boston, 1932. P. 137.

¹⁷ Brainerd D. An Account of the Life of the Late Reverend Mr. David Brainerd / Ed. by J. Edwards. Boston, 1749. P. 65.

¹⁸ Mayhew E. Journal of the Rev. Experience Mayhew during Part of September and October 1714 // Some Correspondence Between the Governors and Treasurers of the New England Company in London. London, 1897. P. 114.

¹⁹ Calloway C.G. The Indian History of an American Institution: Native Americans and Dartmouth. Hanover, 2010. P. 24.

«на нас, как на людей, избранных Богом, возложены великие обязательства...», «...такая потребность в благотворительности для этих бедных существ...»²⁰. Но главной целью всех образовательных проектов Уилока была ассимиляция и аккультурация, навязывание индейцам ценностей европейской цивилизации и отказ их от своей культурной самобытности.

Первоначально Уилоку представлялось, что самый простой вариант решения заявленных целей — обещая обучить грамоте и дать хорошее образование, забрать малолетних детей индейцев из племени и поместить их в английскую среду. Индейские дети, по мнению основателя школы, не будут подвержены искушениям, а также будут постоянно видеть перед глазами пример добропорядочных колонистов, что, как предполагалось, должно стимулировать их принять «английский образ жизни»²¹. Однако индейцы крайне неохотно отправляли своих детей в далекое место, даже на короткий срок²². Это обстоятельство со временем заставило пуританского миссионера создать свое главное детище — Дартмутский колледж — вблизи территории расселения индейских племен.

Уилок довольно подробно описывает трудности привыкания детей индейцев к незнакомой им среде, говоря, что те без постоянного ухода умерли бы от переизбытка и лени, по крайней мере, в течение первого года. Кроме того, Уилок постоянно сравнивает английских и индейских детей между собой, говоря, что для первых естественно правильно сидеть на стуле и следить за чистотой, а для последних — сидеть на земле и неряшливо одеваться²³. Элеазар Уилок был убежден, что индейским детям требовалось больше заботы и внимания, нежели их английским ровесникам. В благотворительной школе Уилока обучались дети из разных племен Новой Англии, как мальчики, так и девочки. Мальчики жили в школе и учились 5–6 дней в неделю, в то время как девочки жили в английских семьях, где помогали в качестве прислуги и обучались ведению хозяйства, и приходили в школу один раз в неделю для обучения чтению и письму. Жизнь в школе регулировалась английскими культурными нормами. Согласно правилам, установленным Элеазаром Уилоком, ученики «обя-

²⁰ *Wheelock E. A Plain and Faithful Narrative...* P. 12, 15.

²¹ *The Letters of Eleazar Wheelock's Indians / Ed. by J.D. McCallum. Hanover, NH, 1932. P. 15.*

²² *Fisher L.D. The Indian Great Awakening: Religion and the Shaping of Native Cultures in Early America. New York, 2012. P. 275.*

²³ *Wheelock E. Letter to George Whitefield (November 25, 1761). — URL: <https://collections.dartmouth.edu/occom/html/occom/diplomatic/761625-1-diplomatic.html> (дата обращения 16.10.2024)*

заны быть чистыми и прилично одетыми, быть готовыми посещать богослужения перед рассветом зимой и осенью и в 6 утра летом»²⁴. После молитвы у учеников по расписанию было немного времени на развлечения, а в 9 часов начиналась учеба, которая длилась до 5 часов с перерывом на обед. Перед закатом проводилась вечерняя молитва, а после ученики должны были делать домашнее задание. По воскресеньям ученики школы посещали церковь, в которой молились вместе с жителями коннектикутского городка Лебанон. Таким образом, школа Уилока имела строгий распорядок дня, полностью подчиненный религиозным нормам. Несомненно, индейцам, в особенности детям, такие резкие перемены в образе жизни было трудно принять, и они просто не могли соблюдать их в полной мере.

Интересное описание благотворительной индейской школы Уилока в Коннектикуте оставил в своих воспоминаниях Дэвид МакКлюр (1748–1820), будущий священнослужитель и миссионер. Он происходил из набожной семьи шотландских пресвитериан, прибывших в Бостон в 1729 г. Его родители уделяли особое внимание религиозному образованию, «какое только позволяли их скудные средства». Один из соседей семьи, заметив интерес мальчика к образованию и религии, однажды «пришел к моему отцу и показал ему письмо, которое он получил от преподобного мистера Уилока из городка Лебанон в Коннектикуте — он открыл там школу для обучения молодых индейцев, а также принимал английских молодых людей для подготовки их к занятию миссионерством, и просил предложить одному или двум молодым людям поехать туда»²⁵.

Однако молодой МакКлюр не сразу принял такое, казалось бы, заманчивое предложение продолжить образование: «Я обдумывал это предложение, и, хотя я хотел получить образование, которое сделало бы меня способным приносить пользу, я чувствовал также сомнение в том, что я не должен жить бок о бок с индейцами. Представление о диких индейцах в то время внушало юным умам ужас, поскольку они разоряли английские поселения. Я прочитал жизнеописание мистера Сарджента, который трудился для наставления и спасения индейцев племени хаусатоник, и был очень вдохновлен этой историей. Я решил, что должен принять приглашение; и, соответственно, в возрасте 15 лет в июне 1764 года я сел на каботажное судно, после прощания, полного слез и нежных объятий матери, и получив благословения отца»²⁶.

²⁴ *Wheelock E. A Plain and Faithful Narrative...* P. 30, 36.

²⁵ *Diary of David McClure (1748–1820) with notes by F.B. Dexter. New York, 1899.* P. 2, 4.

²⁶ *Ibid.* P. 5.

Для Дэвида, юноши из семьи со скромным достатком, которая не могла себе позволить оплатить его образование в Бостоне, Уилок был одновременно «отцом, покровителем и благодетелем», и он навсегда сохранил «память о нем, его бескорыстных и благотворных делах и благочестии». «Мистер Уилок считал необходимым, чтобы его ученики, предназначенные для миссионерства, приобщались к практическим занятиям земледелием, поэтому мы иногда выезжали в поле и некоторое время работали. Но я не был знаком ни с теорией, ни с практикой работы на земле. Выросший в Бостоне, я едва знал, чем плуг отличается от бороны, и прошло немало времени, прежде чем я запомнил названия различных орудий, и мои промахи и ошибки иногда вызывали некоторое раздражение»²⁷.

Условия жизни в благотворительной школе Уилока были спартанскими, так как «считалось, что миссионеру необходимо... довольствоваться малым и есть простую и полезную пищу. Мы спали на соломенных подстилках и обычно обедали простым вареным блюдом и индейским пудингом. Мистер Уилок усердно обучал своих учеников основам религии. Рано утром мы собирались в холле его дома. Ученики читали главу, после чего мистер Уилок обращался с кратким прошением к престолу благодати, излагал некоторые отрывки из мудрецов или беседовал о доктринах и практических предметах религии, и мы молились. Такое же богослужение совершалось и вечером с пением псалмов или гимнов. Его проповеди, как правило, были в духе [религиозного] пробуждения, основанными на справедливости, святости и строгости Божественных предписаний, покаянии, вере, святой любви и послушании Богу по Евангельскому учению. Было несколько волн серьезных пробуждений среди студентов и окрестных жителей, а также полных надежд обращений, и некоторые из них были приняты в Церковь». Несмотря на то, что школа Уилока была специально создана для подготовки миссионеров-индейцев, МакКлюр отмечал, что мальчиков из различных индейских племен было не больше половины учеников, остальные были англичане — и только некоторые из них собирались посвятить себя миссионерской деятельности, «остальные готовились к поступлению в колледж»²⁸.

Однако суть проекта Уилока состояла именно в подготовке христианизированных, обученных и цивилизованных индейцев, которые бы стали для английских колонистов «гораздо лучшей защитой, чем все наши дорогие крепости». По его подсчетам, расходы на индейское миссионерство были бы вполтину меньше, чем рас-

²⁷ Ibid. P. 7.

²⁸ Ibid. P. 7–8.

ходы на английское, так как англичане «не смогут приспособиться к их [индейскому] образу жизни и войти к ним в доверие». Кроме того, английским миссионерам требуется переводчик, так как они не знают индейских языков, и это тоже предполагает дополнительные траты: «очень мало или вообще нет переводчиков, которые бы были хорошо обучены и подходили для дела»²⁹.

Развивая проект по подготовке будущих миссионеров из самих индейцев, в 1763 г. Уилок представил на рассмотрение потенциальных благотворителей свой план, получивший название «Предложение о введении религиозного, сельскохозяйственного и производственного обучения среди язычников Америки». Суть данного проекта заключалась в том, что «школа должна стать академией для полезного обучения, часть ее должна быть колледжем по обучению миссионеров, школьных учителей, переводчиков и других, а часть — школой для обучения чтению и письму». Кроме того, согласно плану Уилока, школу надлежало разместить на недавно отвоеванной англичанами у французов земле, «удобно расположенной в сердце индейских земель»³⁰.

Обратив внимание на успехи в миссионерской деятельности своего бывшего ученика индейца Самсона Оккома (1723–1792), Элеазар Уилок решил заручиться его помощью в сборе финансовых средств, необходимых для такого амбициозного образовательного проекта. Окком «был идеальным выбором: образованный, умный, к тому же священнослужитель, он был примером того, чего можно добиться, обучаясь у Уилока»³¹. По просьбе своего учителя, Окком отправился в путешествие по Англии вместе с другим священником, Натаниелем Уитейкером³² для проповеди и сбора средств на нужды школы. Уилок побоялся отправлять Оккома одного, так как был убежден, что индейцы опрометчивы в своих действиях, поэтому уговорил Уитейкера сопровождать своего бывшего ученика в поездке по Великобритании³³. Самсон Окком был первым индейским миссионером, который посетил Британские острова, поэтому его личность при-

²⁹ *Wheelock E. A Plain and Faithful Narrative...* P. 11, 18, 20, 23.

³⁰ *Calloway C.G. Op. cit.* P. 47.

³¹ *Ibid.* P. 42.

³² Натаниель Уитейкер — пресвитерианский священнослужитель и миссионер. Был близким другом Элеазара Уилока и поддерживал его проект, состоял в Совете попечителей Индейской благотворительной школы Мура. Какое-то время Уилок хотел назначить его своим преемником (*Whitacker N. A Brief Narrative of the Indian charity-school in Lebanon in Connecticut, New England. London, 1767*).

³³ *Eleazar Wheelock to Nathaniel Whitacker. December, 1766 // Wheelock E. A continuation of the narrative of the Indian charity-school, in Lebanon in Connecticut. Hartford (Conn.), 1773.*

влекла большое внимание, а на его проповеди собирались огромные толпы народа. Натаниель Уитейкер в отличие от него оказался не самым удачным выбором для поездки, так как, по многим оценкам, он отличался сложным характером и был необщительным³⁴. В итоге, однако, поездка оказалась чрезвычайно продуктивной, так как за время, проведенное в Англии и Шотландии (1765–1767), Окком прочитал более 300 проповедей и собрал примерно 12 тысяч фунтов. Это была самая большая сумма, которая была собрана американским учреждением на нужды миссионерской деятельности в колониальную эпоху³⁵.

Вскоре после возвращения Самсона Оккома в Америку его отношения с Уилоком стали ухудшаться. Уилок присвоил себе большую часть средств, собранных индейцем-миссионером, в результате чего Окком стал испытывать финансовые трудности. Разочарование Оккома достигло предела, когда Уилок наконец раскрыл свой план: создать вместо индейской благотворительной школы колледж и перенести его из Коннектикута на территорию Нью-Гэмпшира. Самсон Окком считал, что преобладание в новом учебном заведении англичан (а не индейцев) не соответствует ожиданиям благотворителей, которые были уверены, что жертвуют деньги на образование индейцев³⁶. Индейский священник вспоминает, как в Великобритании он громко заявлял о великолепной перспективе распространения Евангелия среди самых диких народов в Новом Свете и о том, как много уже было сделано, однако, вернувшись домой, он увидел, что «вся слава угасла», и теперь у него появились опасения, что «в Европе нас сочтут лжецами и обманщиками»³⁷.

Дартмутский колледж был открыт 13 декабря 1769 г. в городке ГанOVER, Нью-Гэмпшир. Хартия Дартмутского колледжа была подписана губернатором Нью-Гэмпшира Джоном Уэйтвортом 18 декабря 1769 г. Хартия начинается с перечисления заслуг Элезара Уилока в миссионерской деятельности: «в течение нескольких лет, благодаря помощи благожелательных людей Америки, [он] одевал, ухаживал и обучал ряд индейских детей ... и устроил некоторых из них в качестве миссионеров и школьных учителей в дикой местности»³⁸.

³⁴ Wheelock E. A Plain and Faithful Narrative... P. 57.

³⁵ Calloway C.G. Op. cit. P. 38.

³⁶ David McClure to Eleazar Wheelock (May 21, 1770). — URL: <https://collections.dartmouth.edu/occom/html/occom/normalized/770321-normalized.html> (дата обращения 16.10.2024)

³⁷ Samson Occom to Eleazar Wheelock (July 24, 1771) // The collected writings of Samson Occom, Mohegan / Ed. by J. Brooks. Oxford, 2006. P. 99.

³⁸ Dartmouth College Charter. — URL: <https://www.dartmouth.edu/~library/rauner/dartmouth/dc-charter.html> (дата обращения 16.10.2024)

Дартмутский колледж стал последним из колониальных колледжей, основанных до Войны за независимость американских колоний³⁹. Основной целью новообразованного колледжа провозглашалось «обучение и воспитание молодых индейцев этих земель чтению, письму и всем разделам образования, которые будут необходимы и целесообразны для цивилизации и христианизации детей язычников, так же как и всем гуманитарным и точным наукам, и в том числе английской молодежи и всех других»⁴⁰.

Судьба Самсона Оккома, его взаимоотношения с Уилоком являются прекрасной иллюстрацией предубеждения колонистов даже по отношению к «цивилизованным» индейцам. В переписке с Уилоком Окком неизменно подписывается как «Ваш недостойный слуга», «Ваш самый послушный индейский сын», «Ваш самый признательный и покорный слуга» и т.д., подчеркивая огромное уважение к бывшему учителю. Однако после возвращения из Великобритании Окком начинает всё более открыто говорить о пороках белого общества и о несправедливом отношении к коренному населению Америки. Так, например, размышляя о социальном неравенстве, которое он воочию увидел в Лондоне, Окком запишет в дневнике: «О, Господь Бог Всемогущий, да не ослепят мои глаза сверкающие игрушки этого мира, но пусть я буду верен, и моя душа будет стремиться к Иисусу Христу»⁴¹. Великолепие английской столицы, роскошный стиль жизни аристократии скорее не восхитили Оккома, а только усилили в его глазах контраст между богатыми и бедными, лишний раз напомнив о его «нагих собратьях»⁴². По мнению Самсона Оккома, епископы в Великобритании не обладают качествами подлинных «евангельских епископов», они лишены чувства сострадания и милосердия к обездоленным беднякам. Судьба несчастных индейцев им совершенно безразлична: «они равнодушны, попадут ли бедные индейцы в рай или ад... они не хотят, чтобы индейцы попали в рай вместе с ними»⁴³.

Самсон Окком в автобиографии уделил достаточное внимание несправедливой оплате своего труда по сравнению с его белыми коллегами. В то время как белому миссионеру выделили 180 фунтов на

³⁹ Geiger R.L. The History of American Higher Education: Learning and Culture from Founding to World War II. Princeton University Press, 2014. P. 69.

⁴⁰ Dartmouth College Charter. — URL: <https://www.dartmouth.edu/~library/rauner/dartmouth/dc-charter.html> (дата обращения 16.10.2024)

⁴¹ *Occom S. Journal 6* (November 21, 1765 — July 22, 1766) // The collected writings of Samson Occom, Mohegan. P. 268.

⁴² Love W. Samson Occom and the Christian Indians of New England. Syracuse, NY, 2000. P. 140.

⁴³ *Occom S. They don't want the Indians to go to Heaven with them* (1768) // The collected writings of Samson Occom, Mohegan. P. 86.

один год миссии, Окком получил те же деньги за 12 лет своей работы, будучи при этом переводчиком, школьным учителем, священником, а также «ухом, глазом, рукой и ртом» для индейцев. В конце концов Окком приходит к заключению, что нет ни одной другой причины подобной несправедливости, кроме того, что он «бедный индеец»⁴⁴.

Одной из главных проблем коренных жителей Новой Англии, по мнению пуританских миссионеров, был грех алкоголизма, который был причиной преступлений, бедности и высокой смертности среди индейцев⁴⁵. Представление о «пьяницах-индейцах» к XVIII в. стало одним из широко распространенных колониальных стереотипов. Элеазар Уилок дважды предупреждал Оккома о ходивших о нем слухах, связанных со злоупотреблением алкоголем⁴⁶. Хотя Самсон Окком отрицал эти слухи, считая, что их распространяли «мнимые христиане, которые в семь раз хуже диких индейцев»⁴⁷, но был вынужден в 1769 г. отправить две объяснительные записки, пытаясь спасти свою репутацию.

Посетивший Оккома в июне 1772 г. МакКлор с удовлетворением отмечал, что он был «набожным человеком, несмотря на все свои недостатки, с прекрасными английскими манерами», но был вынужден признать, что члены семьи Оккома не разделяли его стиль жизни. «Его дом был приличным двухэтажным зданием. Нас разместили в комнате, стены которой были покрыты обоями и покрашены, у нас была постель с мягкой периной; рядом находилась его библиотека с прекрасной коллекцией книг, привезенных им главным образом из Великобритании. Он был достойным главой своей семьи, и дети, казалось, признавали его волю». Но это была лишь видимая иллюзия счастливой семейной жизни, так как сам Окком «хотел жить по-английски; но его жена, которая была из племени монтаук, сохранила любовь к индейским обычаям. Она отказывалась вечером и утром накрывать на стол. Ее одеяние было в основном индейским, и когда он говорил с ней по-английски, она отвечала ему на своем родном языке, хотя хорошо говорила по-английски». Когда же дети Оккома

⁴⁴ *Occom S. Autobiographical Narrative, Second Draft (September 17, 1768) // The collected writings of Samson Occom, Mohegan. P. 58.*

⁴⁵ *Wheelock E. A continuation of the narrative of the Indian charity-school, in Lebanon, in Connecticut: from the year 1768, to the incorporation of it with Dartmouth-college, and removal and settlement of it in Hanover, in the province of New-Hampshire. Hartford, 1771. P. 22–23.*

⁴⁶ *Eleazar Wheelock to Samson Occom (March 9, 1769). — URL: <https://collections.dartmouth.edu/occom/html/occom/diplomatic/769209-2-diplomatic.html> (дата обращения 16.10.2024)*

⁴⁷ *Samson Occom to Eleazar Wheelock (Mohegan, March 17, 1769) // The collected writings of Samson Occom, Mohegan. P. 89.*

выросли и стали самостоятельными, «они предпочли распущенную и бродячую жизнь дикарей»⁴⁸.

Даже посещая протестантские религиозные службы и принимая крещение, большинство индейцев не порывали с индейской культурой, сохраняли приверженность традиционному образу жизни. Да и отношение, с которым сталкивались индейцы-христиане в пуританских общинах, мало напоминало равноправие — в молитвенном доме они должны были занимали места на задних скамьях или с краю, и практически не имели голоса при принятии решений, касавшихся конгрегаций, к которым они принадлежали. Индейцы жаловались на предубеждение против них, их постоянно заставляли каяться в грехе пьянства⁴⁹. В результате многие обращенные индейцы предпочитали создавать собственные конгрегации.

Самюэль Найлз из племени наррагансеттов до того, как принять христианство, скорее всего, был шаманом. Его крестил преподобный Паркс, однако Найлз вместе с сотней других индейцев предпочел покинуть конгрегацию Паркса и организовать собственную общину. Весьма красноречивую характеристику Найлзу оставил в своем дневнике Эзра Стайлз (1727–1795), президент Йельского колледжа и один из основателей университета Браун: «Самюэль Найлз **не умеет читать**. Представляется невероятным, что такой человек может быть пастором. Однако он знаком с евангельским учением, искренен в своем религиозном рвении и, пожалуй, приносит больше пользы индейцам, чем мог бы принести любой белый человек. Он ведет безупречный образ жизни с точки зрения морали и трезвости. Он пользуется огромным авторитетом среди индейцев»⁵⁰.

Самюэль Эшпо, представитель племени мохиган, в беседе с белым миссионером из числа моравских братьев поведал, как создал собственную конгрегацию: он и ряд его соплеменников испытали «пробуждение, и были крещены пресвитерианами, но затем были исключены ими из общины. Они впоследствии присоединились к сепаратистам, но уже сами отделились от них и были предоставлены сами себе»⁵¹. Примечательно, что членами подобных конгрегаций были исключительно индейцы, однако они могли принадлежать к различным племенным объединениям. Будучи подростком, Эшпо в 1720-е гг. по-

⁴⁸ Diary of David McClure (1748–1820) with notes by F.B. Dexter. P. 192, 196.

⁴⁹ *Wheelock E. A Plain and Faithful Narrative...* P. 36; *Hempstead J. Diary of Joshua Hempstead of New London, Connecticut.* New London (Conn.), 1901. P. 400.

⁵⁰ *Literary Diary of Ezra Stiles / Ed. by F.B. Dexter.* In 2 vols. Vol. 1. New York, 1901. P. 232–233.

⁵¹ *Gideon's People: Being a Chronicle of an American Indian Community in Colonial Connecticut and the Moravian Missionaries Who Served There / Eds. C. Dally-Starna and W. Starna.* In 2 Vols. Vol. 2. Lincoln, NE, 2009. P. 216.

сещал занятия в школе миссионера Джона Мейсона, однако обратился в христианскую веру только в 1740-е гг., скорее всего, прослушав проповеди одного из самых ярких «странствующих проповедников» эпохи Великого Пробуждения Джеймса Давенпорта и получив наставление в вере преподобного Э. Уилока, когда присоединился к его конгрегации в городке Лебанон (Коннектикут). В коллекции бумаг Элиазара Уилока, хранящихся в отделе рукописей библиотеки Дартмутского колледжа, сохранилась переписка Уилока с Эшпо, а также признание Эшпо в совершенных ошибках, например, христианскому венчанию он и его жена предпочли традиционный индейский свадебный обряд⁵². Группа священнослужителей рекомендовала Самюэлю Эшпо перед тем как стать миссионером среди индейцев пройти дополнительный курс обучения: в 44 (!) года он сел за парту вместе с учениками школы Уилока. Уже через год он получил специальную лицензию на проповедование среди индейцев, однако ненадолго: после отмеченных белыми коллегами случаев «злоупотребления алкоголем, ругани и недостойного христианина поведения», Эшпо решил действовать самостоятельно, создав неподконтрольную белым миссионерам христианскую общину для индейцев⁵³. Стиль религиозной жизни конгрегации Эшпо, сочетавшей протестантизм с элементами традиционной индейской культуры, разительно контрастировал с порядками, принятыми у «бледнолицых» соседей, и шокировал наблюдателей: «Все они были очень искренни в произносимых словах и жестах, настолько, что у некоторых из них пошла пена изо рта, и, казалось, они испытывают крайний энтузиазм. Когда они молились, все говорили вслух, кто по-английски, кто по-индейски. Это был попросту неразличимый гул. Увещевая, они старались в общем описать христианскую жизнь и делали это, рассказывая о своих собственных религиозных переживаниях, которые являлись большей частью видениями, снами, импульсами, ассоциациями. Подобно их несовершенным знаниям, их идеи и язык были простыми и вульгарными». Индейцы понимали, что приезжавшие к ним время от времени белые миссионеры находят их стиль религиозной жизни весьма экстравагантным. Так, один из индейцев обратился к Дэвиду МакКлюру, объясняя, что «это тот путь, которым мы, индейцы, попадем на Небеса. У вас, у белых, свой путь. Я не знаю, приведет ли вас ваш путь на небо, но я знаю, что наш путь нас туда приведет»⁵⁴.

⁵² Confession of Sam. Ashpo of the Mohegans re. Marriages of His Wife and Self, Christian and Indian Fashion. 1742 Feb. 12. Lebanon // Dartmouth Library. Archives and Manuscripts. Eleazar Wheelock collection. MS-1310. Folder: 742162.1.

⁵³ The Letters of Eleazar Wheelock's Indians. P. 35, 37, 40, 45.

⁵⁴ Diary of David McClure (1748–1820) with notes by F.B. Dexter. P. 189–190.

Дэвид МакКлюр отмечал особый стиль религиозной жизни независимых индейских общин, «их религиозные переживания — это, главным образом, удивительные импульсы и ментальные видения. Возможно, Богу угодно привести их к познанию Спасителя способом, отличным от того, который переживаем мы, обладающие преимуществами знания и установленными средствами света и благодати»⁵⁵.

Действительно, ряд пуританских миссионеров (таких, как Дэвид МакКлюр) могли в ряде случаев придерживаться аккомодационной стратегии⁵⁶ в отношении американских индейцев, в том числе признавая отдельные элементы традиционной культуры коренных жителей Северной Америки, посвящая себя изучению индейских языков и переводя на них основные положения христианской доктрины⁵⁷. Тем не менее, исследуя результаты длительного взаимодействия колонистов и индейцев Новой Англии, нельзя не прийти к выводу о преобладании стремления к ассимиляции и аккультурации аборигенов среди английских колонистов, крайне высокомерном и пренебрежительном отношении последних к традиционной индейской культуре, стремлении навязать английские культурные нормы и уклад повседневной жизни.

References

Akimov Yu.G. *Ot mezhkolonial'nykh konfliktov k bitve imperiy: anglo-frantsuzskoe sopernichestvo v Severnoy Amerike v XVII — nachale XVIII v.* [From Intercolonial Conflicts to the Battle of Empires: Anglo-French Rivalry in North America in the 17th and Early 18th Centuries]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 565 p.

Aleksandrov G.V. "Svyaty" i "dikari": vzaimootnosheniia kolonistov i korennoho naseleniia Novoy Anglii v XVII v. ["Saints" and "Savages": Relations between Colonists and the Native Population of New England in the 17th Century]. Moscow: URSS, 2021. 280 p.

⁵⁵ Ibid. P. 138–139.

⁵⁶ Более подробно об аккомодационной модели миссионерской деятельности, правда, на примере иезуитских миссионеров в Новой Франции первой половины XVII в., см.: Федин А.В. *Иезуитская миссия в Новой Франции в первой половине XVII века.* М., 2016.

⁵⁷ Например, известный миссионер Э. Мэйхью опубликовал целый ряд работ, которые должны были помочь его последователям в обращении индейцев в христианство, в том числе и перевод отрывков из Священного Писания на один из индейских языков. См.: The Massachusetts psalter: or, Psalms of David with the Gospel according to John, in columns of Indian and English: Being an introduction for training up the aboriginal natives, in reading and understanding the Holy Scriptures. Boston, 1709; Mayhew E. Observations on the Indian Language. Boston, 1722; Mayhew E. Indian converts: or, Some account of the lives and dying speeches of a considerable number of the Christianized Indians of Martha's Vineyard, in New-England. Boston, 1727.

- Axtell J. *The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 389 p.
- Bailyn B. *Atlantic History: Concept and Contours*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. 149 p.
- Brooks J. *American Lazarus: Religion and the Rise of African-American and Native American Literature*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. 255 p.
- Bross K. *Dry Bones and Indian Sermons: Praying Indians in Colonial America*. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 257 p.
- Calloway C.G. *The Indian History of an American Institution: Native Americans and Dartmouth*. Hanover: Dartmouth College Press, 2010. 280 p.
- Cave A.A. *Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia*. Oxford: Praeger, 2011. 200 p.
- Cave A.A. *The Pequot War*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1996. 219 p.
- Drake J.D. *King Philip's War: Civil War in New England, 1675–1676*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1999. 257 p.
- Fedin A.V. *Iezuitskaya missiya v Novoy Frantsii v pervoy polovine XVII veka [The Jesuit Mission in New France in the First Half of the 17th Century]*. Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova, 2016. 431 p.
- Fisher L.D. *The Indian Great Awakening: Religion and the Shaping of Native Cultures in Early America*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 312 p.
- Geiger R.L. *The History of American Higher Education: Learning and Culture from Founding to World War II*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2014. 584 p.
- Jennings F. *The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest*. New York: Norton, 1976. 369 p.
- Lepore J. *The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity*. New York: Random House, 2009. 337 p.
- Levy B. *Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. 354 p.
- Love W.D. *Samson Occom and the Christian Indians of New England*. Boston: The Pilgrim Press, 2000. 379 p.
- Mifflin J. "Closing the Circle": Native American Writings in Colonial New England, a Documentary Nexus between Acculturation and Cultural Preservation // *The American Archivist*. Fall/Winter 2009. Vol. 72. N 2. P. 344–382.
- Newell M.E. *Brethren by Nature*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2015. 316 p.
- Simmons W.S. Conversion from Indian to Puritan // *New England Quarterly*. 1979. Vol. 52. N 2. P. 197–218.
- Stevens L. *The Poor Indians: British Missionaries, Native Americans, and Colonial Sensibility*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. 264 p.
- Winiarski D.L. Native American Popular Religion in New England's Old Colony, 1670–1770 // *Religion and American Culture: A Journal of Interpretation*. Summer 2005. Vol. 15. N 2. P. 147–186.
- Wyss H.E. *Writing Indians: Literacy, Christianity, and Native Community in Early America*. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 2000. 224 p.

Поступила в редакцию
3 декабря 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-50-61

А.Я. Лившин, К.А. Соловьев

**ПАТРИОТИЗМ НА СЛОМЕ ЭПОХ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ЭМОЦИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

A. Ya. Livshin, K.A. Soloviev

**PATRIOTISM AT THE BREAKING POINT OF AN ERA:
POLITICAL EMOTIONS ON THE EVE OF THE 1917
REVOLUTION**

Аннотация. Значительный научный и общественный интерес вызывает такой важный компонент массового сознания, как политические эмоции. Для понимания периода российской истории, который предшествовал революционному кризису 1917 г. и продолжился после свержения царизма, важно проанализировать генезис и динамику политических эмоций, охватывавших все слои общества и, в заметной степени, диктовавших политическое поведение. Этой проблеме посвящена книга В.Б. Аксенова «Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи» (2023). Одной из наиболее заметных эмоций того переломного времени являлось чувство патриотизма, которое имело множество различных, заметно отличавшихся друг от друга проявлений. Различные «патриотизмы» демонстрировали как групповые аффективные связи дружбы, любви и солидарности, так и эмоции, направленные

Лившин Александр Яковлевич, доктор исторических наук, профессор факультета управления Совместного университета МГУ–ППИ в Шэньчжэне и кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Livshin Alexandr Yakovlevich, Doctor in History, Professor, School of Management, Shenzhen MSU–BIT University (China), Department of History of State and Municipal Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University
livshin@spa.msu.ru

ORCID: 0000-0002-4981-0704

Соловьев Константин Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Soloviev Konstantin Anatolievich, Doctor in History, Professor, Department of History of State and Municipal Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

KSoloviev@spa.msu.ru

ORCID: 0009-0007-1719-2343

вовне группы, — эмоции гнева и отторжения «другого». Пропаганда, воздействовавшая на психоэмоциональное состояние общества, во многом обуславливала динамику аффективных компонентов массового сознания эпохи крушения империи, формируя те или иные варианты не только патриотического сознания, но и поведения. Важность эмоций и аффектов для формирования коллективных идентичностей приводит к интенсификации пропагандистского воздействия на массы с использованием понятий «отечество», «народ» и «национальное сообщество». В предреволюционной императорской России сосуществовали и нередко переплетались «верноподданническая», консервативная, государственная, патерналистская, военная, гражданская, революционная и иные версии патриотизма, имевшие различную идеологическую окраску. Однако «идеология патриотизма», если бы таковая могла существовать, должна была отстраиваться по линии поиска неких признаков — в прошлом, настоящем или желаемом будущем — идеальной, лучшей страны, объекта патриотических эмоций. История России, как и других стран, показывает, что, являясь в основном аффективным чувством, патриотизм не идентичен системе рационально отретфлексированных и концептуально оформленных идей (т.е. идеологии). Важна также проблема исторического генезиса патриотизма. Патриотизм появляется там и тогда, когда средневековая, по сути, верность сюзерену уступает место верности отечеству и согражданам.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, Российская революция 1917 г., политические эмоции, идеология, пропаганда.

Abstract. Considerable scholarly and public interest has been drawn to political emotions as a crucial component of mass consciousness. To understand the period of Russian history preceding the revolutionary crisis of 1917 and continuing after the fall of tsarism, it is important to analyze the genesis and dynamics of political emotions that encompassed all strata of society and, to a significant extent, shaped political behavior. This problem is explored in V.B. Aksenov's recent book *The War of Patriotisms. Propaganda and Mass Sentiments in Russia during the Collapse of Empire* (2023). Among the most salient emotions of this transformative time was patriotism, which manifested itself in diverse and often sharply contrasting forms. These various "patriotisms" reflected both affective bonds of friendship, love, and solidarity within groups, and emotions directed outward — anger and rejection of the "other". Propaganda, exerting strong influence on the psycho-emotional condition of society, played a key role in shaping the dynamics of the affective components of mass consciousness during the empire's collapse, generating different versions not only of patriotic awareness but also of political behavior. The centrality of emotions and affects in the formation of collective identities intensified propagandistic appeals to such concepts as "fatherland," "people," and "national community". In late-imperial Russia, multiple versions of patriotism coexisted and frequently overlapped, including loyalist, conservative, statist, paternalist, military, civic, and revolutionary forms, each with its own ideological coloring. Yet an "ideology of patriotism," were such a thing to exist, would necessarily be constructed around the search for markers — whether in the past, present, or imagined future — of an idealized, better country as the object of patriotic feeling. The history of Russia, as elsewhere, shows that patriotism, as a predominantly

affective sentiment, is not identical with a rationally articulated and conceptually coherent system of ideas, that is, an ideology. Equally important is the problem of the historical genesis of patriotism: it emerges when essentially medieval loyalty to a suzerain gives way to loyalty to the fatherland and to fellow citizens.

Keywords: patriotism, nationalism, Russian Revolution of 1917, political emotions, ideology, propaganda.

* * *

Данные размышления навеяны книгой В. Аксенова «Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи»¹, которая написана автором, обладающим большой эрудицией, написана ярко, образно и по формату и стилю относится скорее к жанру научно-популярной литературы. Не вызывает сомнения, что этот труд является заметным вкладом в дело изучения и, что немаловажно, популяризации знаний о ключевом периоде отечественной истории. Хотя автор оговаривается, что замыслом книги было донесение до широкой аудитории ряда «идей и сюжетов», затронутых в обширной академической монографии, вышедшей в 2020 г.², В. Аксенов при этом отмечает, что «Война патриотизмов...» является «новым исследованием». Эта авторская заявка дает нам возможность рассуждать о проблеме с позиций науки, обращая внимание, в том числе и на методологию исследовательской работы, на ее понятийный аппарат.

Представляется, что концептуальное «фреймирование» материала в научно-популярной книге не обязательно должно рассматриваться как опасность завлечь массового читателя в скучные дебри теоретических рассуждений и научных гипотез. Иногда работа с понятиями и теориями помогает взглянуть на изучаемую историческую проблему системно, понять ее как в статике, так и в динамике. Один из важнейших концептов, который имеет отношение к обсуждаемой проблематике, — концепт политических эмоций.

Политические эмоции, их связь с пропагандой и патриотизмом в последнее время вызывают заметный интерес у представителей различных социальных наук. Особенно выделяется здесь вышедшая в том же году и в том же издательстве, что и книга В. Аксенова, монография профессора Чикагского университета Марты Нуссбаум «Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости»³.

¹ Аксенов В. Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 488 с.

² Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. 992 с.

³ Нуссбаум М. Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости. М., 2023. 632 с.

Исследователи уже какое-то время назад обратили внимание на «эмоциональный», или «аффективный поворот», происходящий в гуманитарных, социальных и политических науках с середины 1990-х гг. Этот поворот приходит на смену «лингвистическому повороту» конца 1970-х, 1980-х и начала 1990-х гг., тесно связанному с постмодернистской методологической парадигмой⁴. В какой-то степени новый «аффективный поворот» означал «хорошо забытое старое» — задолго до переключения внимания ученых на дискурсивные практики как базовый фактор проявления общественных настроений, эмоции считались ключом к пониманию практически всех политических действий, проходящих за пределами формальных политических институтов⁵. Развитие получили теории «психологии толп» — предполагалось, что толпы, посредством внушения и эмоционального самозаражения создают своего рода примитивный групповой разум и групповые чувства⁶. Анализу подвергался феномен «коллективного безумия толпы», характеризующегося утратой связи с реальностью и тягой к разрушению⁷. Разумеется, у ученых, следовавших в русле марксистской традиции, темная энергия иррациональности толпы заменялась, всегда в позитивном ключе, классовым чутьем и стихийной революционностью «угнетаемых масс».

В настоящее время эмоции являются важной частью многих теорий, описывающих динамику социальных движений и массовых настроений. Структуры социальной мобилизации, коллективная идентичность, политические действия — немалая часть каузальных закономерностей, связанных с этими концептами, включает эмоции, формирующиеся в общественном пространстве. Эмоции, непосредственно связанные с такими моральными категориями, как стыд, вина или чувство гордости, в том числе, за свою страну (патриотизм) особенно распространены как мотиваторы действий. Другие эмоции также помогают направлять действия, поскольку они предполагают знакомые ситуации и нарративы: мы понимаем, что такое негодование, сострадание или страх, и действуем определенным образом, как только испытываем эти эмоции⁸.

⁴ Demertzis N. Political Emotions // The Palgrave Handbook of Global Political Psychology / Eds P. Nesbitt-Larking et al. New York, 2014. P. 223–224.

⁵ Goodwin J., Jasper J., Polletta F. Why Emotions Matter // Passionate Politics: Emotions and Social Movements / Ed. by J. Goodwin, J.M. Jasper, and F. Polletta. Chicago; London, 2001. P. 1–3.

⁶ Ibid.

⁷ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. М., 1998. С. 42.

⁸ Goodwin J., Jasper J., Polletta F. Op. cit. P. 10.

Динамика массового сознания в Российской империи предреволюционного и революционного периода дает обширную базу для анализа с позиций теорий политических эмоций. В частности, различные «патриотизмы» той поры демонстрируют два описанных в научной литературе типа эмоций: тесные групповые аффективные связи дружбы, любви и солидарности и, с другой стороны, эмоции, направленные вовне группы — эмоции гнева и отторжения по отношению к «другому». Два типа эмоций, хотя и различны по своей сути, усиливают друг друга, формируя фрейм того или иного типа патриотизма⁹.

Таким образом, общественные настроения многослойны, они включают как рациональные, так и эмоциональные компоненты, и все они оказывают влияние на индивидуальные и групповые политические действия. Политические эмоции во многом определяют «атмосферу» общества, его «психологический климат». Пропаганда работает в основном с аффективными (эмоциональными) состояниями массового сознания, непосредственно воздействуя на «психологический климат» социума. Политические эмоции, как и массовое сознание в целом, представляются при этом неоднородной совокупностью эмоциональных и рациональных состояний, присущих отдельным группам, находящейся в состоянии динамического развития под влиянием исторических событий и сознательного пропагандистского воздействия.

В книге В. Аксенов, в частности, нередко и вполне обоснованно использует понятия «тревожность» и «нервозность» социума. Оба понятия относятся к числу эмоциональных компонентов массового сознания, которые можно и должно анализировать с позиций неплохо разработанного в политологии, социологии и иных социальных науках концепта политических эмоций.

Как уже отмечалось, тесно связан с проблематикой психоэмоциональных состояний общества и концепт пропаганды. Отметим, что в научной литературе уже достаточно давно рассматривается влияние пропаганды на эмоциональные компоненты массового сознания с позиций психоанализа, групповой психологии и психоистории¹⁰. Концепт пропаганды, несомненно, тесно связан с теоретическими обоснованиями каузальных факторов динамики эмоциональных и аффективных компонентов массового сознания (политических эмоций) и может анализироваться под этим углом.

⁹ Goodwin J., Jasper J., Polletta F. Op. cit. P. 20–21.

¹⁰ См., например: Hartman J. A Psychoanalytic View of Racial Myths in a Nazi Propaganda Film: *Der Ewige Jude (The Eternal Jew)* // *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. Vol. 2. N 4. 2000. P. 329–346.

В центре внимания В. Аксенова — различные аспекты того явления (или той политической эмоции), которое можно обозначить понятием «патриотизм». Это словопонятие используется автором в различных сочетаниях: «шовинистический патриотизм», «государственный патриотизма», «революционный патриотизм», «патерналистский патриотизм», при этом вполне обоснованно один вид патриотизма противопоставляется другому — слишком велики отличия между ними. Таким образом, встает важный методологический вопрос о критериях типологизации разновидностей патриотизма — в ту историческую эпоху и в целом. Чтобы подойти к вопросу типологизации, необходимо вначале разобраться, что такое патриотизм в понимании автора и насколько предлагаемые подходы к определению этого явления соотносятся с представлениями, сформировавшимися в современной науке.

Проблематика патриотизма входит, помимо историков, в круг интересов социальных психологов, философов, политологов, представителей иных областей знания. Комплексность понятия затрудняет стремление отнести патриотизм к явлениям какого-либо одного порядка или вида. Важность эмоций и аффектов для формирования коллективных идентичностей усиливает пропагандистскую апелляцию к понятиям «отечество», «народ» и «национальное сообщество», поскольку Родина и нация подразумевают значительное количество символов, усиливающих чувство групповой принадлежности¹¹. Зачастую непросто, особенно когда мы говорим об эмоциях, разграничить чувства привязанности к своей стране (патриотизм) и привязанности к своему народу и его традициям (национализм). Запутывает ситуацию в исследовательском плане и то, что любовь к стране обычно не ограничивается лишь эмоциями по отношению к некой территории на карте. На этой территории проживает сообщество людей, которое обычно имеет выраженные этнокультурные характеристики, что в эмоциональном плане приводит к переплетению чувств, испытываемых по отношению к отчизне и к нации.

В. Аксенов замечает, что французский государственный патриотизм, например, приобретя официальный статус, на каком-то этапе «стал считаться» консервативной идеологией¹². Но может ли патриотизм, как категория главным образом эмоциональная, вообще соотноситься с идеологией? «Идеология патриотизма», если бы таковая существовала, должна была отстраиваться по линии поиска неких

¹¹ См.: *Agustín Ó.G. Left-Wing Populism: The Politics of the People*. Emerald Publishing Limited, 2020. P. 65–66.

¹² *Аксенов В. Война патриотизмов*. С. 14.

признаков — в прошлом, настоящем или желаемом будущем — идеальной, лучшей страны, объекта патриотических эмоций и душевных устремлений. Иными словами, в основе патриотизма должно лежать идеальное состояние государства и общества, либо в прошлом и настоящем (консерватизм и охранительство), либо то, к которому следует стремиться в ожидаемом будущем (в либерализме, социализме, анархизме и т.д.), дополненное набором способов для его поддержания или достижения. Но есть ли у патриотизма выражение идеального состояния, которое можно предложить, например, в будущем? Можно свести движение к этому состоянию к стремлению реализовать некий набор инвариантных (в рамках данной системы идей) принципов? Поскольку патриотизм является, главным образом, аффективным чувством (хотя рациональные компоненты в нем тоже могут присутствовать), система четко отрефлексированных и концептуально оформленных идей (т.е. идеология) явно ему не идентична.

Обратимся к эмоциональной составляющей этого понятия. В. Аксенов справедливо отмечает, что патриотизм может быть использован в качестве инструмента манипуляции общественном сознанием, но при такой постановке вопроса это означает, что патриотизм не является эмоцией как таковой, а относится к средствам, вызывающим эмоцию. В таком случае, «инструментальный» подход к патриотизму может низводить его до орудия манипуляции общественным сознанием средствами пропаганды, что, безусловно, неверно. Вероятно, можно говорить о том, что патриотизм проявляется в эмоции (индивидуальной и коллективной), которая, в свою очередь, вызывает то или иное действие по отношению к другим людям или предметам, их символизирующим.

Поскольку автор указывает на то, что «нередко патриотизм принимает иррациональные формы», «оборачивается навязчивой идеей»¹³, то возникает вопрос, есть ли у него типологическое сходство с религией, или, вернее, с чувством религиозной экзальтации? Чтобы быть своеобразной религией, патриотизму необходимо опираться на свой «символ веры» и набор институций, им порождаемых. У патриотизма нет своей «церкви» как организации верующих, но церковь — это атрибут сложной религии, нередко вплетенной в систему государственных институтов. Религии простые часто опираются не на организацию, а на авторитет, а «пророки» и «апостолы» патриотизма наполняют весь текст этой книги. Тут надо понять, может ли иррациональная (мистическая) любовь к отечеству при-

¹³ Аксенов В. Война патриотизмов. С. 11.

обрести институциональные формы (что порождает религию) или же он «работает» только в качестве побудительного мотива к однократному действию, т.е. является проявлением «коллективного бессознательного» или даже «психической девиацией»¹⁴. Судя по общему контексту книги, автор скорее придерживается того подхода, что полноценным «религиозным» чувством патриотизм стать не может. Если же патриотизм может быть и «рациональной концепцией» (о чем автор пишет в послесловии), то можно ли считать одним и тем же социальным явлением патриотизм, рожденный рефлексирующей мыслью, и патриотизм, мысль отвергающий?

Возможно, здесь тоже могла бы помочь неплохо разработанная в научной литературе концептуализация патриотизма с позиций его отличий от национализма. Дискуссия по этому вопросу началась еще в XIX в., продолжается она и в наше время¹⁵. Что же касается типологизации патриотизма, то согласно подходу, который предложен Стэнфордской философской энциклопедией, патриотизм различается по степени интенсивности: «крайний патриотизм», «сильный», «умеренный» и «слабый» патриотизм. Данная типологизация весьма проста (если не сказать, примитивна) и, разумеется, не учитывает конкретно-исторических особенностей и интеллектуальной вариативности в проявлениях патриотических чувств. Автор «Войны патриотизмов...» прав, стремясь поместить различные виды патриотизма в исторический, гносеологический и идеологический контекст. Однако данный вполне научный подход не всегда приводит к формированию стройной концепции типологизации исследуемого явления.

В. Аксенов весьма интересно анализирует специфические российские «интерпретации» патриотизма: «верноподданический» патриотизм (у Сперанского), консервативный (у Тютчева, Аксакова, Каткова), государственный (имперский, патерналистский), «внегосударственный» (у Мережковского), военный, «народный», «гражданский» (у декабристов), критический (у Чаадаева и Вяземского), революционный (у народников). Однако здесь остается немало пространства для дискуссии. Может ли, например, военный патриотизм быть отнесен в государственному (если это регулярная армия) или он может считаться революционным, если сама армия защищает революцию? Может ли «внегосударственный» патриотизм быть соотнесен с патриотизмом «народным» или «революционным», или же это самостоятельный вид патриотизма? Какой патриотизм

¹⁴ Аксенов В. Война патриотизмов. С. 11.

¹⁵ См.: Нации и национализм. Сборник статей / Пер. с англ. и нем. М., 2002. 416 с.

у С.С. Уварова: государственный или консервативный? Научно-обоснованная типологизация патриотизма важна, поскольку она позволяет дать характеристику социальному явлению во времени и пространстве. А простое указание на вариацию такой возможности не дает, оно указывает лишь на наличие индивидуальной либо групповой позиции в более «широком» типе патриотизма.

От ответов на обозначенные выше вопросы зависит понимание, того, что может быть отнесено к патриотическому поведению. Автор приводит определение патриотического поведения у революционеров-народников: «эмпатия к крестьянству, стремление помочь страждущим, готовность к самопожертвованию». Но можно ли такое поведение считать универсальным или хотя бы желательным для разных категорий патриотизма? А ведь есть еще проблема градации обусловленных эмоциями видов патриотического поведения, начиная от тихого любования своей принадлежностью к великой отчизне до прямого и выраженного насилия по отношению к тем, кто патриотами (по мнению таких «патриотов») не являются. Нужно ли установить критерии, в соответствии с которыми мы будем определять степень эмоционального накала патриотизма или же это невозможно в принципе?

Следующее проблемное поле — это проблема генезиса патриотизма, при решении которой должна быть определена точка отсчета в процессе его формирования и те факторы, благодаря которым в Новое и Новейшее время патриотизм становится одним из наиболее заметных общественных явлений. Автор совершенно справедливо указывает на то, что патриотизм появляется там и тогда, когда средневековая, по сути, верность сюзерену уступает место верности согражданам, в своей совокупности составляющим понятие «отечество». Но далее автор выбирает в качестве основного фактора этой трансформации революцию, причем одну конкретную — Великую Французскую, утверждая, что превращение патриотизма в государственную доктрину произошло именно в этом месте и именно в это время. Безусловно, революция 1789 г. много сделала для трансформации регионального французского и феодального сознания в государственно-гражданское. Но непонятно, должен ли, например, американский патриотизм — продукт Нового времени и эпохи Просвещения — определяться именно фактором французской революционности? Логичнее предположить, что национальная доктрина американского государственно-гражданского патриотизма формировалась параллельно с французской, но имела другие корни — противостояние с колониальной Британией, хотя в интеллектуальном смысле она опиралась на те же основания — идеи Просвещения.

Поиск отправной точки генезиса патриотизма Нового времени именно в XVIII в. нам кажется дискуссионным, поскольку, например, у шотландцев времен Уильяма Уоллеса в конце XIII — начале XIV в. и у французов времен Жанны д'Арк в XV в. Родина была важнее сюзерена, и многие значимые элементы пусть не государственного, но национального патриотизма уже присутствовали. Что касается, например, упомянутого У. Уоллеса, то он — национальный герой — является типичным символом не только патриотизма по отношению к Родине (считается, что он уже в то время, задолго до восстания якобитов, воодушевлял своих соратников боевым кличем “Alba gu bràth”, означающим «Шотландия навсегда» на гэльском), но и построения национальной идентичности, которую можно определить как «общую культуру, понимание прошлого и стремление к будущему, которые связывают группу людей вместе и воспитывают чувство принадлежности к нации»¹⁶.

И неужели в России начала XVII в. в движении Минина и Пожарского совсем не было государственного патриотического начала? Автор пишет, что в российский государственный патриотизм стал следствием наполеоновских войн, но разве слова неофициального русского гимна «Гром победы раздавайся», написанного Г.Р. Державиным в 1791 г., в эпоху русско-турецких войн, не выражают самую суть государственного патриотизма?

Фактор революционных потрясений — далеко не единственный из тех, что способны «запустить» процесс формирования патриотизма, понимаемого как противопоставление «нас» (соотечественников) всем остальным. Важную роль могут сыграть иные события и процессы, в первую очередь — фактор военного противостояния, противодействия внешним угрозам и геополитическим соперникам. Так, например, немецкий патриотизм не сформировался в ходе революции 1848 г., охвативший многие германские земли. А вот военное противостояние с Францией стало мощным фактором сначала для появления прусского патриотизма (в период наполеоновских войн), а затем и для германского (во Франко-прусской войне). До 1915 г. скандинавские страны не испытали заметных революционных потрясений, но генезису шведского патриотизма очень сильно способствовали поражения в войнах с Россией XVIII в. и последующая потеря Финляндии.

Все те примеры, которые здесь приведены, свидетельствуют о том, что эрозия принципа феодальной верности сюзерену и ее транс-

¹⁶ Tyrode M. The Scottish Nationalist Figure of William Wallace Through Popular Culture. Education. 2022. — URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-03792661v1> (дата обращения 02.10.2024)

формация в патриотизм может происходить под напором различных обстоятельств, вызывающих потребность в причастности человека не только к сословию, религии или к семье, но и к сообществу «соотечественников». В России в XVIII в. такими факторами были: ментальный разворот российской элиты в сторону Европы и интеграция в европейское геополитическое пространство; эволюция образа монарха в период «дворцовых переворотов»; успешные войны, сначала на Балтике, затем в Причерноморье. Следствием всех этих факторов стало переосмысление слова «отечество» именно в контексте российского патриотизма, как это звучит в стихах М.В. Ломоносова 1739 г.: «Крепит отечества любовь / Сынов Российских дух и руку», с последующей передачей патриотической традиции молодым поколениям: М.М. Хераскову («Другому жизнь его не столько дорога, / Как честь отечества или монарша слава; / Таких рождаешь ты, Российская держава!»), Г.Р. Державину («А слава тех не умирает, Кто за отечество умрет») или В.А. Жуковскому («Пусть верности обет, отечество и честь / Велят нам за Царя на жертву жизнь принести»).

Дискуссионность затронутых в книге В. Аксенова тем и сюжетов лишь подчеркивает достоинства работы, ее яркий и, в хорошем смысле, публицистический характер. «Война патриотизмов...» гармонично соединяет два важнейших начала: внимание к важнейшей, переломной эпохе отечественной истории и вдумчивый анализ особенностей отражения бурных исторических событий в массовом сознании.

References

Agustín Ó.G. *Left-Wing Populism: The Politics of the People*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2020. 149 p.

Aksenov V.B. *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revoliutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions: Mass Sentiments of Russians during the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2020. 992 p.

Aksenov V.B. *Voyna patriotizmov. Propaganda i massovye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii* [The War of Patriotisms: Propaganda and Mass Sentiments in Russia during the Collapse of Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2023. 488 p.

Demertzis N. *Political Emotions* // The Palgrave Handbook of Global Political Psychology / Eds P. Nesbitt-Larking et al. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 223–241.

Emotions and Social Movements / Ed. by J. Goodwin, J.M. Jasper, and F. Polletta. Chicago; London: The University of Chicago Press. 2001. 370 p.

Hartman J. A Psychoanalytic View of Racial Myths in a Nazi Propaganda Film: *Der Ewige Jude (The Eternal Jew)* // *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2000. Vol. 2. N 4. P. 329–346.

Moscovici S. *Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass* [The Age of the Crowd: A Historical Treatise on Mass Psychology]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 480 p.

Natsii i natsionalizm / Mapping the Nation. Sbornik statei [Nations and Nationalism / Mapping the Nation. A Collection of Articles]. Moscow: Praxis, 2002. 416 p.

Nussbaum M. *Politicheskiye emotii: pochemu lyubov' vazhna dlya spravedlivosti* [Political Emotions: Why Love Matters for Justice]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2023. 632 p.

Tyrode M. The Scottish Nationalist Figure of William Wallace through Popular Culture. Education. 2022. ffdumas-03792661f. — URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-03792661v1>

Поступила в редакцию
3 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-62-83

**О.Д. Минаева, Г.В. Денисова,
О.В. Смирнова, И.Н. Денисова**

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

O.D. Minaeva, G.V. Denisova, O.V. Smirnova, I.N. Denisova

**THE PECULIARITIES OF SOVIET JOURNALISTS' WORK
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: A HISTORICAL
AND CHRONOLOGICAL ANALYSIS**

Аннотация. История советской журналистики периода Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучена. В исследованиях по истории журналистики принято анализировать, как именно военные события освещались в СМИ, какую картину войны создавали журналисты. Однако практически не рассматривался опыт работы советских военных корреспондентов в период войны. В данной статье предлагается другой подход к анализу накопленного исторического материала, а именно: в центре внимания — эмоционально-психологическое состояние журналиста на войне, особенности его работы и быта. Проанализирован обширный материал, позволивший выстроить соответствующую структуру исследования. Эмпирической базой исследования стали как дневниковые записи

Минаева Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Minaeva Olga Dmitrievna, Doctor in Philology, Head, Department of History and Legal Regulation of Domestic Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

ominaeva@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-2465-6002

Денисова Галина Валерьевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства и заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова

Denisova Galina Valeryevna, Doctor in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Department of Semiotics and General Theory of Art, Deputy Dean for Research and Development, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

g.v.denissova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7719-8380

периода войны, так и воспоминания советских журналистов, написанные в послевоенный период. Выявлен круг проблем, с которыми сталкивались военкоры Великой Отечественной войны: это как профессиональные проблемы отбора информации для публикаций, специфические методы сбора материала, так и этические проблемы журналистов, их эмоциональные перегрузки. Наиболее информативной с точки зрения данного исследования стала книга воспоминаний главного редактора центральной военной газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберга. Ее автор большое внимание уделил условиям работы, впечатлениям, трудностям, которые возникали у журналистов при отборе тем для публикаций и осмыслении тех событий, с которыми они сталкивались. В определенной степени картина собственной работы в условиях войны отражена в публикациях военкоров, однако в период военных действий о многих фактах написать было нельзя в силу цензурных или идеологических запретов. В данном исследовании затронута и тема «правдивости» — правды о войне, как ее понимали журналисты, участники и очевидцы событий. Исследование представляется актуальным для анализа работы современных российских военкоров, несмотря на все исторические различия. Оно позволяет выделить круг профессиональных, этических, психологических проблем журналиста, который выполняет свои профессиональные обязанности в военных условиях или в условиях конфликта.

Ключевые слова: военный корреспондент, советский журналист, Великая Отечественная война, история журналистики, историко-хронологический анализ, этико-психологические проблемы военкора.

Abstract. The history of Soviet journalism during the Great Patriotic War has been fairly well researched. Studies on the history of journalism typically ana-

Смирнова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Smirnova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in Philology, Associate Professor, Head, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

smirnova.olga.msu@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1349-4241

Денисова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Denisova Irina Nikolaevna, PhD Candidate in Philology, Associate Professor, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Irina_denisowa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9175-4048

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-16 «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-16 “Conflict and Media: Theoretical, Historical, Socio-Cultural and Communicative Aspects”.

lyze how military events were covered in the media and the picture of the war that journalists created. However, the experience of Soviet war correspondents during the war has been scarcely studied. This article proposes a different approach to the analysis of the accumulated historical material, specifically: it examines the emotional and psychological state of journalists at war, the peculiarities of their work and daily life. The empirical basis of the research includes both the wartime diaries and the memoirs of Soviet journalists written in the postwar period. A broad array of material has been analyzed, allowing the structure of the study to focus on the war correspondent themselves. The study identifies a range of issues faced by war correspondents during the Great Patriotic War, such as professional problems of selecting information for publication, specific methods of gathering material, as well as ethical dilemmas, and the emotional overloads experienced by journalists. The most informative source for this research was the memoirs of the chief editor of the central military newspaper *Red Star*, D.I. Ortenberg. His focus was on the working conditions, impressions, and difficulties faced by journalists when selecting topics for publication and interpreting the events they encountered. To a certain extent, the portrayal of their own work in wartime is reflected in the correspondents' publications, although during military actions, many facts could not be written about due to censorship or ideological restrictions. This study also addresses the topic of "truthfulness" — the truth about the war, as understood by journalists, participants, and witnesses of the events. The research is relevant for analyzing the work of contemporary Russian war correspondents, despite historical differences. It highlights a range of professional, ethical, and psychological issues faced by journalists who carry out their duties in wartime conditions or conflict situations.

Keywords: war correspondent, Soviet journalist, Great Patriotic War, history of journalism, historical and chronological analysis, ethical and psychological issues of war correspondents.

* * *

Актуальность и методология исследования

Исследователями в области истории продолжают изучаться самые разные аспекты событий, связанных со Второй мировой и Великой отечественной войнами¹, и, видимо, проблематика подобных работ будет и дальше расширяться. Даже внутри такой, казалось

¹ См., например: *Сетов Р.А.* Причины Второй мировой войны: опыт постановки теоретических проблем // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 5. С. 73–96; *Иванов А.А.* Н.Е. Марков в годы Второй мировой войны: неизвестные страницы биографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 2. С. 32–50; *Поправко Е.А.* Тыловое обеспечение крымской операции 1944 г. в документах 4-го украинского фронта, Отдельной приморской армии и мемуарах участников // Вестник московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 3. С. 94–109; *Хрулева И.Ю.* Советская военная миссия в США (июль 1941 — февраль 1942 г.): первые договоренности по ленд-лизу // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 6. С. 112–124; и др.

бы, изученной темы, как история советской журналистики периода Великой Отечественной войны, за пределами исследовательского внимания пока остаются важные ее грани. Представляется, что одна из таких актуальных проблем — это информационная работа и особенности деятельности журналистов во время крупнейших военных конфликтов XX в. Журналисты, работающие в условиях конфликтов различного типа, в первую очередь в военных конфликтах, подвергаются особым перегрузкам, а также сталкиваются с такими профессиональными вызовами, которых не бывает в мирных условиях. В исследованиях по истории отечественной журналистики традиционно было принято анализировать, как именно военные события освещаются в СМИ и какую картину войны создали военные журналисты. Мы имеем представление о том, как в военных условиях работала система советских СМИ (как гражданских, так и военных), изучаем творчество известных советских военных корреспондентов. В трудах по истории советских СМИ не рассматривалось, какие профессиональные, этические и иные проблемы в отборе информации возникали у военного корреспондента, как он эмоционально переживал фронтовую ситуацию. Стоит задача выстроить структуру и основные темы для такого исследования, в котором в центре внимания находится сам журналист, а не события, которые он освещает.

Эмпирическая база исследования состоит из нескольких видов источников. В современных исследованиях медиа все чаще встречаются труды, в которых изучаются конфликты и особенности их освещения, это динамично развивающееся направление². Анализ научных публикаций по теме «советский военный корреспондент» показывает, что появились отдельные работы, в которых анализируются различные стороны этой темы: история отдельных военкоров

² *Vartanova E.L., Dunas D.V. Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2023. Vol. 28. N 4. P. 724–733; Vartanova, E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. Media representations of social conflicts: Identifying theoretical foundations for typology // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. N 2. P. 26–45; Vartanova, E.L., Gladkova A.A. From digital divides to epistemic divides: The rise of new inequalities in the conflict media space // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. N 4. P. 5–22; Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. N 2. P. 73–89; Vartanova, E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. On representation of conflict in modern academic discourse // Online Media and Global Communication. 2023. Vol. 1. N 4. P. 794–814; Jamil S., Panagiotou N., Fragkonikolopolous Ch., Gladkova A. Media sustainability in the pandemic conflicting world: Reflections from diverse perspectives // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. N 2. P. 5–12.*

советского периодов³. Изучаются психологические качества современных российских военкоров⁴, особенности лексики⁵ и содержания журналистских материалов⁶. Эти публикации интересны, однако не совпадают с темой данного исследования. Кроме того, мы не можем провести опросы и интервью военных журналистов советской эпохи, поэтому опираемся в нашем исследовании только на сохранившиеся письменные источники.

За основу исследования были взяты воспоминания военных корреспондентов и редакторов Д. Ортенберга, Г. Буркова, К. Симонова, Б. Полевого, О. Берггольц, Н. Денисова, Б. Горбатова, В. Вишневского, В. Гроссмана и других. Лишь в личных воспоминаниях военкоров можно найти отдельные эпизоды, где описываются профессиональные проблемы и то, как журналист их решает. В ходе исследования применялся традиционный для исторических исследований журналистики метод проблемно-хронологического анализа, то есть поиск и отбор соответствующих данной теме материалов.

Впервые в таком исследовании сделана попытка разработать структуру исследования для анализа личного опыта военкоров на примере советских журналистов. Цензурные и идеологические отличия советской эпохи от современности применительно к военной ситуации и в такой постановке цели исследования не представляются особо значительными.

Опубликованные в советской печати военные корреспонденции, очерки и рассказы в силу цензурных и иных ограничений не могут ответить на вопросы о внутреннем мире журналистов, поэтому единственным доступным нам источником остаются воспоминания военкоров. Они, в свою очередь, оставляют впечатление недосказанности, фрагментарности. Воспоминания чаще всего писались не для того, чтобы фиксировать свои личные проблемы, а для того, чтобы сохранить те картины войны, которые не вошли в опубликованные в войну произведения.

³ Гужва Д.Г., Рахимова И.О. «С честью выдержали испытания...» Работа советских военных корреспондентов в первые месяцы великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 42–46; Мащенко А.П. Крым в жизни и творчестве К. Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.В. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 88–103.

⁴ Колобова С.В. Особенности саморегуляции военных корреспондентов // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 18–33.

⁵ Колобова С.В., Малыгина Л.Е. Трансформация жанра устного рассказа военного корреспондента в современном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №2 (37). С. 50–59.

⁶ Мацквичюс Э.Г. Драматизация как контент-стратегия военного корреспондента при освещении темы СВО (на примере программы «Вести» телеканала «Россия 1») // Медиальманах. 2023. № 6. С. 77–83.

Особенности подготовки и работы журналистов в условиях военных конфликтов в советский период

Следует отметить, что существует принципиальная разница в статусе журналистов, освещавших военные действия в советский период, и современных репортеров. Во время Великой Отечественной войны журналисты военных отделов гражданских СМИ зачислялись в ряды Красной армии, получали офицерское звание, носили форму, могли иметь оружие, ситуативно могли принимать участие в боях. Они официально назывались военными корреспондентами. Всего несколько центральных СМИ имели военные отделы: это газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», ТАСС, Совинформбюро и Всесоюзный радиокомитет. Журналисты военных газет Красной Армии тоже зачислялись в ряды действующей армии (как правило, офицерами), носили форму, подчинялись уставу и имели личное оружие. Военная печать, т.е. печать Красной армии и флота, соответствовала размерам действующей армии: за годы войны насчитывалось 1433 газеты и журнала⁷.

Советские военные корреспонденты отчетливо понимали, что из себя представляет враг, идеологически готовились к грядущей войне. Про курсы военной подготовки корреспондентов при Военно-политической академии имени В.И. Ленина вспоминал Вадим Кожевников⁸: «...жили в лагерях. Сдали... экзамены по тактике, стрельбе из станкового и ручного пулеметов, личного оружия. Всем присвоили воинские звания». Эти курсы окончил и Константин Симонов, который писал, что он там многое узнал, но козырять так и не научился⁹.

Советские военкоры должны были учитывать следующие условия работы на фронте: во-первых, журналист идет не воевать, но он разделит с солдатами все тяготы и риски военной ситуации, включая риск погибнуть, получить ранение или попасть в плен; во-вторых, журналист должен обладать силой духа и понимать, насколько тяжелую долю он выбирает. Он увидит убитых людей, узнает в деталях о военных преступлениях, он разделит горе с теми, кто его переживает; в-третьих, журналист должен обладать военными знаниями для того, чтобы работать военным корреспондентом.

Некоторые советские военкоры имели опыт освещения военных конфликтов (Испания, Халкин-Гол и др.). Главный редактор военной

⁷ Минаева О.Д. История отечественной журналистики 1917–1945: учебное пособие. М., 2018. С. 222.

⁸ Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. М., 1984. С. 110.

⁹ Там же. С. 54.

газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберг начал свои воспоминания так: «В воскресенье 22 июня 1941 г. работники редакции явились на службу *без вызова*. Необычайный, удивительный это был сбор! Пришли все с чемоданчиками, полевыми сумками <...> готовы немедленно отправиться в поход»¹⁰. Всеволод Витальевич Вишневецкий записал в воспоминаниях, что ему «уезжать на фронт приходится не первый раз. Для меня эта война уже пятая по счету в жизни. Но никогда не видел я таких глубоких, серьезных проводов, как в эти дни»¹¹.

Военкор «Комсомольской правды» Александр Андреев добровольцем ушел на фронт в 1941 г., воевал сначала рядовым, потом командиром взвода, заместителем командира батальона. В штат «Комсомольской правды» попал в 1943 г. после второго ранения, в первой командировке на фронт в качестве журналиста должен был прыгать с парашютом вместе с десантом. Вспоминал: «...приземлился я довольно удачно... Когда мы собрались, нас было 18 человек, старшим по званию оказался я, и мне пришлось брать на себя командование»¹². Повезло, что у военкора уже был фронтовой опыт. Широко известна история майора Сергея Борзенко, единственного военного журналиста в нашей печати, получившего звание Героя Советского Союза. Он в составе Эльтигенского десанта высадился на керченский берег, написал и отправил корреспонденцию на другой берег в свою армейскую газету «Знамя Родины». Когда были убиты все старшие по званию офицеры, успешно командовал десантом, пока не переправилось подкрепление. С. Борзенко воевал до победы, дошел до Берлина, после войны был корреспондентом «Правды».

Этот пример показывает, что военный журналист в ситуации, когда он оказывается старшим по званию, обязан брать на себя командование подразделением. Это обязанность не журналиста, а офицера.

Многие военкоры отмечают, что их первые впечатления о войне не совпадают с их в чем-то романтическими представлениями о грядущих сражениях. К. Симонов, которому в 1941 г. было 26 лет, так описал свое состояние в первые дни Великой Отечественной войны: «я плакал ..., когда видел, как горели те первые шесть самолетов»¹³, «у меня еще было наивное штатское представление, что к каждому привезенному раненому должны сразу выскочить все врачи и се-

¹⁰ Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. С. 188.

¹¹ Венки славы: антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. / Ред. Н.В. Свиридов. Т. 1. М., 1983. С. 161.

¹² Бурков Б.С. «Комсомолка» в шинели. М., 1975. С. 139.

¹³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. М., 2016. С. 50.

стры. Меня удивило, с каким спокойствием в ту ночь принимали у меня раненых»¹⁴, «у выезда из города (Борисов, Белоруссия) я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок»¹⁵. Симонов, как и другие советские военкоры, скупно писал о своих эмоциях, возможно считая, что они были неважны на фоне тех трагических событий, которые разворачивались на их глазах.

А. Сурков написал: «Эта война, по моему глубокому убеждению, застала очень многих из нас как бы врасплох. Люди существовали последние годы перед войной в таком убеждении, что все на войне пойдет по расписанию, что война будет построена по принципу: коротким, но сильным ударом поразить противника, отбросить и опрокинуть его, драгаться на чужой территории. Война же на деле пошла по-другому»¹⁶. И Симонов, и Сурков писали о «парадном», сформированном и советской пропагандой, и художественными фильмами, и литературой образе войны, когда форма не мнется, люди не умирают и за первыми же атаками и артобстрелами наступает победа.

Советские военкоры практически не упоминали о тех опасностях, которые им грозили — от бомбежек и снайперов до возможного плена. Лишь одно упоминание есть у К. Симонова, показывающее, что он хорошо понимал: журналист со всеми имеющимися у него документами — отличный источник информации для врага. Симонов вспоминал, как под Могилевом, в окружении «стало не по себе от того, что какие-то вещи, лежавшие у меня в карманах, могут попасть в руки немцев. Я в темноте положил на колени взятую в штабе корпуса карту, на которой были пометки расположения войск, и на ощупь куском резинки постирал все, что там было. Потом вытащил из кармана гимнастерки <...> письмо и изорвал его на кусочки»¹⁷.

В воспоминаниях о фронтовой газете «Красноармейская правда» есть такие детали: «Лагерь редакции, окруженный окопами и щелями, напоминал ротный опорный пункт... Газетчики, наборщики, печатники, шоферы составляли отделения, которые по тревоге занимали свои места в окопах. Бригады корреспондентов, уезжавшие на полуторке в районы боев, всегда были в касках, с винтовками, гранатами и противогазами. Был у нас на вооружении и ручной пулемет», «обстановка на фронте часто менялась, корреспонденты не

¹⁴ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Дементьев А.Г., Поляк Л.М., Тимофеев Л.И. История русской советской литературы. Т. 3. М., 1967. С. 451.

¹⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С.145.

раз попадали в окружение»¹⁸. Вот что написал о журналистах бригадной газеты «В бой за Родину» генерал Е. Жидилов: «Нашим газетчикам не раз приходилось отбивать вражеские атаки. Вот почему они никогда не расставались с автоматами ППШ и гранатами. ... В свободные часы изучали оружие. Все были отличными стрелками»¹⁹. 30 июля 1941 г. в репортаже «Журналисты-бойцы» в «Литературной газете» С. Швейдель рассказывал, как журналисты военной газеты сбили фашистский самолет.

Часто журналисты центральных газет привозили с фронта оружие в редакции. Б.С. Бурков, главный редактор «Комсомольской правды» в годы войны, подробно описал такую проблему: «В комнате, где ночевали военные корреспонденты, на кожаном кресле лежала большая мина. Она, конечно, была обезврежена, журналист Чернышев заверил в этом. Он сказал, что поспит и увезет мину обратно на фронт. А пока положит ее себе под подушку»; «некоторые военные корреспонденты для “показа” стали привозить в редакцию и другое оружие»²⁰. Распоряжение по редакции «Комсомольской правды» от 23 января 1942 г. гласило: «Категорически запрещается держать в редакции всякого рода взрывчатые вещества и боеприпасы», «обеспечить немедленную сдачу взрывчатых веществ и боеприпасов в соответствующие органы»²¹.

Борис Полевой вспоминал, как ему показали его комнату в редакции «Правды»: «Тут вообще-то гнездится Миша Сиволобов (спецкор «Правды»), но он сейчас у партизан. Устраивайся, только осторожней, он где-то тут гранаты прячет. И провожающий меня человек извлек из-под постели тройку трофейных гранат-“самоварчиков” и положил их рядом с чернильницей...»²².

Симонов несколько раз в воспоминаниях обращается к теме оружия. «Пока мы ехали, стало уже совсем темно. Я вынул наган и положил на колени. Когда по дороге проверяли документы или просто спрашивали, кто едет, остановив машину, я левой рукой показывал документы, а правой держал наган. Потом у меня это вошло в привычку»²³. Симонов узнал, что накануне был убит редакционный водитель и смертельно ранен заместитель редактора его военной газеты: их остановили на дороге якобы для проверки документов и застрелили. Симонов делает вывод: «оказывается, были не только

¹⁸ Журналисты на войне / Сост. Н.Г. Кузьмин М., 1966. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Бурков Б.С. Указ. соч. С. 73.

²¹ Там же. С. 74.

²² Журналисты на войне. С. 37.

²³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 36.

слухи о диверсантах, но и сами диверсанты, и держать наизготовку наган при проверке документов было не так уж смешно»²⁴. Симонов описал и такой эпизод: журналисты ехали в машине в командировку, сзади двое фотокорреспондентов «сводили свои фотографические счеты» — спорили. И вдруг раздалась пулеметная очередь — один из них нечаянно прострелил крышу машины, хорошо, что ни в кого не попал²⁵. Все эти воспоминания Симонова относятся к событиям 1941 г., когда только нарабатывался военный опыт, и тема оружия была новой для журналистов. Сын Героя Советского Союза Сергея Борзенко военкор Борзенко вспоминал, что «у отца сначала был наган, потом он поменял его на ТТ, а вообще у него штатное оружие было ППШ, он до Берлина с ППШ дошел»²⁶.

Особое отношение военкоров к оружию можно проследить и в некоторых других эпизодах из воспоминаний. Это объясняется в первую очередь тем, что советские военкоры, будучи офицерами, ощущали себя участниками военных событий и по обязанностям, и по собственному выбору. А автомат в руках мог спасти жизнь и журналисту, и тем, кто был рядом с ним. Поэтому проблема выбора «брать оружие в руки или нет», судя по изученным нами источникам, перед советскими журналистами не стояла.

Журналист в условиях военного конфликта: миссия, профессиональные задачи, этические проблемы

Кроме раскрытия важных для пропаганды в армии и в тылу тем, советские военные корреспонденты создавали реальный образ войны, которая поражала современников масштабом сражений и огромным количеством вовлеченных в нее людей. Какие задачи стояли перед советскими военкорами?

В первую очередь, это осмысление и отображение (часто — художественное) чувств и мыслей воюющего народа.

Во-вторых, это необходимость зафиксировать множество реальных фактов, записать рассказы непосредственных участников событий,

В-третьих, зафиксировать собственные впечатления очевидцев. У военных журналистов, а это в большинстве своем члены Союза писателей, тема войны осталась лейтмотивом всего творчества.

²⁴ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 66.

²⁵ Там же. С. 561.

²⁶ Борзенко А.С. Интервью в эфире. Служба новостей ForPost. — URL: <https://sevastopol.su/news/voenkor-aleksey-borzenko-5-pravil-zhurnalista-na-voyne> (дата обращения 07.03.2024).

Ну и наконец, нужно было ответить на вопрос, как могли немцы совершать такие массовые злодеяния. То есть создать образ врага и сделать первые шаги в осмыслении этого образа садистов и убийц.

Журналист иногда попадает в боевые условия, но он не участник боев, это не его задача. Ортенберг вспоминал, что Симонов говорил ему «о тех нравственных, чисто психологических переживаниях <...> Как быть: уехать в разгар тяжелых боев, чтобы передать корреспонденцию, или остаться на передовой?»²⁷. Это переживания человека, который разрывается между профессиональным долгом и долгом военным. Военкор также должен осознавать, что он сам является очевидцем событий, поэтому свои впечатления тоже должен сохранить. Симонов хорошо понимал, что «события эти были необъятно огромны, а круг моих личных наблюдений весьма ограничен, и я достаточно это понимаю, чтобы не претендовать на их полноту»²⁸.

Советским военкорам было запрещено на фронте вести дневники. Однако есть обширные, со множеством подробностей военные дневники Симонова, Гроссмана, Вишневого и других, написанные в тылу. «Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников, — писал В. Вишневский. — Ведь через год, через десять лет — с дистанции времен все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка»²⁹.

После очередной командировки на фронт свои воспоминания, по фронтовым и корреспондентским блокнотам, Симонов диктовал редакционной машинистке. А потом хранил написанное в сейфе главного редактора тогдашней «Красной звезды» генерала Ортенберга. «Так что запрета вести дневники, наложенного военным руководством, Симонов не нарушал. Разве что чуть-чуть»³⁰, — написано в предисловии к его воспоминаниям.

Какие *профессиональные* задачи стояли перед военкорами?

Оперативность — в первую очередь. Сводки Совинформбюро в первые недели войны (иногда и позже), как правило, отставали от молниеносно развертывающихся событий³¹. Симонов привел пример, когда в газете под корреспонденциями стояла подпись «Действующая армия, 18 июля», хотя события относились к 13 июля 1941 г. Почему? В редакцию материалы поступали скупо, достава-

²⁷ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 65.

²⁸ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 5.

²⁹ Деметьев А.Г. Поляк Л.М., Тимофеев Л.И. Указ соч. С. 457.

³⁰ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 6.

³¹ Там же. С. 56.

лись с великим трудом, порой с риском для жизни, смещение дат не играло особой роли.

Симонов так описал жизнь военного корреспондента: «С Халкин-Гола я вернулся, уже начав понимать, каким должен быть военный журналист. “Героическая красноармейская” (военная газета) была для меня прежде всего школой газетного темпа. Я усвоил простую истину: нечего засиживаться, застревать в редакции, нужно ехать на передовую, видеть своими глазами бой и людей в бою, быстро писать, быстро доставлять материалы в редакцию, быстро уезжать снова на фронт»³². Симонов записал: «Фронт был так близко, что... в любые пятнадцать минут за любым из нас могли прислать машину, и он... мог уже через два часа оказаться на фронте. Кстати, и полушубки, и валенки, и оружие... — все это... постоянно находилось под рукой в редакционных “эмках”»³³.

Почему военкорам 1941–1945 гг. нужно было «быстро уезжать и быстро возвращаться в редакцию»? Транспортные проблемы и проблемы связи с редакцией — о них упоминается во многих воспоминаниях, об этой проблеме пишет Ортенберг. Он вспоминал такой типичный эпизод войны: «1942 г. Штаб фронта почти две недели находится в движении, связь с Москвой поддерживается только по радио, а с армиями она временами вообще отсутствует. Многие корреспонденции давно написаны, но отправить их в редакцию нет никакой возможности»³⁴. Военкоры решали, что быстрее: ждать очереди на пункте военной связи, чтобы передать корреспонденцию, или ехать в Москву в редакцию. Ездили на попутных военных машинах, летали на военных самолетах.

Грибачев так описал работу советских военкоров: «Я хорошо знаю американских журналистов — это бойкие, пробивные хлопцы<...> Но по профессиональной сущности своей они информаторы, изображали события с их внешней стороны <...> Драгоценнейшее качество нашей журналистики, придающее ей беспрецедентную убедительность и действенность, — это умение видеть и понимать событие всесторонне, в том числе как бы изнутри, органически слить свой голос с голосом народа и века»³⁵. Возможно, это достигалось тем, что журналисты не просто смотрели, а сами участвовали в войне, подвергались всем опасностям войны. В своих воспоминаниях генерал армии Батов написал: запомнились «неустрасимые фотокорреспонденты. Им приходилось буквально лезть в самый

³² Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 52.

³³ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 353.

³⁴ Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. С.223.

³⁵ Журналисты на войне. С. 28.

огонь. Пренебрегая опасностью, ходили они в атаки с автоматом и фотоаппаратом. Так работали в нашей армии Семен Альперин, погибший уже после войны, Наташа Боде, Галина Санько, Евгений Подшивалов...»³⁶. Запись в дневнике Ольги Берггольц: «Без четверти девять, скоро прилетят немцы. О, как ужасно, боже мой, как ужасно. Я не могу даже на четвертый день бомбардировок отделаться от сосущего, физического чувства страха. Сердце как резиновое, его тянет книзу, ноги дрожат, и руки леденеют. Очень страшно, и вдобавок какое это унизительное ощущение — этот физический *страх*»³⁷. Евгений Воробьев, корреспондент «Красной звезды», вспоминал: «Фронт отучил меня от штатской беспомощности, я учился скрывать страх, каких бы переживаний, волнений и страданий это мне не стоило. Чтобы не задрожали руки, не пересохло в горле так, что и сплюнуть не можешь. Людей, которым все нипочем, в природе не бывает»³⁸.

Симонов в разговоре с Д. Ортенбергом вспоминал, что фотокорреспондент Яков Халип на Курской дуге «днем рисковал намного больше меня, стараясь снять побольше (танков), подбитых и сожженных на переднем крае»³⁹. В другом месте К. Симонов пишет, что ему «самой страшной казалась одинокая смерть пехотинца на поле боя»⁴⁰. Д. Ортенберг также пересказал еще один рассказ К. Симонова про Я. Халипа, с которым часто ездил вместе в командировки на фронт: «Румыны снова начали бить из минометов <...> Минометчики сидели в окопах, а снимать их приходилось сверху, стоя в чистом поле. Однако делать было нечего, и Яша, ворча, стал снимать их, переходя с места на место. — Я не могу (снимать), у меня руки дрожат, — сказал Халип. Но и после этого признания продолжал отвратительно долго и тщательно, с разных позиций <...> снимать минометчиков, несмотря на свои дрожащие руки». Глядя на эту сцену, командир, который был с журналистами, сказал: «вот ведь как боится, а все-таки снимает. Так и все мы. В этом все дело на войне. А больше ничего особенного на войне и нет»⁴¹.

Эмоциональное состояние журналистов в годы войны понять сложно, лишь немногие из них касаются этого вопроса в своих воспоминаниях. К. Симонов писал: «Казарменное положение стало тогда не только необходимостью, но и привычкой жить и спать,

³⁶ Журналисты на войне. С. 22.

³⁷ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. М., 2019. С. 36.

³⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 123.

³⁹ Там же. С. 305.

⁴⁰ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 322.

⁴¹ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 300.

пить и есть там же, где ты работал. И все старались держаться потеснее друг к другу; одиночество было противопоказано всем <...>, создавалось ощущение какой-то скоротечности жизни, некоторой рискованности и нежелания ничего откладывать до завтрашнего дня»⁴². Б. Бурков, редактор «Комсомольской правды», вспоминал: «Все мы ночевали в редакции. Ватные телогрейки и меховые жилеты спасали в эти дни многих. Часто в этом приходилось и спать — отопления не было»⁴³. Отчасти этот военный быт сложился потому, что журналистам было сложно добираться каждый день до работы из дома — общественный транспорт ходил плохо во всех городах, где были бомбежки. Отчасти потому, что переживать войну было легче всем вместе.

Какие выводы можно сделать из этих суждений? Перед военным корреспондентом стоит одновременно несколько задач. Он находится на переднем крае *рядом* с солдатами, но участвует в боях только в крайнем случае. Должен ли журналист брать в руки оружие, если опасность угрожает лично ему или тем, кто рядом с ним? Для участников Великой Отечественной войны ответ был ясен: должен, обязан по своему статусу офицера Красной армии и журналиста.

В чем для военного журналиста состоит его миссия, если не только в фиксации множества событий, которым он свидетель?

«Я буду сидеть и писать очерк, надо, чтобы *был близок к настоящему*», — записала О. Берггольц в своем дневнике⁴⁴. И для нее задача не в том, чтобы еще раз напомнить жителям Ленинграда то, что они видят вокруг себя и переживают сами каждый день. А в том, чтобы помочь людям найти ресурсы, силы продолжать бороться, воззвать к их человечности, патриотизму.

И. Эренбург, имея опыт освещения нескольких войн, попытался сформулировать *неинформационные* задачи журналиста на войне. В своем выступлении на совещании Союза писателей в 1943 г. по поводу публикаций о войне он сказал: «Война без ненависти безнравственна, как сожительство без любви. Война — преступление, накал ненависти и самозабвенной любви. Как прежде, долг писателя — раздуть огонь негодования, тревоги, жертвенности <...> Писатель наедине со своей совестью. Он воюет, как одинокий партизан. Он может погибнуть. Он не может пересидеть войну. Он не может откупиться рассказом, “откликом”, строками на “случай”»⁴⁵. То есть

⁴² Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 353.

⁴³ Бурков Б.С. Указ. соч. С. 55.

⁴⁴ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. С. 42.

⁴⁵ Эренбург И.Г. Писатель на войне // Литература и искусство. 1943. №14. С.2.

И. Эренбург хотел сказать, что, рассказывая о войне, журналист пытается понять мотивацию людей, понять то, что толкает и на великие подвиги, и на низость. Это редкая ситуация экстремальных условий и высоких проявлений человеческого духа. И духовный порыв народа должен разделить журналист.

Вот как об этом написал Б. Горбатов в статье «Фронтовому журналисту»: «Чего ждет от нас, журналистов, народ? Правды. Только правды. Нас, военных корреспондентов, судьба поставила свидетелями и участниками великой битвы. Мы многое видим. Мы многое знаем... И у нас сердце при виде немецких зверств обливается кровью, и благородная ненависть неугасимо горит в душе. <...> Я много видел людского горя. И когда я сижу и пишу об этом, я сам чувствую: жалки мои слова... мой язык беден и талант мал, и мое искусство немошно. <...> Пусть душа журналиста, переполненная ненавистью к врагу, подскажет нам огненные слова, слова-бичи, слова-снаряды. Чтоб били они по врагу, чтоб сжигали, испепеляли врага, чтоб как набат гремели они. Нельзя, невозможно успокаиваться»⁴⁶.

В воспоминаниях К. Симонова о событиях конца 1941 г., когда Красная армия начала отбивать свои города и села, есть такие факты: «В плен наши бойцы брали неохотно, <...> войска шли через сожженные деревни с виселицами. Те немцы, которых все же брали в плен, имели жалкий вид и лично во мне не вызывали чувства ненависти, но они воспринимались в сочетании <...> с этими пепелищами, которые они оставили. И все это, вместе взятое, вызывало жгучую ненависть у всех нас»⁴⁷.

Про стихотворение К. Симонова «Убей его!» Д. Ортенберг написал так: «...танкист говорит: “Я бы присвоил этому стихотворению звание Героя Советского Союза, оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер”...»⁴⁸. Трудно представить, какие преступления оккупантов видел журналист, чтобы написать такое стихотворение.

Б. Горбатов в статье «Фронтовому журналисту» написал: «Мы много, хотя и недостаточно, пишем о немецких зверствах... Только немцы умеют мирные слова наполнить ужасом, только немцы умеют все превратить в застенок... Давайте... рассказывать ярче, талантливее и беспощаднее правду о немцах, о зверях, которых во имя гуманности надо уничтожить»⁴⁹.

⁴⁶ Горбатов Б.Л. Фронтовому журналисту // Литература и искусство. 1943. № 19. С. 1.

⁴⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 530.

⁴⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 74.

⁴⁹ Горбатов Б.Л. Указ. соч. С. 1.

О. Берггольц скупно писала о страданиях, которые она видела и сама пережила. Но вот убийственная картина из ее дневника: «А дети — дети в булочных... Это такое осуждение людям, их культуре, их жизни, такой приговор нам всем — безжалостнее которого не может быть. Все — ложь, — есть только эта девочка с застывшей в условной позе мольбы истощенной лапкой»⁵⁰. О. Берггольц сформулировала тот вывод, к которому, наверное, приходят все военкоры: «приговор» человечеству, которое спокойно относится к чужим войнам, и людям, которые превращаются в зверей, и единственный способ остановить их — убить! Симонов в первые месяцы отступления в 1941 г. написал: «увидели двух женщин, державших на руках ребятешек. Детишки махали руками вслед машинам... Конечно, детей научили махать руками при виде едущих на машинах военных, а все-таки было в этом что-то такое, отчего хотелось зареветь»⁵¹.

О времени отступления писал в воспоминаниях Н. Грибачев: «Чем измерить муку журналиста, когда ему приходится писать в пору поражений и отступлений? ... ведь журналисты тоже люди, а не всевидящие пророки, ведь и по их сердцам отпечатывалась пыльная, в воронках и подпалинах, с трупами по обочинам дорога от Буга до Волги, ведь и в их глаза глядели застланные слезами глаза вдов и детей, которых завтра ожидали неволя и унижение, угоны на чужбину и расстрелы»⁵².

К. Симонов в воспоминаниях приводит ситуацию, которая вызвала конфликт с Яковом Халипом. Халип стал снимать беженцев, а Симонов вырвал у него фотоаппарат и затолкал его в машину. «И орал на меня, что разве можно снимать такое горе?», — сказал Халип. Симонов пишет, что они оба были по-своему правы. «Фотокорреспондент мог запечатлеть это горе, только сняв его, и он был прав. А я не мог видеть, как стоит на обочине дороги вылезший из военной машины военный человек и снимает этот страшный исход беженцев, снимает старика, волокущего на себе телегу с детьми. Мне показалось стыдным, безнравственным, невозможным снимать все это. <...> И я тоже был по-своему прав»⁵³.

Симонов вспоминал Минское шоссе, по которому в начале войны бесконечно шли беженцы. И они, и жители деревень спрашивали, уезжать ли им, не пустят ли немцев. И Симонов пишет: было «легче умереть, чем ответить на этот вопрос». Он не мог вспоминать об этом раньше — «было слишком тяжело», но после, когда «армия

⁵⁰ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. С. 101–102.

⁵¹ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 89.

⁵² Журналисты на войне. С. 26.

⁵³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 252.

научилась побеждать», написал об этом⁵⁴. Ортенберг написал о Симонове: «должно быть мужество... смело изображать правду жизни, а на войне — правду смерти»⁵⁵. Война изобилует смертельными ситуациями, нужно ли писать о смерти? Не деморализует ли это армию и всю страну? И как журналисты выдерживают постоянный стресс от картины смерти и мучений людей?

Симонов писал, что когда прошло много лет, «как часто мы злимся на фотокорреспондентов и фронтовых кинооператоров за то, что они почти не снимали... в тот год (1941) страшный быт войны, картины отступлений, убитых бомбами женщин и детей, лежавших на дорогах, эвакуацию, беженцев <...>, нужно очень осторожно оценивать свои тогдашние мысли и поступки, не упрощая того сложного переплета чувств, который был у нас в душе»⁵⁶.

Ольгу Берггольц, которая весь период блокады пробыла в Ленинграде и работала в Радиокомитете, можно смело считать военным журналистом. Она записала в дневнике вот что: «Нет, *мы никого не обманывали*, мы просто говорили *самую важную правду, самое для всех главное*: что держимся и будем держаться. Разговаривая между собой в городе, мы разрешали себе больше»⁵⁷. Берггольц затронула очень важный вопрос: что писать о войне? Какую правду? Не всю правду, а такую правду, которая не будет неправдой, но и не сломит народ, который воюет. Но все же именно в период войны возникает вопрос о балансе правды и умолчания. Были и прямые запреты военной цензуры, хотя о них очень мало упоминается в воспоминаниях.

Ортенберг вспоминал, как нелегко было Симонову написать о тех горестных словах героя очерка: «Смотрите, куда докатил он нас, — далеко он нас докатил». Нелегко было и мне, редактору, их напечатать. Но в кризисные дни войны надо было открыто дать почувствовать нашим людям ту смертельную опасность, которая вновь нависла над нашей Родиной»⁵⁸. Не писать было нельзя, но эта тема не должна была деморализовать армию и население. Симонов объясняет, что в корреспонденциях с фронта не было попыток изобразить общий ход событий, а рассказы о боях не были связаны с конкретными географическими пунктами. Наоборот, при публикации в целях сохранения военной тайны изымалось всё, что хоть ненароком могло бы дать представление о том, где что происходило⁵⁹.

⁵⁴ Там же. С. 571–572.

⁵⁵ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 72.

⁵⁶ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 252–253.

⁵⁷ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. С. 135.

⁵⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 73.

⁵⁹ Там же. С. 171.

Ортенберг неоднократно в своих воспоминаниях, подробно описывая работу военкоров «Красной звезды», подчеркивал: они писали о том, что видели, пережили сами. Это серьезный аргумент в споре о том, была ли «правдива» военная публицистика.

Л. Кудреватых, военный корреспондент «Известий», вспоминал, что «с первого и до последнего дня войны я придерживался неизменного правила: писать только о том, что видел своими глазами или слышал от участников боев. Мы, газетчики, не дублировали штабные сводки и документы, а стремились видеть события своими глазами, быть их участниками, в меру сил и умения передавать дыхание войны»⁶⁰.

Требование редакции «Красной звезды» — видеть как можно больше своими глазами — было требованием верным и с точки зрения журналистской нравственности, и самого качества материала, писал в воспоминаниях Ортенберг. Он подчеркивал, что публикации «дышали порохом»⁶¹. Особенно хочется отметить, что Ортенберг говорит о нравственном долге и честности журналиста, хотя, казалось бы, генерал и профессиональный пропагандист мог выделить совсем другие важные задачи журналистов.

Ортенберг писал: «Одной из сильнейших сторон нашей военной журналистики была психологическая правда о человеке и сражении... Как правило, фронтовые журналисты обладали высокой добросовестностью... Чтобы правдиво рассказать о чувствах солдата, о его психологическом состоянии, Никита Шумило взял в руки винтовку со штыком и в передовой пехотной цепи пошел в атаку»⁶².

Вот что Ортенберг вспоминал о Симонове: «Мы знали, что он всегда проберется в гущу боя, не остановится перед любыми трудностями и опасностями и свое дело сделает»⁶³. Он перечислил, что Симонов испытал только в одной из поездок: «и прицельный огонь по тебе, и ощущение человека, идущего в атаку, и ощущение человека, которого поднимают, когда он залег, и ощущения человека, который уже сам после этого поднимает других. Все это потом помогло и беседовать с людьми, и давать более достоверно в очерках какие-то черточки психологии солдат и офицеров, оказавшихся в сложных боевых обстоятельствах. Крайне важная сторона работы спецкора — знать хотя бы в какой-то мере по собственному опыту

⁶⁰ Журналисты на войне. С. 48.

⁶¹ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 77.

⁶² Журналисты на войне. С. 27.

⁶³ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 57.

то, о чем расспрашиваешь других»⁶⁴. Симонов «ходил в атаку с ротой бойцов, подымал под огнем необстрелянных красноармейцев». Он «искал возможности совершить подвиг», считал, что «газета должна дышать боем»⁶⁵.

Есть и такое свидетельство ветерана войны, профессора Б.И. Есина: стихотворение Симонова «обращает на себя внимание правдивым отображением военных событий», «стихи, честно отражавшие будни войны, трагизм реалий войны»⁶⁶. Есть несколько свидетельств Симонова о том, как работали фотокорреспонденты, мужеством которых он восхищался. Например, в начале июля 1941 г. сообщений о подбитых танках немцев было много, а фотографий не было. Поехали снимать: «их было семь, и они стояли очень близко один от другого. Сначала все низко пригибались, и когда подошли к танкам, то Трошкин их тоже сначала снимал, сидя на корточках. Но потом он <...>, заставив красноармейцев залезть на танк, снимал их на танке, рядом с танком, с флагом и без флага, вообще окончательно обнаглел. Немцы не стреляли...У меня было мстительное чувство. Я был рад видеть наконец эти разбитые, развороченные немецкие машины <...>. Часть содержимого машин была разбросана кругом по полю. В числе прочего барахла во ржи валялась целая штука коричневого сукна. А рядом с нею дамские туфли-лакирашки и белье. Трошкин снял и это, я потом описал. Кажется, это был один из первых документов о мародерстве немцев»⁶⁷. Фотокорреспондент Павел Трошкин погиб на войне.

Ортенберг писал, что в очерках или в комплектах газет «можно найти золотые россыпи фронтового фольклора, крылатые слова, которые обрели долговечную жизнь пословиц, солдатскую мудрость в ее образном выражении. Весь этот солдатский “словарь” нельзя ни придумать, ни где-нибудь вычитать, его можно было только подслушать в окопах и блиндажах, на огневых позициях»⁶⁸. Это еще одно доказательство, что военкоры писали о том, что им рассказали в окопах, а не в штабах. Интересный пример привел К. Симонов в воспоминаниях: «Вскоре после того, как в “Красной звезде” появился мой очерк “Все на защиту Одессы”, в котором я рассказывал, как одесситы своими руками ремонтируют танки, а “Известия” напечатали кор-

⁶⁴ Там же. С. 60.

⁶⁵ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 59–60.

⁶⁶ Есин Б.И. К столетию Константина Симонова, поэта и военкора // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 120.

⁶⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 127.

⁶⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 140.

респонденцию о том, что в Одессе производят минометы и гранаты, немцы усиленно бомбили различные городские предприятия. <...> Я не нес моральной ответственности за эту статью хотя бы потому, что на завод, где ремонтировали танки, меня направил член Военного совета именно для того, чтобы я написал об этом корреспонденцию». Вскоре Симонов узнал, что «в политотделе армии были сердиты и на меня, и на корреспондента “Известий” Виленского <...> Было тяжело на душе оттого, что пусть несправедливо, но все-таки впервые за войну какие-то люди, оказывается, проклинают твою работу»⁶⁹. В данном случае, конечно, это была ошибка сотрудников политотдела армии, которые дали такое задание. Однако Симонов тяжело переживал этот случай.

Симонов думал о «правде» военной журналистики и после войны. В воспоминаниях он спорит с публикацией Е. Вучетича, упрекавшего руководство страны и армии в отступлениях, в большом количестве погибших, в том, что об этом не писали газеты. Симонов пишет: «Конечно, правда, что в начальный период войны были случаи нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники, на что сейчас усиленно напирают некоторые недалекие литераторы в своих произведениях. Это правда, но только *правда событий, факта, а не правда жизни* и борьбы народа в один из самых критических периодов в его многовековой истории»⁷⁰. Симонов называет это противопоставлением «правды видимости правды», а «правду факта правде явления». Истинная правда, по мнению Симонова, в том, что, если брать войну в целом, состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, но и в том, что мы дошли затем до Берлина.

Подводя итоги этому исследованию доступных нам воспоминаний советских военкоров, нужно отметить, что на сложный вопрос о том, какую миссию выполняет военный журналист и какими качествами он должен обладать, есть разные варианты ответов. Это ответы военных журналистов советской эпохи, которые писали свои воспоминания уже после окончания Великой Отечественной войны, попытавшись осмыслить все события, которым они были свидетелями. Собранные материалы позволяют не только представить многогранный и сложный образ военного журналиста, но и начать разговор о миссии журналиста, о его понимании долга и патриотизма, о том, что из себя представляет «правда о войне» для очевидцев и участников этой войны.

⁶⁹ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 11.

⁷⁰ Там же. С. 449.

References

Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic Shift in Conflict Terminology in Contemporary Russian Socio-Cultural Media Discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. N 2. P. 73–89.

Burkov B.S. “Komsomolka” v shineli [“Komsomolka” in a Greatcoat]. Moscow: Pravda, 1975. 240 p.

Dement'ev A.G., Polyak L.M., Timofeyev L.I. *Istoriya russkoy sovetskoy literatury* [History of Russian Soviet Literature]. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1967. 861 p.

Guzhva D.G., Rakhimova I.O. “S chest'yu vyderzhali ispytaniya...” *Rabota sovetskikh voennykh korrespondentov v pervye mesyatsy Velikoy Otechestvennoy voyny* [“With Honour, Endured the Trials...” The Work of Soviet War Correspondents in the First Months of the Great Patriotic War] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 2019. N 8. P. 42–46.

Ivanov A.A. *N.E. Markov v gody Vtoroy mirovoy voyny: neizvestnye stranitsy biografii* [N.E. Markov during the Second World War: Unknown Pages of Biography] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2024. Vol. 65. N 2. P. 32–50.

Jamil S., Panagiotou N., Fragkonikolopolous Ch., Gladkova A. Media Sustainability in the Pandemic Conflicting World: Reflections from Diverse Perspectives // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. N 2. P. 5–12.

Khruleva I.Yu. *Sovetskaya voennaya missiya v SShA (iyul' 1941 — fevral' 1942 g.): pervye dogovory po lend-leaseu* [The Soviet Military Mission in the USA (July 1941 — February 1942): Early Lend-Lease Agreements] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 6. P. 112–124.

Kolobova S.V. *Osobennosti samoregulatsii voennykh korrespondentov* [Features of Self-Regulation of War Correspondents] // *Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosevsheniya*. Series “*Psikhologicheskie nauki*”. 2024. N 1. P. 18–33.

Kolobova S.V., Malygina L.E. *Transformatsiya zhanra usnogo rasskaza voennogo korrespondenta v sovremennom mediadiskurse* [Transformation of the Genre of Oral Storytelling by War Correspondents in Contemporary Media Discourse] // *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2024. N 2 (37). P. 50–59.

Mashchenko A.P. *Krym v zhizni i tvorchestve K. Simonova* [Crimea in the Life and Works of K. Simonov] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.V. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki*. 2023. Vol. 9 (75). N 3. P. 88–103.

Matsk'yavichus E.G. *Dramatizatsiya kak kontent-strategiya voennogo korrespondenta pri osveshchenii temy SVO (na primere programmy “Vesti” telekanala “Rossiya 1”)* [Dramatization as a Content Strategy of War Correspondents in Covering the Special Military Operation (A Case of the “Vesti” Program on Russia 1 Channel)] // *Medial'manakh*. 2023. N 6. P. 77–83.

Minaeva O.D. *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki 1917–1945: uchebnoe posobiye* [History of Domestic Journalism 1917–1945: A Textbook]. Moscow: Aspekt Press, 2018. 256 p.

Popravko E.A. *Tylovoye obespecheniye krymskoy operatsii 1944 g. v dokumentakh 4-go Ukrainskogo fronta, ot del'noy primorskoy armii i memuarakh uchastnikov* [Rear Support of the Crimean Operation of 1944 in Documents of the 4th Ukrainian Front, Separate Coastal Army, and Memoirs of Participants] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2024. Vol. 65. N 3. P. 94–109.

Setov R.A. *Prichiny Vtoroy mirovoy voyny: opyt postanovki teoreticheskikh problem* [The Causes of World War II: The Experience of Theoretical Problem Setting] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 5. P. 73–96.

Vartanova E.L., Dunas D.V. Media Conflictology as a Field of Research: Working out Theoretical Approaches // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2023. Vol. 28. N 4. P. 724–733.

Vartanova E.L., Gladkova A.A. From Digital Divides to Epistemic Divides: The Rise of New Inequalities in the Conflict Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. N 4. P. 5–22.

Vartanova E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. Media Representations of Social Conflicts: Identifying Theoretical Foundations for Typology // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2023. N 2. P. 26–45.

Vartanova E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. On Representation of Conflict in Modern Academic Discourse // *Online Media and Global Communication*. 2023. Vol. 1. N 4. P. 794–814.

Yesin B.I. *K stoletiyu Konstantina Simonova, poeta i voenkora* [On the Centenary of Konstantin Simonov, Poet and War Correspondent] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 10. *Zhurnalistika*. 2015. N 4. P. 117–121.

Zhurnalisty na voyne [Journalists at War] / Comp. by N.G. Kuz'min. Moscow: Voenizdat, 1966. 424 p.

Поступила в редакцию
12 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-84-100

В.А. Ахмадуллин, Д.В. Тропникова

**НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ
И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАХ**

V.A. Akhmadullin, D.V. Tropnikova

**NEW PUBLICATIONS IN POST-SOVIET STATES ON THE
WORLD WAR II AND THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. Предметом исследования являются тексты учебников и учебных пособий, посвященные событиям Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Для изучения были взяты книги, изданные в восьми постсоветских государствах: Российской Федерации, Республике Беларусь, Украине, Азербайджанской Республике, Республике Узбекистан, Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан. Авторы ставили цель проанализировать, насколько в тех или иных постсоветских государствах бережно сохраняют историческую истину о двух главных войнах человечества или же фальсифицируют их причины, события и итоги. Проведение подобных исследований соответствует положениям, закрепленным в комплексе документов, принятых за последнее время в РФ. В первую очередь это внесенные поправки в Конституцию Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации от 2 июля

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Akhmadullin Vyacheslav Abdulovich, Doctor in History, Associate Professor, Professor, Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation

vaakhmadullin@fa.ru

ORCID: 0000-0003-4441-2384

Тропникова Диана Владимировна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры «Физическая культура» Белорусского национального технического университета, Минск, Республика Беларусь

Tropnikova Diana Vladimirovna, PhD Candidate in Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Physical Education, Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

diana.tropnikova2286@gmail.com

ORCID: 0009-0009-2848-2498

2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». В этих документах сформулированы выводы о тщательном и непредвзятом изучении истории российской государственности на всех этапах ее развития. При этом, безусловно, одной из самых значимых вех является Великая Отечественная война, которая стала в некоторых странах, ранее входивших в СССР, рассматриваться с позиций, способствующих «отрыву» не только молодых людей — школьников и студентов, но и представителей старших поколений от героического прошлого своих стран. Такой государственный подход сопряжен с формированием общественного мнения, направленного на искажение образа истинных героев и создание мифов о том, что многие противники советской власти и были выразителями национальных интересов подавляющего большинства населения некоторых национальных республик, входивших в состав СССР. Как показывает опыт Украины, такая линия по фактическому формированию государственной националистической идеологии ведет не просто к расколу общества, а к гражданской войне.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, фальсификация истории, учебники истории, постсоветские государства, общее историческое прошлое.

Abstract. The focal point of this study is the analysis of textbooks and educational materials dedicated to the events of World War II and the Great Patriotic War. The research draws on books published in eight post-Soviet states: the Russian Federation, the Republic of Belarus, Ukraine, the Republic of Azerbaijan, the Republic of Uzbekistan, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, and the Republic of Tajikistan. The authors aim to assess the extent to which the historical truth regarding these two major wars of the twentieth century is preserved in these countries, or whether the causes, events, and outcomes of these wars are misrepresented. This study aligns with recent legislative measures in the Russian Federation, including amendments to the Constitution of the Russian Federation, the Presidential Decree No. 400 “On the Strategy of National Security of the Russian Federation” (2 July 2021), and the Presidential Decree No. 611 “On Approving the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad” (5 September 2022). These documents emphasize the careful and impartial study of the history of Russian statehood at all stages of its development. A key milestone in this context is the Great Patriotic War, which, in some countries that were once part of the USSR, has been reassessed from perspectives that foster the “detachment” of both younger generations — schoolchildren and students — and older generations from the heroic past of their countries. This state-driven approach is intertwined with the shaping of public opinion aimed at distorting the image of true heroes and creating myths about how many opponents of Soviet power were supposedly representatives of the national interests of the majority of the populations in certain national republics of the USSR. As evidenced by the case of Ukraine, this trajectory — specifically, the establishment of a state-sanctioned nationalist ideology — leads not only to societal division but also to civil unrest.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, historical falsification, history textbooks, post-Soviet states, common historical background.

* * *

В год Великой Победы особенно важно показать, под каким углом рассматриваются причины, ход и последствия Великой Отечественной войны в государствах постсоветского пространства. Профессорско-преподавательскому составу российских вузов необходимо знать, с каким пониманием советского прошлого приезжают учиться в вузы России молодые люди из различных государств, особенно из тех, которые еще недавно входили в состав СССР. В то же время молодые российские граждане, ставшие студентами, активно взаимодействуя с иностранными студентами, нередко получают от них недостоверную информацию о Великой Отечественной войне, что негативно сказывается на воспитательной работе и образовательном процессе в отечественных вузах.

Именно поэтому необходим объективный анализ публикаций, посвященных главным событиям XX в. — Второй мировой войне и ее сердцевине — Великой Отечественной войне.

Анализ учебников по истории стран постсоветского пространства показывает, что в отношении Второй мировой войны и Великой Отечественной войны позиции авторов различных государств можно разделить на несколько основных подходов:

- в их начале виновата Германия и страны Запада, потворствовавшие ее агрессивной политике;
- виновниками являются все участники, но в разной степени;
- главными виновниками являются Германия и СССР;
- виновниками являются Германия и ее союзники, а также страны Запада, заинтересованные в уничтожении, прежде всего СССР, руками нацистов.

Наиболее взвешенный, объективный подход к причинам, ходу и последствиям этих войн сегодня показывают многие авторы Российской Федерации и Республики Беларусь.

Российский авторский коллектив подготовил учебное пособие для студентов гуманитарных вузов и широкого круга читателей, интересующихся историей нашего Отечества. В главе 61-й «В годы войны» объективно проанализированы причины, события и последствия Второй мировой войны и Великой Отечественной войны¹. Показаны усилия СССР в 1930-е гг. по созданию системы безопасности

¹ История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков / Под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ, 2022. 1744 с. С. 1495–1530.

на Евразийском континенте. Но, к сожалению, авторы не указали несколько важных фактов и даже допустили подмену понятий. Они не упоминают, что 1 сентября на Польшу напали не только вооруженные силы нацистской Германии, но и армия Словакии. Кроме того, авторы утверждают: «Возникшее в отдельных районах сопротивление польской армии, для которой военные столкновения с русскими явилось неожиданностью, было подавлено». Безусловно, они имели в виду Рабоче-крестьянскую Красную армию, в составе которой, однако, сражались не только русские воины, но и представители большинства советских народов. Не указали авторы и такой важный факт: в первый раз делегация фашистской Германии подписала Акт о безоговорочной капитуляции 7 мая 1945 г. в Реймсе (Франция). Не указано и то, что Президент Российской Федерации В.В. Путин 24.04.2020 г. подписал Федеральный закон № 126-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”», в соответствии с которым день окончания Второй мировой войны перенесен со 2 сентября на 3 сентября, как это первоначально было в СССР².

В целом же авторы смогли ясно показать причины указанных войн, планы и действия многих вовлеченных государств, народный характер Великой Отечественной войны, роль партийно-государственных органов и выдающихся граждан СССР в достижении общей победы народов СССР над интернациональным блоком агрессоров, объединенных нацистской Германией.

Авторы белорусского учебного пособия для 11-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения, показывая и анализируя причины, события и последствия войн, подготовили «§ 16–17. Беларусь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн»³.

Эти параграфы сопровождаются двумя картами, пятью куаркодами и восемью фотографиями. Авторы подробно показали действия оккупантов на территории БССР, уделили большое внимание воинским подвигам — воздушным таранам, героическим боям пограничников, подвигам подпольщиков и пограничников. Отметим, что говоря о трагедии деревни Хотынь, авторы опустили важные

² Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351130/ (дата обращения 24.10.2024).

³ История Беларуси, XIX — начало XXI в. Учебное пособие для 11-го класса учреждений общего среднего образования с рус. яз. обучения / А.В. Касович и др.; под ред. А.В. Касовича, А.П. Соловьянова. Минск: Издательский центр БГУ, 2021. 240 с. С. 124–138.

подробности: под руководством немцев украинские националисты сожгли 149 жителей этой деревни, в том числе 75 детей⁴.

Идеология национализма, его оправдание в учебниках по истории, издаваемых на Украине, находят выражение в первую очередь в стремлении отделить историю Украины от истории России, русского народа, СССР. Учебник Олены Пометун и Нестора Гупана, изданный в 2018 г. на украинском языке, рекомендован Министерством образования/науки Украины для изучения в 10 классах. Сами названия главы и параграфов, показывают, что авторы настраивают школьников на отрыв от героического прошлого Украинской Советской Социалистической Республики: «Раздел VI. Украина в годы Второй мировой войны», «§30–31. Начало Второй мировой войны и изменение границ Украины», «§32. Начало немецко-советской войны», «§33. Оккупационный режим в Украине», «§34. Развертывание сопротивления оккупантам и начало изгнания немецких войск и их союзников с Левобережной Украины», «§35. Украина в 1943–1944 гг.», «§36. Цена войны»⁵. Особенно показательны название всего раздела и параграфа 32. Характеризуя ситуацию перед началом Второй мировой войны, авторы утверждают: «Драматизм ситуации заключался в том, что украинский народ самостоятельно не решал собственную судьбу». Е. Пометун и Н. Гупан либо не понимают, либо преднамеренно уходят от исторических реалий, не показывая какое значительное количество этнических украинцев и выходцев из этой республики традиционно занимали самые значимые должности в партийно-государственном аппарате не только Украинской ССР и других союзных республиках, но также в высших органах власти союзного уровня. Авторы учебника в одинаковой мере обвиняют Германию и СССР в начале Второй мировой войны, но при этом вообще не упоминают о том, что и армия Словакии вторглась 1 сентября 1939 г. в Польшу. Умалчивают они и о роли Германии, Польши, Венгрии, Франции, Италии и Великобритании в разделе Чехословакии в 1938 г., о том, как Франция и Великобритания отказались спасти Польшу от разгрома в 1939 г.

В начале «§ 32. Начало немецко-советской войны» авторы учебника утверждают: «Составной частью Второй мировой войны стала германо-советская война, начавшаяся 22 июня 1941 г. нападением Германии на СССР». Такой заменой устоявшегося термина «Великая Отечественная война» они расставляют акценты, заданные руководством современной Украины по десоветизации и декоммунизации,

⁴ История Беларуси, XIX — начало XXI в. С. 132.

⁵ Пометун О.І., Гупан Н.М. Історія України (рівень стандарту): підручник для 10 кл. закладів загальної середньої освіти. Київ: Освіта, 2018. 258 с. С. 193–247.

что, безусловно, ведет к фальсификации истории, уничтожению героических страниц нашего общего прошлого. Е. Пометун и Н. Гупан, показывая зверства оккупантов в отношении различных категорий граждан СССР, практически замалчивают факты участия украинских националистов в геноциде поляков, цыган, евреев и представителей других национальностей. Текст учебника построен таким образом, чтобы школьники понимали эти преступления как дело рук исключительно оккупантов. Е. Пометун и Н. Гупан утверждают: «Кроме евреев, нацисты расстреливали цыган, военнопленных, коммунистов, украинских националистов и других, кого считали лишними в этом мире»⁶.

Безусловно, часть украинских националистов по разным причинам была уничтожена немцами, но это количество абсолютно ничтожно по соотношению с численностью советских граждан всех национальностей, которых убивали с особой жестокостью украинские националисты, ставшие союзниками Германии. Например, авторы учебника обходят молчанием факты, которые широко известны в России: только во Львове уже в июле 1941 г. украинские националисты почти полностью уничтожили поляков и евреев, при этом жертв заставляли копать себе могильные рвы и укладываться в них ровными рядами для расстрелов.

Е. Пометун и Н. Гупан не называют все страны, которые вторглись вместе с Германией в СССР, в том числе в УССР. Они также не показывают и широкую картину массовых преступлений со стороны гитлеровских союзников. Единственным упоминанием такого преступления со стороны венгров они называют Корюковскую трагедию — уничтожение немецкими и венгерскими захватчиками свыше 6700 мирных жителей села Корюковка (ныне город в Черниговской области Украины). Но даже в этом случае Е. Пометун и Н. Гупан перекладывают часть вины на советских партизан: именно в отместку за их действия немцы и венгры убили этих людей. При этом авторы учебника подчеркивают, что советские партизаны не вступили в бой ради спасения мирных граждан⁷.

Особый акцент в учебнике сделан на героизацию украинских националистов, попытки придать им образ героев, боровшихся против Германии и Советского Союза за независимую Украину. Авторы даже представляют доказательства — С.А. Бандера и примерно 1500 украинских националистов были отправлены немцами в концлагеря к концу 1941 г. Но Е. Пометун и Н. Гупан не информируют читателя, что С.А. Бандера регулярно получал увольнительные записки

⁶ Пометун О.І., Гупан Н.М. Історія України (рівень стандарту). С. 202–215.

⁷ Там же. С. 220.

для выхода из лагеря, встречался с женой. Авторы учебника заявляют: «В конце 1941 г. руководство ОУН(Б) провозгласило курс на борьбу с гитлеровцами. Вскоре на нелегальное положение перешли и мельниковцы ... Активизировалось в 1943–1944 гг. украинское национальное освободительное движение. Руководство ОУН(Б) негативно отнеслось к идее совместной борьбы с немцами против большевизма, расценивая такую позицию как “капитуляция перед немцами”. В феврале 1943 г. они приняли решение о переходе к вооруженной борьбе против немцев и их союзников, формировании Армии краевой, советских партизан, а впоследствии и подразделений Красной армии». Но уже через несколько страниц Е. Пометун и Н. Гупан признают: «В начале июня 1944 г. во Львове состоялись переговоры на высшем уровне между представительством УПА и Вермахта по возможному сотрудничеству в военных сферах. Стороны пришли к компромиссу: немцы согласились передать УПА оружие и боеприпасы, которые они, отступая, уже не могли эвакуировать, а УПА обязывалась предоставлять гитлеровцам разведывательные данные о советских войсках. В сентябре 1944 г. гитлеровцы уволили из концентрационных лагерей С. Бандеру, Я. Стецько и других лидеров украинского национального движения». Тем самым авторы учебника признают, что эти люди «перековались», стали не только неопасны для Германии, а в очередной раз весьма полезны, так как должны были выполнить важную миссию — возглавить националистов в борьбе против СССР⁸. Как показывают документы, именно так и разворачивались события.

Заслуживает внимания и вывод авторов учебника: «Украина, как и весь цивилизованный мир, отмечает 8–9 мая День памяти и примирения и День победы над нацизмом во Второй мировой войне». Такими формулировками они «отступают» от славы наследников Великой Победы в пользу примирения с нацизмом.

Пожоую позицию занимают и авторы еще двух учебников⁹.

Таким образом, в современных учебниках Украины наблюдается антинаучная позиция, которая заключается в сокрытии преступлений украинских националистов, в их героизации, несмотря на массовые участия в актах геноцида, попытках провести идею примирения убийц с их жертвами, воспитании школьников в ненависти к советскому прошлому за счет принижения заслуг советских руководи-

⁸ Пометун О.І., Гупан Н.М. Історія України (рівень стандарту). С. 221–233.

⁹ Власов В.С., Кульчицький С.В. Історія України (рівень стандарту): підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Київ: Літера ЛТД, 2018. 256 с.; Хлібовська Г., Крижановська М., Наумчук О. Історія України. Рівень стандарту: підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Тернопіль: Астон, 2023. 292 с.

лей, но при одновременном выпячивании их преступлений против советского народа. Например — выселения народов, обвиненных в предательстве, что было впоследствии осуждено как в СССР, так и в РФ.

К сожалению, позиция, когда авторы параграфов в учебниках по истории уходят от основополагающих принципов: научности, объективности и историзма, становится во многих странах постсоветского пространства привычной практикой.

Изучение трех учебников, изданных в Азербайджане на русском языке, доказывает, что такая практика все более утверждается в государствах, которые еще недавно составляли единое целое — СССР. Эти книги наполнены как незначительными ошибками, так и общими утверждениями, которые не имеют под собой оснований. Например, авторы учебника, предназначенного для Бакинского государственного университета и других высших учебных заведений Азербайджана, утверждают: «В 1941–1945 годах, в ряды Советской армии было призвано из Азербайджана до 700 тыс. человек»¹⁰. Но в годы Великой Отечественной войны в СССР была Рабоче-крестьянская Красная армия, или Красная армия (РККА, КА), а в Советскую армию она была переименована только после войны. Нет сомнения в истинности утверждения: «Одной из главных причин победы СССР над фашистской Германией была Бакинская нефть»¹¹. Но абсолютно не выдерживает критики вывод: «В годы войны Баку превратился в основной военный арсенал СССР»¹².

Неужели авторский коллектив, включающий 19 человек, не понимал, что кроме Баку были и другие города, внесшие неменьший вклад в создание оружия Победы: Москва, Свердловск, Челябинск, Самара, Новосибирск и т.д.?

Анализируя события, завершающие Сталинградскую битву, авторы утверждают: «24 генерала, 330 тыс. солдат и офицеров во главе с генералом Паулюсом, которому Гитлер более всех доверял, попали в плен»¹³. В этом утверждении две неточности. Во-первых, 330 тыс. военнослужащих было окружено, а до плена смогли дожить только 90 тыс. Во-вторых, Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс за трое суток до пленения был повышен с генерал-оберста до генерал-фельдмаршала. Генерал в вермахте был на ступень младше генерал-оберста. С учетом того, что генералы вермахта в плен попадали нередко, а

¹⁰ История Азербайджана (с древнейших времен до первых десятилетий XXI века). Учебник для вузов. Баку: Издательство БГУ, 2016. 452 с. С. 349.

¹¹ Там же. С. 350.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 352.

генерал-фельдмаршалы Германии в плену никогда до этого не были, можно делать вывод либо о преднамеренном умалении этой заслуги Красной армии, либо об элементарном непонимании авторами воинской иерархии.

Далее авторы утверждают: «Учитывая активное участие мусульманского духовенства в деле военной мобилизации и его вклад в победу, указом Верховного Совета СССР от 14 апреля 1944 года было создано Духовное управление мусульман Кавказа»¹⁴. Безусловно, имамы Закавказья сделали много для достижения Победы, но в мае 1944 г. в Баку было создано Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК), а не Кавказа. В июне 1944 г., решением руководства СССР, в Буйнакске (город примерно в 50 км от Махачкалы) было организовано Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК)¹⁵.

Таким образом, для двух частей Кавказа — Южного и Северного — с разницей примерно в месяц было создано два духовных управления. Правопреемником первого является Управление мусульман Кавказа, которое получило свое современное название в 1992 г. и по-прежнему находится в Баку. Второе управление в середине 1970-х переехало в Махачкалу.

Авторы абсолютно справедливо называют имена героев, отдавших свои жизни за свободу и независимость народов СССР. Но при этом они прославляют бывшего майора Красной армии А. Фаталибейли, во время боев в Прибалтике попавшего в плен к немцам в 1941 г. и написавшем письмо Гитлеру о необходимости создания национальных частей из граждан СССР для помощи Германии. Более того, авторы продолжают свои выводы: «В 1945 году, после поражения Германии в войне, национальный легион был распущен. А. Фаталибейли, с целью продолжения борьбы против большевизма, возглавил азербайджанскую редакцию радио “Свобода”, созданную США. Горячо любивший свою Родину и сделавший все для ее освобождения, А. Фаталибейли был предательски убит в 1954 году советским разведчиком»¹⁶. То есть, с позиции авторов, офицер, изменивший присяге и воевавший против советских воинов-героев, азербайджанцев по национальности, о которых с такой гордостью говорят сами авторы учебника, был, по их мнению, «предательски убит».

¹⁴ История Азербайджана (с древнейших времен до первых десятилетий XXI века). С. 351.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 66–66об; Д. 12. Л. 157; Д. 20. Л. 76; Д. 38. Л. 98; Д. 222. Л. 57, 58–65, 66–69; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261. Л. 27, 28–33, 47, 48–50; Д. 313. Л. 2; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 92–94.

¹⁶ История Азербайджана... Учебник. С. 355–356.

Тем не менее, авторы азербайджанского учебника не отказываются от устоявшегося в России и Белоруссии термина «Великая Отечественная война».

Часть из указанных недостатков встречается и в учебнике доктора исторических наук, профессора Исмаила Мамедова. К сожалению, он вообще не использует термин «Великая Отечественная война», а весь относящийся к ней материал включен в текст «Глава 23. Азербайджан в годы Второй Мировой войны»¹⁷.

Не отвечает критериям научности и электронный учебник на русском языке для азербайджанских учащихся 11 класса. События Великой Отечественной войны авторы включили в текст «Глава 21. Азербайджанская ССР в годы Второй мировой войны»¹⁸. На протяжении очень небольшой по объему главы авторы ни разу не используют термин «Великая Отечественная война». Описывая события войны, авторы называют, совершенно справедливо, имена многих азербайджанцев, совершивших воинские подвиги. Но при этом они пытаются доказать, что до гвардии сержанта Герая Асадова никто из советских воинов не накрывал собственным телом пулемет противника. Тем самым они дезинформируют школьников Азербайджана, не давая им информации о том, что почти 450 человек в годы Великой Отечественной войны совершили такой подвиг, причем многие до Г. Асадова, погибшего 19 октября 1944 г. и ставшего Героем Советского Союза посмертно. Авторы голословно, без опоры на документы, обвиняют руководство СССР в националистических проявлениях по отношению к азербайджанцам, что выразилось в многочисленных случаях отказа награждать азербайджанцев, недооценке их вклада в Победу и т.п.

Для России большое значение имеет воспитание и образование, которое получают граждане Республики Узбекистан, по нескольким причинам. Во-первых, в силу общего исторического прошлого — территория современного Узбекистана вошла в состав Российской империи еще в XIX в., затем, по 1924 г. включительно, часть земель Узбекистана входила в РСФСР в составе Туркестанской АССР, после чего Узбекистан получил статус союзной республики — Узбекской ССР. Именно в таком качестве эта республика, вместе с еще 15 другими союзными республиками (16-й была Карело-Финская Советская Социалистическая Республика, созданная 31 марта 1940 г. и реор-

¹⁷ Мамедов И. История Азербайджана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для вузов. Изд. 2-е, доп. Баку: Ляман Нашрият полиграфия, 2020. 684 с. С. 554–566.

¹⁸ Агаларов П., Гулиев Н., Хатамов Р. и др. История Азербайджана. Учебник для 11-х классов общеобразовательных школ с русским языком обучения. Баку: Sərq-Qərb, 2018. 212 с. С. 127–131.

ганизованная 16 июля 1956 г.) вступила в Великую Отечественную войну и прошла через это суровое испытание. Во-вторых, множество выходцев из этого государства в наши дни живут в различных регионах России. При этом они численно в значительной мере превышают мигрантов из других государств Средней Азии и Казахстана. Российское общество заинтересовано в том, чтобы они объективно воспринимали наше общее прошлое, особенно его героические и трагические события, главным из которых, безусловно, является Великая Отечественная война. Поэтому учебники по истории этой страны требуют особого анализа.

С. Тиллабоев, Д. Кенжаев и их соавторы подготовили учебник на русском языке для учащихся 10 классов школ общего среднего образования. Параграфы, посвященные войне, уложились в 27 страниц: «Узбекистан в годы Второй мировой войны», «Узбекистан в 1941–1945 годы», «Героизм и подвиги узбекистанцев на фронте» и «Наука и культура Узбекистана на службе победы». Однако текста на этих страницах мало, а основной объем занимают 74 фотографии и рисунка, а также 8 куаркодов; собственно, по такому принципу построен весь учебник¹⁹.

Нелогичным представляется и прием, использованный для повышения интереса обучаемых к материалу. Учебник подготовлен на русском языке, но семь куаркодов выводят на тексты и видеоролики с сопровождением на узбекском языке. При этом одни из них выводит на Википедию, что явно понижает авторитет учебника.

Есть у этих авторов и ошибки, которые показывают незнание ими элементарных армейских реалий времен Великой Отечественной войны. По их мнению, в это суровое время, в 1942 г., у СССР была не Рабоче-крестьянская Красная армия, или Красная армия, а Советская армия²⁰. Один из главных недостатков учебника С. Тиллабоева, Д. Кенжаева и их соавторов заключается в том, что в нем полностью отошли от термина «Великая Отечественная война».

Не опираются на этот термин и авторы учебника К. Ражабов и А. Замонов. Более того, ответственность за развязывание Второй мировой войны они возлагают не только на руководителей Германии, Японии, Великобритании и Франции, но и на СССР²¹. При этом

¹⁹ Тиллабоев С., Кенжаев Д. и др. История Узбекистана. Учебник для учащихся 10 классов школ общего среднего образования. Новое издание. Ташкент: Yangiyul Poligraph Service, 2022. 192 с. С. 143–169.

²⁰ Там же. С. 149.

²¹ Ражабов К., Замонов А. История Узбекистана. Учебник для учащихся 10 классов средних образовательных учреждений и учреждений среднего специального, профессионального образования. Ташкент: Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма, 2017. 144 с. С. 87.

авторы обвиняют СССР в оккупации Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г. и абсолютно не анализируют причины и положительные последствия воссоединения этих регионов с материнскими землями.

Анализ учебников для школьников Республики Узбекистан дает возможность сделать несколько выводов. Во-первых, авторы тщательно уходят от того, чтобы назвать истинных виновников развязывания Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Во-вторых, крайне малый объем текста не позволяет читателю осознать масштаб и всю трагедию этих войн, ощутить причастность к судьбе поколений, которые победили Германию и ее союзников. В-третьих, тексты этих учебников не позволяют понять величие единения советских граждан, причин их самоотверженности. В-четвертых, у читателей не возникает ясности по важнейшей проблеме — кто из руководителей партийно-государственного аппарата и военачальников заслужил признание и народную любовь за спасение не только нашего, тогда общего Отечества — СССР, но и всего мира от порабощения и уничтожения нацистами Германии и их сателлитами.

Анализ учебников по истории, изданных для школьников Казахстана, рождает противоречивые, неоднозначные выводы. Действующие учебники и их проекты выложены на нескольких сайтах. В первую очередь это касается официального сайта Министерства просвещения Республики Казахстан, а также ресурса OKULYK.KZ электронные учебники Казахстан. Последний расположен на нескольких платформах, в том числе и на российском ВКонтakte²². Авторский коллектив, в составе З.Е. Кабульдинова, А.Д. Сандыбаевой, Ф.Р. Лебаева, подготовил учебник по истории Казахстана для учащихся выпускных — 11-х классов общеобразовательных школ. В третьей главе «Социально-экономическое развитие Казахстана» авторы предлагают изучить «§ 9–10. Развитие экономики Казахстана в XX в.». В них включен раздел «5. Экономическое развитие Казахстана в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы». Анализ интересующих нас разделов целесообразно начать с количественных показателей. О Великой Отечественной войне авторы подготовили текст состоящий всего из 97 слов, или 12 строк. Но в «§ 15–16. Формирование полиэтнического общества в советский

²² Кабульдинов З.Е. История Казахстана. Учебник для 11 класса общеобразовательных школ. В двух частях / З.Е. Кабульдинов, А.Д. Сандыбаева, Ф.Р. Лебаев. Ч. 1. Алматы: Атамұра, 2020. 160 с.; Кабульдинов З.Е. История Казахстана: Учебник для 9 (8) класса общеобразовательной школы / З.Е. Кабульдинов, М.Д. Шаймерденова, Е.М. Куркеев. Алматы: Атамұра, 2019. 176 с.

период» есть раздел «5. Депортационная политика Советской власти в годы войны». Он состоит из 654 слов, или 79 строк²³.

Качество двух текстов таково, что после изучения статистики, представленной в первом блоке, школьник будет понимать: в СССР главной тыловой кузницей Победы была Казахская ССР, при этом ученик вообще не ознакомливается с данными по другим республикам. Анализ второго фрагмента явно нацеливает учеников на ненависть к СССР, хотя, безусловно, выселение народов позже было публично осуждено как в СССР, так и в РФ. Но об этом в учебнике ничего не сказано. При этом в общественном сознании граждан постсоветских государств закреплен абсолютно справедливый нарратив, одобренный гражданами России на всенародном голосовании по внесению поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. И он стал нормой нашего основного закона – «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР ...».

В современных условиях страны Запада, особенно США, стараются непрерывно воздействовать на жителей постсоветских стран, в том числе Казахстана, с целью внедрения в их сознание трех тенденциозных, фальшивых выводов. Во-первых, СССР — империя зла, уничтожавшая народы ради торжества коммунистической идеи. Во-вторых, главным виновником различных трагедий советского периода является Советская Россия и русские. В-третьих, современная Россия, ее граждане и особенно русские, испытывают комплекс империи и стараются в новых условиях вновь включить в состав своего государства соседние народы, особенно те, чьи земли соседствуют с Россией и имеют богатые природные ресурсы, а Казахстан является именно таким государством.

Второй проанализированный учебник по истории Казахстана, издан годом ранее, т.е. в 2019 г. Он предназначен для школьников, обучающихся в 9 (8) классах общеобразовательных школ. Несмотря на то, что одним из авторов этой книги является З.Е. Кабульдинов, этот учебник значительно отличается по качеству материала о Великой Отечественной войне от учебника для 11 классов²⁴. Авторский коллектив смог выстроить главные сюжетные линии в «Раздел V. Казахстан в годы Великой Отечественной войны» через показ и анализ роли жителей Казахской ССР в битвах этой войны, вклад тружеников тыла и деятелей культуры в Победу. Не обошли авторы и такой болезненный вопрос, как насильственное переселение народов Со-

²³ Кабульдинов З.Е. История Казахстана. Учебник для 11 класса общеобразовательной школы. Ч. 1. С. 73, 111–114.

²⁴ Кабульдинов З.Е. История Казахстана. Учебник для 9 (8) класса общеобразовательной школы. С. 141–172.

ветского Союза в Казахскую ССР. Для контроля усвоения материала подготовлены соответствующие задания. Но и в этом учебнике есть как минимум три негативных момента. Во-первых, авторы неоправданно кратко дали причины начала Великой Отечественной войны. Во-вторых, авторы не поясняют почему 9 мая считается завершением Великой Отечественной войны, хотя Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии был подписан 8 мая. В-третьих, авторы не указали, представители каких государств и кто именно подписывал этот важнейший документ.

В негативном плане характеризуется деятельность Советского государства в годы Великой Отечественной войны в проекте учебника З.А. Джандосовой. Автор представил читателю пункт «8.3. Изменение этнической карты Казахстана в связи с депортацией народов Кавказа и Причерноморья в годы войны»²⁵. Текст отражает реалии прошлого, однако автор не посчитал нужным дать героические страницы истории Великой Отечественной войны в других разделах учебника, за исключением пункта «24.1. Развитие науки Казахстана в советский период. Роль Академии наук Казахской ССР в развитии науки Казахстана». Здесь автор дает два абзаца об эвакуации в Казахстан многих ученых, научных и учебных учреждений. При этом не указываются их достижения в годы войны.

Проанализированные учебники Республики Казахстан показывают, что они принципиально отличаются от подходов авторов Украины и в значительной мере не совпадают с позицией авторов учебников Узбекистана. Самое главное несоответствие заключается в том, что казахстанские авторы не отказались от термина «Великая Отечественная война».

В связи с тем, что выходцы из Кыргызстана и Таджикистана представляют значимую долю трудовых мигрантов в России, а также в большом количестве становятся гражданами нашего государства, необходимо понимать, чему их учат в учебных заведениях этих стран на занятиях по всеобщей истории и по истории страны их первого гражданства.

На фоне проанализированных трудов особенно интересно смотрится учебник для вузов Кыргызстана, изданный в 2015 г. интернациональным коллективом в составе В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиева, Т.А. Абдырахманова. По событиям Великой Отечественной войны они подготовили текст, озаглавленный «Глава XIII. Кыргыз-

²⁵ Джандосова З.А. История Казахстана. 11 класс. Алматы: Мектеп, 2019. 339 с. С. 121–125. — URL: <https://s3.timeweb.com/29ae0e9e-okulyk-books/691/691.pdf> (дата обращения 26.10.2024).

стан в годы Великой Отечественной Войны и восстановления народного хозяйства (1941–1950 гг.)»²⁶. Фактически с первых строк авторы показывают, что строят аналитическую часть главы на позициях историзма и объективного подхода. Сравняется отношение народа к Первой мировой войне и к войне, которая для подавляющего большинства жителей Киргизской ССР стала действительно войной за Родину — Великой Отечественной. Тем самым авторы дают отпор современным фальсификаторам истории не только Великой Отечественной войны, но и всего советского периода в целом. При этом В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев и Т.А. Абдырахманов четко показывают, что наше совместное советское прошлое имеет не только яркие героические страницы, но и деформации, связанные с политикой прежде всего И.В. Сталина. Приведем в доказательство фрагмент текста XIII главы учебника: «В Великую Победу внес свой достойный вклад и кыргызский народ. На фронтах Великой Отечественной войны сражались более 360 тысяч сыновей и дочерей Кыргызстана. Поразительно, что народ, поднявший восстание в 1916 г., чтобы не отдавать даже на тыловые работы своих сыновей, в Великую Отечественную отправил на фронт каждого четвертого. И это было закономерно, хотя некоторые из наших соотечественников сегодня сознательно этого “не замечают”. Вопреки нынешней односторонней оценке (очернению) политика советской власти и коммунистической партии довоенных лет по возвращению кыргызов-беженцев на Родину, по наделению их землей, сельхозинвентарем, рабочим скотом, по переводу к оседлости, по восстановлению давно утраченной государственности, по коренизации аппарата, по повышению грамотности населения, развитию культуры и т.д. (исключая “сталинские деформации”) полностью отвечала коренным национальным интересам и главным устремлениям кыргызского народа»²⁷. Глава наполнена фактами, статистическими данными о вкладе тружеников-киргизстанцев в Победу, при этом авторы не забывают о вкладе и других регионов СССР.

В похожем духе и стиле автор из Кыргызстана М.К. Иманкулов подготовил учебник для 9 класса общеобразовательных школ²⁸. Через конкретные данные статистики и имена автор показал всена-

²⁶ Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д., Абдырахманов Т.А. История кыргызов и Кыргызстана. Учебник для вузов / Отв. ред. А.Ч. Какеев. 3-е дораб. изд. Бишкек: Издательство КРСК, 2015. 556 с. С. 349–374.

²⁷ Там же. С. 350–351.

²⁸ Иманкулов М. К. История Кыргызстана. XX–XXI вв.: 9 класс. Учебник для общеобразовательных школ. Бишкек: Министерство образования и науки КР, 2014. 240 с. С. 107–122.

родный характер Великой Отечественной войны, в которой великие подвиги совершали сыновья и дочери всего многонационального народа СССР. Такой текст, если он будет внимательно прочитан школьниками, без всякого сомнения, позволит формировать из них людей, которые не станут отказываться от героического прошлого советского народа, органичной частью которого были киргизстанцы всех национальностей.

Значительный интерес для ученых, преподавателей, учителей и представителей органов власти нашего государства представляют подходы к Великой Отечественной войне, которые существуют в Республике Таджикистан. Н.Х. Хакимов еще в 2006 г. подготовил учебник истории для 10-х классов общеобразовательных школ под названием «История таджикского народа»²⁹. О качестве учебника во многом говорят название соответствующей главы и параграфов: «Тема 4. Таджикская ССР накануне и в годы Второй мировой войны (1938–1945)», «§ 49. Таджикистан в начале строительства развитого социализма», «§ 50. Основные причины Второй мировой войны и ее ход», «§ 51. Участие таджиков в начальных боях Второй мировой войны (октябрь 1939 г. — март 1940 г.)», «§ 52. Таджикистан в боях первого периода Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — сентябрь 1941 г.)», «§ 53–54. Участие таджикстанцев в крупнейших сражениях раннего периода и в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне (сентябрь 1941 г. — апрель 1943 г.)», «§ 55–56. Участие таджикстанцев в стратегических сражениях в ходе коренных перемен в Великой Отечественной войне», «§ 57. Участие воинов-таджиков в боях конца Великой Отечественной войны (январь 1944 г. — 9 мая 1945 г.)», «§ 58. Участие таджиков в партизанском движении и антифашистском сопротивлении», «§ 59. Таджики в освободительных движениях народов Европы», «§ 60. Арьергард на службе войны. Самоотверженный труд народа Таджикистана в годы Второй мировой войны», «§ 61. Культурные учреждения на службе войны». Н. Хакимов абсолютно справедливо отмечает, что руководители Франции, Англии и США подталкивали Германию к нападению на СССР. При этом автор показал усилия СССР по созданию системы международной безопасности и предотвращения Второй мировой войны. Автор подробно, с конкретными цифрами показывает соотношение сил противоборствующих сторон в важнейших битвах Великой Отечественной войны. Все параграфы наполнены фамилиями выходцев из Таджикской ССР, которые самоотверженно воевали

²⁹ Хакимов Н.Х. История таджикского народа. Учебник для 10 класса общеобразовательной школы. Душанбе: Собириён, 2006.

на фронтах, громили нацистов и их союзников в составе партизанских отрядов на советской территории и в странах Европы. Особое внимание в учебнике уделено вкладу в Победу тружеников тыла, работавших в Таджикистане. К сожалению, автор не показывает вклад других республик в Победу. Тем не менее, этот учебник можно считать изданием, которое весьма достоверно раскрывает причины, ход Второй мировой войны и Великой Отечественной войны.

Учеными Таджикистана в 2019 г. для Российско-Таджикского (Славянского) Университета было издано учебное пособие «История таджикского народа»³⁰. Авторы книги ясно и однозначно показали объективный подход к анализу событий Великой Отечественной войны в материале «Лекция XVI. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)». Особое внимание они сосредоточили на героизме уроженцев Таджикской ССР на фронтах и в тылу, развитии культуры в эти суровые годы. Показателен вывод авторов о единении всех народов СССР при защите Отечества.

К сожалению, З.Ю. Рахматова и Ш. С. Саъдиев, давая статистику по наградам таджикстанцев, не указали, сколько всего воинов СССР получили государственные награды.

В целом, несмотря на небольшой объем лекции, ее текст демонстрирует взвешенность и выверенность оценок событий Великой Отечественной войны.

Проведенный анализ учебников постсоветских государств показывает, что ученым и преподавателям России предстоит большая работа с теми студентами, которые приезжают в нашу страну из других государств. Эта проблема напрямую касается и сотрудников Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, так как этот вуз ежегодно принимает значительное число студентов из стран, где пересматриваются причины, ход и итоги Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в угоду политической и экономической конъюнктуры. Значительная работа на многие годы должна быть выполнена учеными, педагогами и дипломатами нашего государства в этом направлении с целью реализации Указа Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

Поступила в редакцию
10 ноября 2024 г.

³⁰ Рахматова З.Ю., Саъдиев Ш.С. История таджикского народа. Учебное пособие. Изд. второе, перераб. и доп. Душанбе: РТСУ, 2019. С. 142–148.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-101-122

**А.В. Иванов, А.В. Смулов, В.В. Снакин,
В.П. Богданов, Е.Ю. Погожев**

**МОЛОДЕЖНЫЙ МУЗЕЙ КАК ДРАЙВЕР
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО (ПУБЛИЧНОГО)
УНИВЕРСИТЕТСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ:
ОПЫТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА ВСЕРОССИЙСКОМ
ФЕСТИВАЛЕ НАУКИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

**A.V. Ivanov, A.V. Smurov, V.V. Snakin,
V.P. Bogdanov, E.Yu. Pogozhev**

**THE YOUTH MUSEUM AS A DRIVER OF SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL (PUBLIC) UNIVERSITY EVENTS:
AN EXPERIENCE OF REPRESENTATION AT THE ALL-RUSSIAN
SCIENCE FESTIVAL AT MOSCOW UNIVERSITY**

Аннотация. Одной из задач проекта по развитию молодежного музея под эгидой Научно-учебного музея землеведения МГУ является популяризация научных исследований и разработка механизмов научно-просветительской деятельности групп начинающих исследователей, в связи с чем особое значение имеет Фестиваль науки, ежегодно проводимый в Москов-

Иванов Алексей Викторович, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института географии РАН, доцент Тамбовского государственного технического университета

Ivanov Aleksey Viktorovich, PhD Candidate in Geology and Mineralogy, Senior Researcher, Scientific and Educational Museum of Earth Sciences, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Tambov State Technical University

ivanovav@igras.ru

ORCID: 0000-0002-2946-7195

Смулов Андрей Валерьевич, доктор биологических наук, профессор кафедры общей экологии биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Smurov Andrey Valer'yevich, Doctor in Biology, Professor, Department of General Ecology, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, Director, Scientific and Educational Museum of Earth Sciences, Lomonosov Moscow State University

smr49@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5143-1634

ском университете. С 2016 г. началось сотрудничество Музея землеведения МГУ с научно-просветительской экспедицией «Флотилия плавучих университетов», работающей в Поволжье, Подонье и Прикаспии. Представление молодежного музея как мобильно-сетевого проекта на научно-просветительском мероприятии в формате Фестиваля науки наиболее эффективно при сочетании механизмов: выставочного — временное экспонирование натурфактов и артефактов, собранных начинающими естествоиспытателями в экспедициях; презентационного — демонстрация научно-популярных книг, видеографических произведений, научных трудов, созданных при участии молодых коллег; интерактивного — организация комплекса соответствующих площадок. Такой подход апробирован на Всероссийском фестивале науки в кампусе МГУ в 2023–2024 гг. Серию экспонатов составили находки участников экспедиции «Флотилия плавучих университетов» (в том числе победителей первого всероссийского конкурса «Молодежь и музей») в Поволжье — выставка была развернута в павильонах Музея землеведения и Университетской гимназии МГУ. Ключевыми презентуемыми продуктами, созданными в сотворчестве с участниками проекта молодежного музея, стали книга «Вернадизм в современном университете» и постоянно демонстрировавшийся на экране научно-популярный фильм «Братство научного творчества. Плавучий университет Владимира Вернадского». Для посетителей работали специально спроектированные интерак-

Снакин Валерий Викторович, доктор биологических наук, профессор, заведующий сектором Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН

Snakin Valeriy Viktorovich, Doctor in Biology, Professor, Departmental Head, Scientific and Educational Museum of Earth Sciences, Lomonosov Moscow State University, Head, Laboratory of Landscape Ecology, Institute of Fundamental Biological Problems, Russian Academy of Sciences

snakin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9389-6752

Богданов Владимир Павлович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bogdanov Vladimir Pavlovich, Doctor in History, Senior Researcher, Laboratory of Cultural History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

vpbogdanov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3129-406X

Погожев Евгений Юрьевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Pogozhev Evgeny Yuryevich, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Museum of Earth Science, Lomonosov Moscow State University

pogozhev@mail.ru

ORCID: 0009-0003-3018-930X

Материал для исследования получен в ходе научно-просветительской экспедиции «Флотилия плавучих университетов».

Material for this study was obtained during the scientific and educational expedition “Flotilla of Floating Universities”.

тивные площадки: «Виртуальная реальность в музейном пространстве — VR-travel в геологическое прошлое Восточно-Европейской равнины» (от победителей всероссийского конкурса «Молодежь и музей»), предлагающая посетителям стать виртуальным участником реальной научной экспедиции «Флотилия плавучих университетов» с целью приобщения к научным полевым исследованиям и сбору материалов для естественно-научного университетского музея; «Колонка С.Н. Виноградского» — натурная презентация эволюции экосистем в реальном времени. Также проводился экспедиционно-лабораторный познавательный практикум «Космические следы на Земле», представленный учащимися Университетской гимназии МГУ.

Ключевые слова: университетский музей, молодежный музей, Музей землеведения МГУ, Всероссийский фестиваль науки, научно-просветительское мероприятие, музейная выставка, интерактивная площадка, экспедиция «Флотилия плавучих университетов».

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственных заданий Музея землеведения МГУ АААА-А16-116042010089-2 «Биосферные функции экосистем, их компонентов и рациональное природопользование» (научный руководитель — А.В. Смуров) и АААА-А16-116042710030-7 «Музееведение и образование музейными средствами в области наук о Земле и жизни» (научный руководитель — В.В. Снакин), в рамках темы государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова (номер ЦИТИС: 121032300131-9) «Экологическая физиология водных микро- и макроорганизмов и влияние на них потенциально вредоносных природных и антропогенных факторов среды» (научный руководитель — В.В. Ильинский), в рамках темы государственного задания Института географии РАН FMWS-2024-0007 (1021051703468-8) «Биотические, географо-гидрологические и ландшафтные оценки окружающей среды для создания основ рационального природопользования» (научный руководитель — член-корреспондент РАН А.А. Тишков).

This research was conducted with the financial support of the state assignments of the Museum of Earth Sciences at Moscow State University, Project No. АААА-А16-116042010089-2 “*Biospheric Functions of Ecosystems, Their Components, and Rational Nature Management*” (scientific supervisor: A.V. Smurov); Project No. АААА-А16-116042710030-7 “*Museology and Museum-Based Education in the Fields of Earth and Life Sciences*” (scientific supervisor: V.V. Snakin); within the framework of the state assignment of Lomonosov Moscow State University (TsITIS No. 121032300131-9) “*Ecological Physiology of Aquatic Micro- and Macroorganisms and the Impact of Potentially Harmful Natural and Anthropogenic Environmental Factors*” (scientific supervisor: V.V. Il'inskiy); within the framework of the state assignment of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Project No. FMWS-2024-0007 (1021051703468-8) “*Biotic, Geographical-Hydrological, and Landscape Assessments of the Environment as a Basis for Rational Nature Management*” (scientific supervisor: Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A.A. Tishkov).

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект №23-Ш02-17 «Разработка основ создания, функционирования и развития комплексного научно-просветительского университетского молодежного музея на примере МГУ имени М.В. Ломоносова».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-17 “Development of the Foundations for the Creation, Functioning, and Development of a Comprehensive Scientific and Educational University Youth Museum, Using the Example of Lomonosov Moscow State University”.

Abstract. One of the objectives of the project to develop a youth museum under the auspices of the MSU Museum of Earth Science is the popularization of scientific research and the creation of mechanisms for scientific and educational engagement among groups of early-career researchers. Within this framework, the annual Science Festival held at Moscow University assumes particular importance. Since 2016 the Museum of Earth Science has collaborated with the scientific and educational expedition *Flotilla of Floating Universities*, which operates in the Volga, Don, and Caspian regions. Presenting the youth museum as a mobile and network-based project at the Science Festival has proven most effective when combining three mechanisms: the exhibition format — temporary display of natural specimens and artifacts collected by young naturalists during expeditions; the presentational format — demonstration of popular-science books, films, and scholarly works produced with the participation of young colleagues; and the interactive format — the organization of specially designed engagement platforms. This approach was tested at the All-Russian Science Festival held on the MSU campus in 2023–2024. The exhibition featured finds from the *Flotilla of Floating Universities* (including prize-winning entries from the first All-Russian competition *Youth and Museum*) in the Volga region, and was displayed in the pavilions of the Museum of Earth Science and the MSU University Gymnasium. Key products created in collaboration with the youth museum project included the book *Vernadism in the Contemporary University* and the popular-science film *The Brotherhood of Scientific Creativity: Vladimir Vernadsky's Floating University*, continuously screened throughout the event. Specially designed interactive platforms were also presented, including *Virtual Reality in Museum Space: VR-Travel into the Geological Past of the East European Plain* (developed by winners of the *Youth and Museum* competition), which enabled visitors to experience participation in an actual *Flotilla of Floating Universities* scientific expedition through VR technologies and curated video content, and *S.N. Vinogradsky's Column: A Living Demonstration of Ecosystem Evolution in Real Time*. In addition, an expeditionary-laboratory practicum, *Cosmic Traces on Earth*, was conducted by students of the MSU University Gymnasium.

Keywords: university museum, youth museum, MSU Museum of Earth Science, All-Russian Science Festival, public science event, museum exhibition, interactive platform, *Flotilla of Floating Universities* expedition.

* * *

Университетские музеи, их научные и учебные коллекции всегда были и остаются обязательными элементами в получении новых знаний, в образовании и просвещении, учебно-воспитательной работе, а также популяризации научных знаний. Особую роль в современном социокультурном пространстве университетские музеи приобретают в связи с задачами осуществления молодежной политики Российской Федерации¹. Одной из задач проекта по

¹ См.: Смуров А.В. Вузовские и академические музеи России в современном социокультурном пространстве // Жизнь Земли. 2020. Т. 42. № 3. С. 262–270.

развитию молодежного музея под эгидой Научно-учебного музея землеведения МГУ² является популяризация научных исследований и разработка механизмов научно-просветительской деятельности групп начинающих исследователей, в связи с чем особое значение имеет Фестиваль науки с традиционной центральной площадкой в кампусе университета. История Фестиваля науки начинается с 2006 г., когда по инициативе ректора МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко был проведен первый в России фестиваль. Главной целью фестиваля была и остается популяризация науки среди аудитории всех возрастов и уровня подготовки: это школьники от начальных классов и родители, студенты, молодые специалисты, преподаватели, а также научное и экспертное сообщество. С 2011 г. ежегодно проводимый Фестиваль науки, пользующийся огромной популярностью, стал всероссийским. Заметным трендом на Фестивале в последние годы становится отражение глубокой взаимосвязи музейной и экспедиционной деятельности, мобильности и интерактивности музеевотворческого процесса. Демонстрируется, что, при очевидной интегрированности университетского музея с фундаментальной наукой, ему не чужды популярные в молодежной среде современные веяния в публичной подаче коллекционного материала, новации в популяризации научного знания, креативные подходы³.

На новейшем этапе истории фестивальных выставок Музея землеведения МГУ четко выражено сотрудничество с научно-просветительской экспедицией «Флотилия плавучих университетов», работающей в Поволжье, Подонье и Прикаспии⁴. Оно началось с 2016 г., когда зародилась практика целенаправленного сбора натурфактов участниками экспедиции от МГУ (А.В. Сочивко, И.А. Исаев, К.А. Скрипко и др.) с помощью студентов и школьников разных регионов для последующего представления на Фестивале науки в качестве экспозиционных, интерактивных или раздаточных материалов. Такое сотрудничество послужило основой для создания ряда выставок как классических стационарных на территории Музея

² Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П. Мобильно-сетевой молодежный музей Московского университета — контуры концепции и принципы развития на этапе становления // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 3. С. 3–24.

³ Попова Л.В., Пикуленко М.М. Современные тенденции музейной педагогики // Жизнь Земли. 2015. Т. 37. С. 278–282; Самарина Н.Г. Формы деятельности вузовских музеев // Вестник РГГУ. 2008. № 10. С. 273–278.

⁴ Иванов А.В., Яшков И.А., Захаров Е.Е. Экспедиции по Поволжью и Прикаспию. Этюды половины тысячелетия. От первых путешественников до «Флотилии плавучих университетов». М., 2021.

землеведения⁵, так и оригинальных мобильно-сетевых в экспедиционном режиме⁶.

В 2023 г. экспедиционная риторика была отражена непосредственно в названии павильона — в дни XVIII Фестиваля науки в МГУ (6–8 октября 2023 г.) в Шуваловском корпусе университета была представлена выставка «Естественнонаучные экспедиции Музея землеведения». На экспозиции посетители знакомились с разными материалами, доставленными «Флотилией плавучих университетов» (проект «Плавучий мобильно-сетевой музейный центр»). В том же году в качестве одного из мероприятий всероссийского Фестиваля науки на площадке Тамбовского государственного технического университета состоялось открытие регионального узла молодежного музея, стартовала работа НОЦ «Музей коэволюции геосфер» с представлением мобильной выставки и системы интерактивных палеоэкологических площадок как один из результатов проекта «Плавучий университет В.И. Вернадского»⁷.

В настоящее время разработана концепция представления молодежного музея на крупном научно-просветительском мероприятии в университетской среде и осуществлена апробация в режиме Фестиваля науки в МГУ. В 2024 г. работа с посетителями фестиваля проводилась при взаимодействии площадок, организованных группами начинающих исследователей под руководством наставников. С результатами развития проекта можно было ознакомиться в павильонах фестивального пространства, связанных с подразделениями МГУ, в которых создаются узлы молодежного музея. Так, на территории павильона Музея землеведения (Шуваловский корпус) была развернута выставка экспонатов (сборы экспедиции «Флотилия плавучих университетов» 2023–2024 гг. с участием студентов и школьников разных регионов), организованы интерактивные площадки по «колонкам Виноградского» (руководители А.Р. Строева, Н.Н. Колотилова), виртуальной реальности в музейном пространстве (проект

⁵ Иванов А.В., Яшков И.А., Грачев В.А., Плеве И.Р., Смуров А.В., Сочивко А.В., Снакин В.В. Эволюционная урбанистика Поволжья и Прикаспия в музейном пространстве. Исследования сетей поселений в рамках проекта «Флотилия плавучих университетов». Путеводитель и каталог совместных экспозиций Музея естествознания Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина и Музея землеведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М., 2020.

⁶ Иванов А.В., Яшков И.А., Смуров А.В., Снакин В.В., Колотилова Н.Н., Козачек А.В., Максимова Е.Е. Мобильные выставки в научно-просветительской экспедиции как драйвер развития молодежного музея: опыт «Флотилии плавучих университетов» // Жизнь Земли. 2023. Т. 45. № 4. С. 573–583.

⁷ Вернадизм в современном университете. Опыт мобильно-сетевых научно-просветительских проектов / Под ред. А.В. Иванова, А.В. Козачека. М., 2023.

победителей конкурса «Молодежь и музей») (руководитель В.В. Снакин), а также совместный интерактив с Ботаническим садом МГУ по определению растительных организмов и их частей (руководитель Е.С. Романова). В павильоне Университетской гимназии (Шуваловский корпус) демонстрировалась мини-выставка экспонатов из кластера молодежного музея «Университетское Лукоморье», постоянно располагающегося в корпусе гимназии (руководитель Е.А. Григорьева), а также работал экспедиционно-лабораторный познавательный практикум «Космические следы на Земле» (руководитель Е.Ю. Погожев). В научно-популярных лекциях М.А. Винника (Музей земледелия МГУ), Е.Ю. Погожева (Музей земледелия МГУ), В.П. Богданова (исторический факультет МГУ) нашли отражение эпизоды деятельности проекта «молодежный музей».

Опыт последних лет показывает, что наиболее эффективное воплощение идеи молодежного музея в режиме столь крупного междисциплинарного научно-просветительского мероприятия, как всероссийский Фестиваль науки возможно при синтезе трех составляющих, которые условно можно определить как выставочную, презентационную и интерактивную.

Музейная мобильная выставка молодежного музея

Основу выставки составляет система естественно-научных экспонатов, источником которых на сегодняшний день являются новые поступления в Музей земледелия из экспедиции «Флотилия плавающих университетов», еще не прошедшие фондovou комиссию, либо принятые на временное хранение (образцы «с витрин» используются в выставочной коллекции как исключение). Каждый экспонат сопровождается подробной этикеткой-плакатом с историей находки, интересными сведениями о местонахождении и т.д. Подразумевается, что информация должна быть представлена так подробно и иллюстрирована столь качественно, чтобы модератор из числа участников проекта «молодежный музей», не будучи узким специалистом в экспонатах такого рода, мог доходчиво объяснить не только общую концепцию выставки, но и суть конкретного объекта посетителю и вызвать его интерес. Важной составляющей при этом является комплекс сопровождающих информационных плакатов, отражающих сведения о проекте «молодежный музей» и Музее земледелия МГУ как о «центре кристаллизации» данного проекта.

Ряд экспонатов позволяют модератору выставки пояснить посетителю метафору «каменной летописи» планеты, конкретного слоя стратисферы как отдельной ее «страницы» и понятие ориктоценоза как комплекса ископаемых остатков, которыми «записана»

история реальной в геологическом прошлом экосистемы. Апеллируя к школьным курсам биологии, экологии и географии, возможно предложить посетителю совместное творческое научно-образовательное приключение — мысленно реконструировать палеоэкологические и палеогеографические особенности «живой» экосистемы прошлого. Примером «раскрытой настольной каменной книги» служит расслоенная плита кварцевого песчаника с четко выраженным зеркальным соответствием ископаемых остатков — разветвленных ходов донных роющих организмов двух видов (палеоцен, г. Камышин). Рядом демонстрируется пример части страницы из «предыдущей главы каменной книги» — ориктоценоз прибрежного мелководья позднемелового (сеноманского) эпиконтинентального морского бассейна с остатками двустворчатых и головоногих моллюсков, а также костными остатками позвоночных животных (с. Сосновка, Саратовское Поволжье). В качестве особых оригинальных примеров «локальной летописи» демонстрируются ископаемые строматолиты (юра, Оренбургское Приуралье) и онколиты (палеоцен, г. Камышин), логически связуемые модератором с интерактивной площадкой «Колонка С.Н. Виноградского» (см. ниже).

Многое о физико-географической обстановке конкретной местности в геологическом прошлом и биоте может рассказать даже «единственная буква каменной летописи» — отпечаток листовой пластины древесного растения на глыбе песчаника (палеоцен, г. Камышин). На примере местонахождения данного образца (комплексного памятника природы Камышинские Уши) целесообразно пояснить посетителю проблематику геонаследия, георазнообразия и биоразнообразия в прошлом и настоящем, практику выделения памятников природы и формирование глобальной системы ООПТ.

Яркими иллюстрациями в «каменной книге» смотрятся целостно сохранившиеся остатки биогеосистем — «биокосные тела» в понимании В.И. Вернадского. На выставке представлены фрагменты палеопочв, формировавшиеся в условиях перманентного затопления водами эпиконтинентального морского бассейна в его прибрежной зоне (палеоцен, истоки реки Разбойщины, район г. Саратов), с выраженными остатками корневых систем растений и ходами роющих организмов. Классическими примерами биокосных тел являются рифовые образования, представление о которых можно получить в отдельном передвижном павильоне «Коралловый риф».

Весьма показательными экспонатами служат прокремнелые остатки древесных растений — фрагмент древесины с выраженными сучками (палеоцен, район с. Песковатка, Волгоградское Поволжье)

и фрагмент ствола с ходами древоточцев (палеоцен, район г. Вольск). Имеющие внешний вид живой древесной ткани, они удивляют посетителя в первую очередь своим весом, характерным для плотной горной породы. Кольца роста, хорошо просматривающиеся на сколе ствола, — отражение как локальных физико-географических особенностей среды в месте произрастания растения в геологическом прошлом (около 50 млн лет назад), так и глобальных климатических процессов⁸.

Удачной иллюстрацией разнообразия биогеохимических превращений конкретной живой ткани при транзите ее в литосферу после отмирания организма является ряд экспонатов окаменелой древесины: ожелезненной темно-коричневого цвета (пермские отложения, долина реки Каргалки, Оренбургское Приуралье), медистой зеленого цвета (пермские отложения, долина реки Каргалки, Оренбургское Приуралье), фосфатизированной темно-коричневого и черного цвета (верхний мел, маастрихт, район с. Нижняя Банновка, Саратовское Поволжье), прокремненной светло-желтоватого, классического «древесного» цвета (палеоцен, истоки реки Разбойщины, район г. Саратов). Эти образцы индуцируют разговор модератора с посетителями о глобальном биогеохимическом круговороте и сохранении информации в истории геосфер (остатки древесной ткани несут выраженные черты прижизненной волокнистости, сучковатости и др.).

Большой интерес посетителей вызывает невзрачный на первый взгляд объект, иллюстрирующий ресурсную функцию литосферы⁹, роль живого вещества в формировании геологических тел и многие иные актуальные темы. Это глыба органогенно-хемогенного известняка (верхний карбон, район с. Тепловка Саратовской области) с остатками брахиопод, содержащего нефтяные углеводороды. Посетитель получает редкую возможность посредством осязания и обоняния удостовериться в том, что данный образец действительно является частью пласта (порового коллектора), понять, как нефть реально размещается в твердой оболочке планеты.

Особым разделом выставки можно считать серию образцов импактитов (фрагментов ударно брекчированного геосубстрата), не просто отражающих воздействие космических тел на геосферы, но и свидетельствующих о открытости планетарной системы, глубокой связи истории Земли с космоглобалистическими процессами. Эти

⁸ Иванов А.В., Яшков И.А. Прибрежные геозкосистемы палеогена Поволжья и Западной Сибири: путеводитель и каталог выставки «Древнее Лукоморье». М., 2022.

⁹ Трофимов В.Т., Королев В.А. К разработке номологических основ экологической геологии // Вестник Московского университета. Серия 4. Геология. 2024. № 4. С. 3–10.

объекты логически связываются модератором выставки с интерактивной площадкой по «космическому веществу» с отсылкой к классификации В.И. Вернадского и просмотром «сферул», извлеченных начинающими исследователями из почвенных проб.

Презентационные элементы

Сопряженно с выставочными экспонатами в павильоне Музея земледения на Фестивале науки обширно представлена полиграфическая продукция музея и о музее — основные научные издания, путеводители по музею в целом и отдельным актуальным выставкам. Особое внимание уделялось полиграфическим новинкам последних лет, созданным при участии исполнителей проекта молодежного музея, прежде всего книге «Вернадизм в современном университете. Опыт мобильно-сетевых научно-просветительских проектов», ряд разделов которой отражают и иллюстрируют развитие и повседневную деятельность молодежного музея¹⁰.

Ключевым элементом смыслового фона в пространстве павильона при работе с посетителями выступала постоянная демонстрация на широком экране научно-популярных фильмов, снятых в рамках проекта «Плавучая медийная школа» о работе экспедиции «Флотилия плавучих университетов», о Больших академических экспедициях 1768–1774 гг. в Поволжье и развитии наследия В.И. Вернадского «Братство научного творчества»¹¹. Фактически это служило динамичным наглядным пособием и содействовало модераторам в общении с посетителями Фестиваля науки.

Важнейшим продуктом посещения современным человеком публичного мероприятия является фотосессия и видеография как с целью документирования события своей жизни, так и для распространения путем соответствующих социальных коммуникаций. В связи с этим актуально обустройство локальных фотозон (помимо традиционно монтируемых централизованно) с отражением тематики павильона. В нашем случае простейший вариант антуража для памятной фотосессии посетителя реализуем на фоне плаката с контуром Главного здания МГУ и обозначенным в нем пространством Музея земледения. В качестве отдельного популярного элемента антуража служит переносная плоскость с полноростовым изображением юного геолога в полевом снаряжении, имеющая отверстие для головы посетителя.

¹⁰ Вернадизм в современном университете. Опыт мобильно-сетевых научно-просветительских проектов.

¹¹ Захаров Е.Е., Иванов А.В. Интерактивная музеология и полевое естествознание в фильме «Братство научного творчества. Плавучий университет Владимира Вернадского» // Жизнь Земли. 2023. Т. 45. № 3. С. 407–420.

В качестве отдельной задачи на перспективу можно обозначить необходимость разработки комплекса сувенирной памятной продукции, в основе которой может быть задействован прежде всего доставленный из экспедиций раздаточный натурно-фактологический материал. Он может быть оформлен в соответствии с правилами брендинга проекта «молодежный музей», задействованных в нем подразделений университета и МГУ в целом.

Интерактивные новации от молодежного музея

Ранее нами получен позитивный опыт разработки и эффективного эксплуатирования ряда интерактивных площадок на мероприятии всероссийского Фестиваля науки в формате Тамбовского регионального узла молодежного музея, а также в режиме экспедиции «Флотилия плавучих университетов» («палеоэкологическая песочница», «препарировальный стол начинающего естествоиспытателя» и др.)¹². Для центральной площадки Фестиваля науки в кампусе МГУ разработан оригинальный комплекс интерактивных площадок, прошедших апробацию впервые.

«Колонка С.Н. Виноградского» — натурная презентация эволюции экосистем в реальном времени. В рамках всероссийского конкурса «Молодежь и музей» одним из призеров в номинации «Моя мечта в музейном пространстве» признан проект студентов географического факультета МГУ с участием школьников (руководитель А.Р. Строева, биологический факультет МГУ) по масштабированию «колонки С.Н. Виноградского» как экспоната в пространстве естественно-научного университетского музея. «Колонка (колонна) С.Н. Виноградского» представляет собой экспериментальную модель, визуализирующую взаимное расположение различных групп микроорганизмов в водоеме и, в то же время, может интерпретироваться как своеобразный «лабораторный микрокосм»¹³. «Колонка С.Н. Виноградского» разработана им в конце XIX в. при изучении серобактерий¹⁴ и используется в качестве инструмента для познания микробиологических и биогеохимических процессов, происходящих в водоемах. Этот метод позволяет наглядно представить взаимное расположение различных групп микроорганизмов и их взаимодействие в условиях градиента окислительно-восстановительных ус-

¹² Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Леонтович А.В., Колотилова Н.Н., Малёнкина С.Ю., Габдуллин Р.Р. Музейная выставка «Живое вещество в геосферах» к 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского // Жизнь Земли. 2023. Т. 45. № 3. С. 441–461.

¹³ Колотилова Н.Н. Вертикальные движения популяции фототрофных бактерий в лабораторном микрокосме. М., 2022.

¹⁴ Шлегель Г. История микробиологии. М., 2014. 304 с.

ловий: в верхней части колонки условия становятся анаэробными, а в нижней аэробными. «Колонка С.Н. Виноградского» имитирует процессы, происходящие в природном водоеме, и, как в естественной системе, многие параметры остаются неконтролируемыми. Тем не менее, изменяя определенные условия (количество ила, соотношение жидкой и твердой фаз, тип органического вещества, интенсивность и спектральный состав света), можно стимулировать развитие определенных групп микроорганизмов. Таким образом, «колонка С.Н. Виноградского» позволяет наблюдать сложные экосистемные процессы, недоступные человеческому глазу в обычных условиях, приближенные к естественным условиям водоемов (в особенности, связанные с циклами углерода и серы¹⁵, что особенно актуально для популяризации микробиологии и экологии, изучения состояния природных сред), проводить сравнение сообществ микроорганизмов в разных физико-географических условиях (например, между пресными и морскими системами), изучать трофические связи и сукцессии в контролируемых условиях¹⁶.

При создании колонки для Музея земледедения МГУ были использованы пробы воды и ила, специально отобранные из Андреевского пруда на территории Москвы, что обеспечивает реалистичное воспроизведение природных условий и позволяет наблюдать за живыми микробиологическими сообществами в действии. Исследование включало несколько этапов: отбор и анализ проб, создание и масштабирование «колонки С.Н. Виноградского», подготовку и передачу экспоната в Музей земледедения МГУ, разработку сопровождающих материалов (информационных панелей, эскизов, изображений). В ходе эксперимента с «колонкой С.Н. Виноградского» из проб Андреевского пруда в Москве продемонстрировано, как микробные сообщества (такие как гидролитики, анаэробы, сульфат-редукторы и фототрофные бактерии) развиваются и взаимодействуют в практически контролируемых условиях.

Для Музея земледедения МГУ созданный «живой экспонат» является конструктивным дополнением к существующим, позволяет актуализировать в музейном пространстве изучение и наглядную демонстрацию микробиологических и биогеохимических процессов в водоемах, развитие экосистем в реальном времени. Экспонат

¹⁵ Колотилова Н.Н. Вертикальные движения популяции фототрофных бактерий в лабораторном микрокосме. М., 2022.

¹⁶ Пошибаева А.Р. Микробиология и микробная биотехнология: лабораторные работы. М., 2020; Рытjikова Н.В., Сузько В.В., Строева А.Р. Масштабирование колонки Виноградского как музейного экспоната // Наука в вузовском музее. Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 19–21 ноября 2024 г.) / Отв. ред. А.В. Смуров. М., 2024. С. 197–198.

служит наглядным динамичным пособием при реализации образовательных программ музея и способствует популяризации науки, помогая посетителям лучше понять экологические и микробиологические процессы, предоставляя учащимся возможность изучать микробиологию и биогеохимию в контексте реальных природных явлений и подчеркивает важность фундаментальных исследований природных экосистем, их трансформаций и кризисных состояний, а также роли в глобальных биогеохимических циклах.

На Фестивале науки демонстрировались две «колонки Виноградского», временно перемещенные в Шуваловский корпус из Музея земледения, в совокупности с палеонтологическими образцами (строматолиты, онколиты и т.д.), что позволило интерактивно представить посетителю на конкретных объектах наиболее полную картину эволюции экосистем (на примере бактериальных сообществ) как в геологическом прошлом планеты, так и наблюдать в режиме реального времени на современных живых экспонатах.

Виртуальная экспедиция в геологическое прошлое Восточно-Европейской равнины на борту «Флотилии плавучих университетов». По итогам первого конкурса «Молодежь и музей» весной 2024 г. победителем в номинации «Моя мечта в музейном пространстве» признан проект «Действительные экспозиции через призму виртуальной реальности», посвященный актуальной проблеме вовлечения новых социальных групп посетителей в музейное пространство посредством технологий виртуальной реальности¹⁷. Согласно правилам конкурса, авторам и руководителю проекта предоставлена возможность воплотить его в пространстве Музея земледения МГУ при научном консультировании сотрудников МГУ. Результаты предварительного соцопроса обучающихся средней школы показали, что использование VR не только значительно повышает уровень вовлеченности посетителей, но и способствует более глубокому пониманию предмета, позволяя визуализировать сложные природные процессы и явления, не осязаемые учащимися

¹⁷ Белолуцкая А.К., Криштофик И.С., Гурин Г.Г., Головина А.В., Гринько И.А., Щербакова Т.В., Жабина Н.Г. Современные вызовы музейной педагогики и коммуникации: актуализация рефлексий посетителей // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 35–53; Ломовцева А.В., Рогожина А.А. Использование технологий виртуальной и дополненной реальности в деятельности музеев: отечественный и зарубежный опыт // Вестник МАЭ. 2023. № 13. С. 8–10; Павлова Е.В. Привлечение подростковой аудитории к деятельности музеев // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы. 30 лет кафедре культурологи и дизайна УрФУ. Материалы Всероссийского (с международным участием) научно-методического семинара (Екатеринбург, 17–19 марта 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 209–214.

(например, тектоника плит или эволюция ландшафтов). Участники опроса отметили, что интерактивный формат обучения помогает преодолеть традиционные барьеры восприятия информации и создать более насыщенное образовательное пространство. Идея и актуальность проекта связаны с изучением возможностей использования технологий виртуальной реальности для повышения интерактивности взаимодействия посетителя естественнонаучного музея и обеспечения большей доступности для восприятия тематических экспозиций и отдельных музейных предметов. Таким образом, применение технологий виртуальной реальности, безусловно, представляет собой весьма перспективный и инновационный подход к привлечению подростковой аудитории, позволяя создать интерактивный и увлекательный формат обучения, который значительно отличается от традиционных методов¹⁸.

В результате серии рабочих совещаний авторов проекта и сотрудников Музея земледения выработана концепция воплощения. Оптимальным пространством для пилотной версии определена одна из ниш зала 21 (Восточно-Европейская (Русская) равнина и ее обрамление) на 24 этаже Главного здания МГУ. В нише планируется разместить «рабочее место» для пользования виртуальными очками, а в перспективе и более сложной техникой. Помимо региональной связи виртуального контента с тематикой зала 21 Музея земледения (Восточно-Европейская равнина), также предусмотрена привязка к конкретным объектам — предлагаемые посетителю фрагменты видео посвящены истории поиска и отбора расположенного в зале экспоната (серии экспонатов), особенностям местонахождения и полигона исследований экспедиции. Таким образом, посетитель получает возможность участия в «виртуальном полевом маршруте», продукт которого в виде экспонатов видит в реальности в конкретном зале музея. Отметим, что такие новации логично вписываются и в разрабатываемую сегодня систему «Предложений по модернизации зала 21 (Восточно-Европейская равнина)», в которой, в частности, предусматривается «вживление» в существующую ткань экспозиции серии экспериментальных площадок молодежного музея.

В непосредственной близости в пространстве этого же зала постоянно экспонируется еще один продукт, созданный другими призерами конкурса «Молодежь и музей», — две «колонки С.Н. Виноградского». Со временем планируется его также интегрировать

¹⁸ Щербакова А., Копелянская Н. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. М., 2012; Усенков Д.Ю. Виртуальная реальность // КИО. 2006. № 5. С. 76–77; Денисова С.В., Слесарев Д.А. Действительные экспозиции через призму виртуальной реальности // Наука в вузовском музее. С. 183–185.

в создаваемую виртуальную систему. В перспективе возможно создание посредством виртуальной реальности целостной виртуальной экспедиции Музея земледования «Флотилия плавучих университетов» как системы виртуальных маршрутов посетителя по разным залам.

Изначально была поставлена задача помимо стационарного постоянно действующего «виртуального кластера» в зале Музея земледования разработать мобильный вариант представления проекта и апробировать его на Всероссийском фестивале науки. Для этого выносной павильон Музея земледования в Шуваловском корпусе МГУ был оснащен «виртуальными очками», пользуясь которыми посетители фестиваля «отправлялись в экспедицию» по маршрутам «Флотилии плавучих университетов» последних лет и увидели места находок, включились в процесс их обнаружения и извлечения, погрузки на научно-исследовательское судно и т.д. Авторы виртуального проекта как победители конкурса «Молодежь и музей» при этом выполняли функцию проводников и попутчиков в «виртуальном полевом маршруте».

На сегодняшний день начинающими исследователями при научном кураторстве сотрудников Музея земледования МГУ в рамках проекта разработаны:

1. Логотип виртуального проекта — «глаз земной».
2. Эскиз-план пространства для реализации проекта с учетом конфигурации выделенного места в зале Восточно-Европейской (Русской) равнины (рабочее место сидячее, ролап и т.д.).
3. Макет ролапа оптимальной размерности и конструкции; осуществлено куэр-кодирование с вынесением на ролап, отсылающее пользователя к разделу сайта Музея земледования МГУ с информацией о проекте.

Особым видом работы стало создание базового контента для «загрузки в очки», который в итоге представляет собой соответствующим образом обработанные сюжеты научно-популярных фильмов, созданных экспедицией «Флотилия плавучих университетов» по Поволжью. В качестве наиболее показательных смонтированы два сюжетных фрагмента, объединяющие серии эпизодов научно-популярных фильмов, снятых «Флотилией плавучих университетов» в рамках проекта «Плавучая медийная школа». Основной установкой стало создать контент, погружающий посетителя музея в атмосферу экспедиции, внедряющий его в систему полевых исследований на конкретных природных объектах с участниками экспедиции — учеными, студентами и учащимися школ. Особо это важно в плане синхронизации поколений как посетителей, так и участников «Фло-

тели или плавучих университетов» (героев контента) на основе понимания «молодежности» в широком смысле как стремления к активному образу жизни, познанию себя и окружающего мира, постоянному экспериментаторству, смелости в освоении новых технологий и позитивному взгляду в будущее.

Первый под общим названием «Знакомство с Флотилией плавучих университетов» включает ряд эпизодов научно-популярного фильма «Братство научного творчества. Плавучий университет Владимира Вернадского» (режиссер Е.Е. Захаров, продюсер А.В. Иванов)¹⁹.

1. Показаны уникальные геобъекты, в частности памятник природы «Камышинские Уши» — общий вид, разрез, геологическое строение, научно-просветительское мероприятие с местным населением. Локация — Камышинские Уши (Волгоградская область). Интервал 09.28–11.36. Смысловая привязка к центру зала 21 Музея земледения, где представлены крупные фрагменты стволов древесных растений палеогеновых лесов.

2. Показан известный разрез верхнего мела «Нижняя Банновка», циклы М. Миланковича, процесс отбора образцов поинтервально для исследований, изучение разреза в режиме учебного маршрута студенческой практики. Локация — район села Нижняя Банновка Саратовской области. Интервал 11.40–12.59. Смысловая привязка — к витрине зала 21 «Взаимодействие геосфер — сюжеты из архива стратисферы» (разработана совместно с Р.Р. Габдуллиным).

3. Показаны разрез палеоцена, устричные слои, отбор музейных экспонатов — скоплений раковин пикнодонтных устриц. Локация — село Нижняя Добринка Волгоградской области, берег Волги. Интервал 13.00–14.15. Смысловая привязка к одной из витрин зала 21 Музея земледения. Подобные экспонаты представлены также в кластере Молодежного музея в Гимназии МГУ и в Тамбовском региональном кластере молодежного музея.

4. Показан разрез нижнего мела, процесс литофагии — поедание современными животными геологического субстрата, процесс отбора музейных образцов и проб для исследований. Локация — долина реки Арчеды, впадающей в Дон (Волгоградская область). Интервал 14.18–15.55. Смысловая привязка — витрина зала 21 Музея земледения «Взаимодействие геосфер — сюжеты из архива стратисферы» (разработана совместно с Р.Р. Габдуллиным). Подобные экспонаты представлены также Тамбовском региональном кластере молодежного музея.

¹⁹ Захаров Е.Е., Иванов А.В. Интерактивная музеология и полевое естествознание в фильме «Братство научного творчества». С. 407–420.

5. Показано известное обнажение палеогена, изучение разреза в режиме учебного маршрута студенческой практики, отбор музейных образцов в лодку и драматическая погрузка на судно. Локация — район хутора Ионов Волгоградской области, берег Волги. Интервал 30.33–32.04. Один из отобранных в эпизоде экспонатов — грибовидное тело (знаменитые «караваи», описанные первоначально примерно в этом районе П.С. Палласом) расположено в зале 21 Музея земледения.

Второй блок контента (сюжетный фрагмент) подготовлен на основе материалов научно-популярного фильма «Путешествие в мир Лукоморья» (режиссер Е.Е. Захаров, продюсеры И.А. Яшков, А.В. Иванов) задействованы два соединенных эпизода (интервалы 06.48–7.39 и 9.14–10.37), снятых в районе поселка Красный Октябрь близ г. Саратова. Показан разрез палеоценовых отложений, местонахождение палеоценовой флоры, отбор и упаковка фрагмента ствола растения. Обеспечена смысловая привязка к центру зала 21, где представлены крупные фрагменты стволов древесных растений палеогеновых лесов.

Экспедиционно-лабораторный познавательный практикум «Космические следы на Земле» создан благодаря сотрудничеству проекта «молодежный музей» со специальным проектом Университетской гимназии МГУ «Влияние космического материала на минералогический состав и морфогенетические свойства почв» (руководитель Е.Ю. Погожев). Участниками проекта проведены комплексные натурные исследования берега Горьковского водохранилища в районе г. Пучеж (Ивановская область), отобраны образцы почв, красноцветных глин и ударно-дислоцированных горных пород (в пределах Пучеж-Катунского метеоритного кратера) для дальнейшего изучения химического и минералогического состава, составлено описание растительного покрова и почвы. Перед началом работ, с целью определения границ ландшафтных структур, проведено дешифрирование космических снимков²⁰. Также в течение полевого сезона 2024 г. М.А. Винником, А.В. Ивановым, Е.Ю. Погожевым с коллегами и студентами Тамбовского ГТУ в рамках экспедиции «Флотилия плавучих университетов» проведены исследования почв в районе Саратовского метеоритного дождя на предмет выявления космического вещества.

²⁰ Челик Д.Ч., Ким В.В., Ионенко Д.Р., Кутманов А.А. Характеристика почвенно-растительного покрова Пучеж-Катунского кратера // Наука в вузовском музее. С. 199–201; Шафикова А.А., Немчинов В.М., Пускозёрва Д.А. Пучеж-Катунский кратер — крупнейшая астроблема России // Наука в вузовском музее. С. 202–203.

На интерактивной площадке учащиеся Университетской гимназии МГУ предлагали посетителям Фестиваля науки ознакомиться с результатами исследований собранных материалов, совместно детально рассмотреть с помощью оптики «сферулы» космического вещества в пробах. Это служило хорошим логическим поводом затронуть глобальную систему классификации вещества В.И. Вернадского, в которой, как известно, таксон «космического вещества» занимает отдельное место. Продолжить разговор на эти темы стимулировали коллекция импактитов на выставке в павильоне Музея земледения, а также научно-популярные лекции М.А. Винника и Е.Ю. Погожева, посвященные именно этой тематике.

Историческая тематика в молодежном музее и ее отражение на выставке на Фестивале науки

Отдельно следует сказать об отражении исторической тематики в молодежном музее. В рамках музея можно выявить два пласта соответствующей информации.

Первый — история науки — сопровождает естественно-научную часть и касается биографий деятелей науки, истории отдельных открытий, судеб конкретных выставочных экспонатов. В 2024 г. в рамках Фестиваля науки отдельно тема истории науки была затронута в докладе В.П. Богданова (исторический факультет МГУ) «Свидетели наполеоновских войн: европейские и русские ученые конца XVIII — начала XIX в.».

Второй отражает вехи истории самого учебного заведения, в нашем случае — Московского университета. Тем более, что история Московского университета неразрывно связана с историей музейного дела (ГМИИ им. А.С. Пушкина, Политехнический музей и др. выделились из состава Московского университета или появились при его непосредственном участии).

Фестиваль науки позволяет посетителям видеть выставки, посвященные разным научным направлениям. На протяжении уже долгого времени (и 2024 г. не стал исключением) стенды Музея земледения и кафедр археологии и этнографии исторического факультета находятся рядом. На этажах факультета в рамках Фестиваля науки открыты одноименные музеи. Кроме того, в этом году был открыт Музей исторического факультета, информация о котором также была представлена на стендах исторического факультета.

В этой связи следует понимать, что историческая тематика молодежного музея выполняет *воспитательную* и *патриотическую* функции, поскольку неразрывно связаны не только с профессиональной подготовкой учащихся (служение Отечеству с использова-

нием профессиональных компетенций), а также *просветительскую* и *представительскую*, поскольку является пропагандой достижений учебного заведения²¹.

Выводы

1. В формате научно-просветительского университетского мероприятия, организуемого по принципам Фестиваля науки, прослеживается: а) сетевое взаимодействие узлов в рамках фестивального действия демонстрирует единство университета, научного знания и стремления молодежи к постижению научной картины мира; б) осуществляется помощь в трансляции знаний, стирание границ поколений при помощи молодых участников проекта с совсем юными посетителями — от научного сотрудника к школьной молодежи; в) имеет место добавление эмоционального окраса научно-просветительского процесса, в частности, путем рассказов и демонстрации с помощью технических средств личного участия молодых участников проекта в экспедиции «Флотилия плавучих университетов», в формировании интерактивных площадок, разработке новаций «в тренде» современных молодежных субкультур.

2. Система площадок, представленных молодежным музеем на Фестивале науки в соответствии с его ключевыми формулами «прикоснись к науке», «наука вокруг нас» и др., не только предоставляет посетителю возможность получить интересную новую информацию и приобщиться к различным экспериментальным естественно-научным объектам, познакомиться с интересными людьми — учеными и начинающими исследователями, но и расширяет геонаучную картину мира, демонстрируя наглядно и популярно ключевые концептуальные основы современных геоглобалистических представлений: механизмы взаимодействия геосфер, палеоклиматическую и палеоастрономическую ритмичность (посетителем обнаруживается удивляющая многих связь с палеоэкологическими исследованиями), необходимость изучать кризисы геологического прошлого, чтобы человечество «не повторило судьбу динозавров»²². Благодаря прикосновению к «космическому веществу» осязается образ планеты как открытой системы, посредством «VR экспедиции» осваиваются виртосферные механизмы. Посетителем невольно осознаются

²¹ Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П. Мобильно-сетевой молодежный музей Московского университета — контуры концепции и принципы развития на этапе становления // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 3. С. 11.

²² Снакин В.В., Смуров А.В., Иванов А.В., Габдуллин Р.Р., Колотилова Н.Н. Глобализация и музейное дело: естественно-научные, экспозиционные и образовательные аспекты // Век глобализации. 2024. № 3(51). С. 132–141.

и более общие глобалистические установки — принцип планетарного единства, соотношение регионального и глобального, глокальность и др.

3. Целесообразно разработать специальную базовую коллекцию натурфактов и артефактов для представления в мобильном режиме на научно просветительских мероприятиях формата Фестиваля науки в режиме мобильной выставки, сопроводив ее детальным фотокаталогом и научно-методической инструкцией для модератора.

References

Belolutsкая A.K., Krishtofik I.S., Gurin G.G., Golovina A.V., Grin'ko I.A., Shcherbakova T.V., Zhabina N.G. *Sovremennye vyzovy muzeinoy pedagogiki i kommunikatsii: aktualizatsiya refleksii posetiteley* [Contemporary Challenges of Museum Pedagogy and Communication: Actualizing Visitor Reflection] // *Vestnik antropologii*. 2023. N 2. P. 35–53.

Chelik D.Ch., Kim V.V., Ionenko D.R., Kutmanov A.A. *Kharakteristika pochvenno-rastitel'nogo pokrova Puchezh-Katunskogo kratera* [Characteristics of the Soil-Vegetation Cover of the Puchezh-Katunki Crater] // *Nauka v vuzovskom muzeey. Materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva, 19–21 noyabrya 2024 g.)* [Science in the University Museum. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation (Moscow, November 19–21, 2024)] / Ed. by A.V. Smurov. Moscow: MAKS Press, 2024. P. 199–201.

Denisova S.V., Slesarev D.A. *Deistvitel'nye ekspozitsii cherez prizmu virtual'noy real'nosti* [Actual Exhibitions through the Prism of Virtual Reality] // *Nauka v vuzovskom muzee. Materialy ezhegodnoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva, 19–21 noyabrya 2024 g.)* [Science in the University Museum. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation (Moscow, November 19–21, 2024)] / Ed. by A.V. Smurov. Moscow: MAKS Press, 2024. P. 183–185.

Grin'ko I.A., Shcherbakova T.V., Golovina A.V., Zhabina N.G., Gurin G.G. *Predstavleniya pedagogov, muzeinykh rabotnikov i roditeley obuchayushchikhsya ob obrazovatel'nom potentsiale muzeinykh prostranstv Moskvy* [Perceptions of Teachers, Museum Professionals, and Parents of Students about the Educational Potential of Moscow's Museum Spaces] // *Vestnik MGPU. Series "Pedagogika i psikhologiya"*. 2023. Vol. 17. N 1. P. 134–153.

Ivanov A.V., Smurov A.V., Snakin V.V., Bogdanov V.P. *Mobil'no-setevoy molo-dezhnyy muzey Moskovskogo universiteta — kontury kontseptsii i printsipy razvitiya na etape stanovleniya* [The Mobile-Network Youth Museum of Moscow University: Conceptual Framework and Development Principles in Its Formative Stage] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. Istorii*. 2024. Vol. 65. N 3. P. 3–24.

Ivanov A.V., Yashkov I.A. *Pribezchnyye geoeosistemy paleogena Povolzh'ya i Zapadnoy Sibiri: putevoditel' i katalog vystavki "Drevneye Lukomor'ye"* [Coastal Geoeosystems of the Paleogene in the Volga Region and Western Siberia: Guide and Catalogue of the Exhibition "Ancient Lukomor'ye"]. Moscow: Nauka, 2022. 202 p.

Ivanov A.V., Yashkov I.A., Grachev V.A., Pleva I.R., Smurov A.V., Sochivko A.V., Snakin V.V. *Evolutsionnaya urbanistika Povolzh'ya i Prikaspiya v muzeynom prostranstve. Issledovaniya setey poseleniy v ramkakh proekta "Flotiliya plavuchikh universitetov"*. Putevoditel' i katalog sovmestnykh ekspozitsiy Muzeya yestestvoznaniya Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni Yu.A. Gagarina i Muzeya zemlevedeniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova [Evolutionary Urban Studies of the Volga and Caspian Regions in the Museum Space. Settlement Network Research within the Project Flotilla of Floating Universities. Guide and Catalogue of Joint Exhibitions of the Museum of Natural Science of Yuri Gagarin Saratov State Technical University and the Museum of Earth Science of Lomonosov Moscow State University] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; MAKSPRESS, 2020. 100 p.

Ivanov A.V., Yashkov I.A., Smurov A.V., Snakin V.V., Kolotilova N.N., Kozachek A.V., Maksimova E.E. *Mobil'nye vystavki v nauchno-prosvetitel'skoy ekspeditsii kak draiver razvitiya molodezhnogo muzeya: opyt "Flotilii plavuchikh universitetov"* [Mobile Exhibitions in a Scientific and Educational Expedition as a Driver of Youth Museum Development: The Experience of the Flotilla of Floating Universities] // *Zhizn' Zemli*. 2023. Vol. 45. N 4. P. 573–583.

Ivanov A.V., Yashkov I.A., Zakharov E.E. *Ekspeditsii po Povolzh'yu i Prikaspiyu. Etyudy poloviny tysyacheletiya. Ot pervykh puteshestvennikov do "Flotilii plavuchikh universitetov"* [Expeditions in the Volga and Caspian Regions. Sketches of Half a Millennium. From the First Travelers to the Flotilla of Floating Universities]. Moscow: Russkii Mir, 2021. 224 p.

Kolotilova N.N. *Vertikal'nye dvizheniya populiatsii fototrofnikh bakteriy v laboratornom mikrokosme* [Vertical Movements of Phototrophic Bacterial Populations in a Laboratory Microcosm] // *Zhizn' Zemli*. 2022. Vol. 44. N 3. P. 377–382.

Lomovtseva A.V., Rogozhina A.A. *Ispol'zovaniye tekhnologiy virtual'noy i dopolnennoy real'nosti v deyatelnosti muzeyev: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [The Use of Virtual and Augmented Reality Technologies in Museum Activities: Domestic and International Experience] // *Vestnik MAE*. 2023. N 13. P. 8–10.

Pavlova E.V. *Privlecheniye podrostkovoy auditorii k deyatelnosti muzeyev* [Engaging Teenage Audiences in Museum Activities] // *Sovershenstvovaniye gumanitarnykh tekhnologiy v obrazovatel'nom prostranstve vuza: faktory, problemy, perspektivy*. 30 let kafedre kul'turologii i dizayna UrFU. Materialy Vserossiyskogo (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-metodicheskogo seminara (Ekaterinburg, 17–19 marta 2021 g.) [Improving Humanitarian Technologies in the Educational Space of the University: Factors, Problems, Prospects. 30 Years of the Department of Cultural Studies and Design of UrFU. Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Scientific and Methodological Seminar (Ekaterinburg, March 17–19, 2021)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. P. 209–214.

Popova L.V., Pikulenko M.M. *Sovremennyye tendentsii muzeynoy pedagogiki* [Contemporary Trends in Museum Pedagogy] // *Zhizn' Zemli*. 2015. Vol. 37. P. 278–282.

Poshibayeva A.R. *Mikrobiologiya i mikrobnaya biotekhnologiya: laboratornye raboty* [Microbiology and Microbial Biotechnology: Laboratory Exercises]. Moscow: RGU nefti i gaza (NIU) imeni I.M. Gubkina, 2020. 68 p.

Rytikova N.V., Suz'ko V.V., Stroyeva A.R. *Masshtabirovaniye kolonki Vinogradskogo kak muzeynogo eksponata* [Scaling the Winogradsky Column as a Museum Exhibit] // *Nauka v vuzovskom muzeye. Materialy yezhegodnoy Vserossiyskoi nauchnoy*

konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva, 19–21 noyabrya 2024 g.) [Science in the University Museum. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation (Moscow, November 19–21, 2024)] / Ed. by A.V. Smurov. Moscow: MAKS Press, 2024. P. 197–198.

Samarina N.G. *Formy deiatel'nosti vuzovskikh muzeyev* [Forms of Activity in University Museums] // *Vestnik RGGU. Series "Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya"*. 2008. N 10. P. 273–278.

Shafikova A.A., Nemchinov V.M., Puskozerova D.A. *Puchezh-Katunskiy krater — krupneyshaya astrolema Rossii* [The Puchezh-Katunki Crater as the Largest Astrobleme in Russia] // *Nauka v vuzovskom muzeye. Materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva, 19–21 noyabrya 2024 g.)* [Science in the University Museum. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation (Moscow, November 19–21, 2024)] / Ed. by A.V. Smurov. Moscow: MAKS Press, 2024. P. 202–203.

Shcherbakova A., Kopelyanskaya N. *Muзей kak prostranstvo obrazovaniya: igra, dialog, kul'tura uchastiya* [The Museum as a Space of Education: Play, Dialogue, and the Culture of Participation] / Ed. by A. Shcherbakova; comp. by N. Kopelyanskaya. Moscow: [s. n.], 2012. 176 p.

Shlegel' G. *Istoriya mikrobiologii* [History of Microbiology]. Moscow: Editorial URSS, 2014. 304 p.

Smurov A.V. *Vuzovskie i akademicheskiye muzei Rossii v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve* [University and Academic Museums of Russia in the Contemporary Socio-Cultural Space] // *Zhizn' Zemli*. 2020. Vol. 42. N 3. P. 262–270.

Snakin V.V., Smurov A.V., Ivanov A.V., Gabdullin R.R., Kolotilova N.N. *Globalizatsiya i muzeynoe delo: yestestvenno-nauchnye, ekspozitsionnye i obrazovatel'nye aspekty* [Globalization and Museology: Natural-Scientific, Exhibition, and Educational Aspects] // *Vek globalizatsii*. 2024. N 3 (51). P. 132–141.

Trofimov V.T., Korolev V.A. *K razrabotke nomologicheskikh osnov ekologicheskoy geologii* [Toward the Development of Nomological Foundations of Ecological Geology] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 4. Geologiya*. 2024. N 4. P. 3–10.

Usenkov D.Yu. *Virtual'naya real'nost'* [Virtual Reality] // *Kompyuternye instrumenty v obrazovanii*. 2006. N 5. P. 76–77.

Vernadizm v sovremennom universitete. Opyt mobil'no-setevykh nauchno-prosvetitel'skikh proyektov [Vernadism in the Contemporary University: Experience of Mobile-Network Scientific and Educational Projects] / Ivanov A.V., Kozachek A.V., Bredikhin V.E., Strulev S.A., Bepal'ko N.E., Baturin Yu.M., Volikova I.A., Zakharov E.E., Kolotilova N.N., Krasnyanskiy M.N., Molotkova N.V., Muromtsev D.Yu., Snakin V.V., Suzyumov A.V., Tishkov A.A., Yashkov I.A. / Ed. by A.V. Ivanov, A.V. Kozachek. Moscow; Tambov: Izdatel'skii tsentr TGT, 2023. 200 p.

Zakharov E.E., Ivanov A.V. *Interaktivnaya muzeologiya i polevoye yestestvoznaniye v fil'me "Bratstvo nauchnogo tvorchestva. Plavuchiy universitet Vladimira Vernadskogo"* [Interactive Museology and Field Natural Science in the Film "The Brotherhood of Scientific Creativity. Vladimir Vernadsky's Floating University"] // *Zhizn' Zemli*. 2023. Vol. 45. N 3. P. 407–420.

Поступила в редакцию
14 декабря 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-123-137

Т.М. Гавристова

КОЛОНИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ФОРМАТЕ НИГЕРИЙСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА

T.V. Gavristova

COLONIAL MENTALITY IN THE NIGERIAN FRAUD FORMAT

Аннотация. Колониализм как явление на протяжении длительного времени рассматривался в контексте европейских исследований. В последние десятилетия в его изучение включились африканские авторы. В центре их внимания оказались проблемы трансформации идентичности, напрямую связанные с наследием колониального прошлого. Предметом исследования в данной статье является колониальная ментальность — «колониальность» (как назвал ее выдающийся нигерийский музыкант Фела Аникулапо Кути (1938–1987), акцентировавший внимание на том, что рано или поздно она может обрести антиколониальный характер). Колониальная ментальность — продукт сравнительно короткого исторического периода, и в историко-культурном контексте применительно к Нигерии она может рассматриваться как часть национальной и индивидуальной идентичности. По сути, она стала «ответом» на «вызов» колониальных властей, результатом реализации предпринятой ими цивилизаторской миссии, направленной на просвещение чернокожих «дикарей». Обратной стороной процесса стало разрушение прежней — афроцентричной — эпистемологии и ментальности, а вместе с ними и афроцентричной картины мира. Параллельно с обращением к европейским ценностям шло навязывание и при-

Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Gavristova Tatiana Mikhaylovna, Doctor in History, Professor, Department of General History, Faculty of History, Demidov Yaroslavl State University

tanja1994@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3390-6960

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00439 «История Африки: от колониального к постколониальному дискурсу»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00439 “African History: From Colonial to Postcolonial Discourse”).

нятие двойных стандартов, формировалась склонность к паразитическому существованию, насаждались сегрегация и насилие. Как следствие, в границах колониальной ментальности проявилось два вектора развития — положительный и отрицательный. В Нигерии в постколониальный период они нашли отражение в актуализации присущей местным жителям творческой энергии, воплотившейся, с одной стороны, в динамичное развитие литературы, публицистики, науки, предпринимательства, а с другой — в эволюцию протестных настроений, которые обрели форму махинаций и мошенничества. С середины 1970-х гг. они претерпели значительную эволюцию, обнаружив при этом сходство с традиционной карнавальной культурой, лицедейством, игрой. На рубеже XX–XXI вв. Нигерия обрела устойчивую репутацию одной из самых криминальных стран мира, а нигерийское мошенничество — как часть колониальной и одновременно национальной ментальности — превратилось в один из своеобразных брендов, точнее антибрендов, Нигерии.

Ключевые слова: Нигерия, колониализм, коломентальность, трикстер, деколонизация, идентичность, афера, «419», кибермошенничество.

Abstract. Colonialism, as a phenomenon, has long been studied within the context of European research. In recent decades, African authors have also engaged in its study, focusing particularly on the transformation of identity, which is directly linked to the legacy of colonial history. This article examines colonial mentality or “colomentality” (as coined by the renowned Nigerian musician Fela Anikulapo Kuti (1938–1987)), who emphasized that, sooner or later, it may take on an anti-colonial character. Colonial mentality is a product of a relatively short historical period and, in the historical and cultural context of Nigeria, it can be considered an integral part of both national and individual identity. Essentially, it became a “response” to the “challenge” posed by colonial powers, a result of their civilizing mission, which aimed to enlighten the “savage” black populations. The flip side of this process was the destruction of the previous Afrocentric epistemology and mentality, along with the Afrocentric worldview. Alongside the embrace of European values, there was the imposition and acceptance of double standards, the development of a tendency toward parasitic existence, and the institutionalization of segregation and violence. As a result, within the bounds of colonial mentality, two vectors of development emerged — both positive and negative. In post-colonial Nigeria, these vectors were reflected in the revitalization of the creative energy of the local population, which manifested, on the one hand, in the dynamic development of literature, journalism, science, and entrepreneurship, and on the other, in the evolution of protest movements, which took the form of schemes and fraud. Since the mid-1970s, these movements underwent significant evolution, revealing a resemblance to traditional carnival culture, acting, and play. By the turn of the 21st century, Nigeria had gained a notorious reputation as one of the most criminally corrupt countries in the world, and “Nigerian fraud” — as both a colonial and national mentality — became one of the country’s peculiar “brands” — or rather, an anti-brand.

Keywords: Nigeria, colonialism, colo’mentality, trickster, decolonization, identity, scam, 419, cyber fraud.

Колониальная ментальность — продукт сравнительно короткого исторического периода. По сути, она стала «ответом» на «вызов» колониальных властей. В процессе ее формирования с обеих сторон наряду с очевидным намерением метрополий приобщить жителей колоний (преимущественно насильственным путем через воспитание и обучение) к европейским ценностям наблюдались навязывание двоемыслия и принятие двойных стандартов, склонность к паразитическому существованию и проявление сегрегации и насилия.

Колониализм, по мнению нигерийского ученого Аде Аджайи, был «эпизодом» в истории Африки¹. Однако его воздействие затронуло практически все сферы жизни континента: экономику и политику, управление и судопроизводство, системы воспитания и образования. Африканцы воспринимали инновации с энтузиазмом и/или скептически, но в большинстве своем сумели приспособиться и даже противостоять влияниям извне.

Воздействие колониализма было направлено на создание новой — евроцентричной — модели развития и может рассматриваться как разновидность культурного транзита. Его оборотной стороной стало разрушение прежней — афроцентричной — картины мира и создание новой — в определенном смысле амбивалентной — ментальности. В результате африканцы оказались отлучены от своей собственной — аутентичной — и мировой (глобальной) истории и культуры, а тезис Карла Маркса о том, что «они (субальтерны. — Т.Г.) не могут представлять себя, их должны представлять другие», выдвинутый в эссе «18 Брюмера Луи-Бонапарта»² (1852), обрел «второе дыхание». Африканцев в западных исследованиях, как правило, позиционировали как людей «без истории» (или «вне истории») в силу непохожести на европейцев. Неудивительно, что американский интеллектуал палестинского происхождения Эдвард Вади Саид, подвергший критике западные концепции Востока и отчасти Африки, избрал слова К. Маркса в качестве эпиграфа к своей книге «Ориентализм» (1978)³.

В ходе реализации европейцами цивилизаторской миссии удар был нанесен по системе традиционных знаний и ценностей, фор-

¹ Ajayi J.F.A. Colonialism: an episode in African history // Colonialism in Africa. 1870–1960. Vol. I. The History and Politics of Colonialism. 1870–1914. Cambridge, 1969. P. 497–510.

² Маркс К. 18 Брюмера Луи-Бонапарта. — URL: <https://www.litres.ru/book/karl-marks/vosemnadcatoe-brumera-lui-bonaparta-65857342/chitat-onlayn/> (дата обращения 20.10.2024)

³ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб, 2006. С. 7.

мирующих образ жизни и стиль мышления, что способствовало их маргинализации и даже вульгаризации в постколониальный период. Одним из первых на это обратил внимание Ачилл Мбембе в своем ставшем хрестоматийным сборнике эссе «О постколонии»⁴ (2001 г.), частично переведенном на русский язык⁵.

А. Мбембе зафиксировал признаки криминализации в самых разнообразных сферах и структурах стран Африки на рубеже столетий, подчеркнув еще и характерную склонность участников разного рода афер к лицедейству. В ХХI в. масштабы мошенничества в области экономики, политики, культуры, социальной сферы развились вширь и глубь, охватив практически все категории населения: от представителей власти до жителей компаундов, склонных осознанно и неосознанно копировать образ жизни и модель поведения колониальной элиты и государственных служащих — всех тех, кто существовал за счет других.

Нигерия — «африканский гигант», «Африка в миниатюре» — сосредоточила в себе весь спектр противоречий и проблем, связанных с проявлениями колониальной ментальности на уровне различных этносов, конфессий, социальных слоев. Тем более что колониализму в Западной Африке предшествовал гораздо более продолжительный период трансатлантической работорговли. Параллельно с захватом людей и их обращением в рабство в регионе велось распространение христианства, чему активно противостояли мусульмане, отчасти заинтересованные в сотрудничестве с работорговцами и получавшие от них свою долю прибыли.

На территории Нигерии возникали невольничьи рынки, а крупнейшие центры торговли рабами, такие как Лагос и Бодагри, позднее стали если не колыбелью, то кузницей колониального менталитета. Геном, или «синдром рабства» передавался из поколения в поколение⁶, формируя совокупный набор черт, помогающих выживать в любых условиях, о чем неоднократно упоминал один из самых авторитетных исследователей Африки, историк Али Мазруи, автор монографии «Африканцы: тройное наследие»⁷ и одноименного документального фильма.

Складывание колониальной ментальности происходило на фоне предпринимаемых британскими властями усилий, направленных

⁴ Mbembe A. On the Postcolony. Berkeley, 2001.

⁵ Мбембе А. Эстетика вульгарности // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 22–57.

⁶ «Черное наследие»: африканцы и их потомки в исторической памяти США. М., 2024. С.182..

⁷ Mazrui A. The Africans: A Triple Heritage. Boston; Toronto, 1986.

на объединение в 1914 г. двух протекторатов — Южной и Северной Нигерии — в один. Его целью было использование избыточных ресурсов Юга для совершенствования управления Севером, что повлекло за собой вековое противостояние и конфликты, региональные и этно-конфессиональные. В ходе них (на перекрестке эпох, в процессе перехода от колониализма к независимости) шло формирование нигерийской идентичности с ее особой ментальностью, выраженной в активизации и актуализации творческого начала. Проявлялось оно по-разному, способствуя, с одной стороны, динамичному развитию литературы, музыки, изобразительного искусства, науки, предпринимательства, а с другой — приумножая существовавшие ранее варианты иррационального поведения, в том числе виктимного и девиантного. Как следствие, Нигерия обрела репутацию крупнейшей литературной державы, государства с динамично развивающейся диверсифицированной экономикой, обладающего — ко всему прочему — устойчивыми позициями в рейтингах стран, лидирующих по уровню преступности, занимая в 2021 г. — 16-е, а в 2022 г. — 19-е место⁸.

Коррупция и местничество, наркоторговля и спекуляция, аферы разного рода, включая «нигерийские письма» («419»), получившие название по номеру статьи в уголовном кодексе Нигерии, предусматривающей суровые наказания, в XXI в. нашли своих исследователей. В их числе ученые, специализирующиеся в области истории, экологии, психологии, права: Гэри Бэйнс⁹, Чарльз Тайв¹⁰, Дэниэл Джордан Смит¹¹, Осейн Публизibe¹², Фареда Банда¹³ и др. Однако первенство в освещении и изучении указанных проблем принадлежит писателям — «детям», а теперь уже и «внукам Геродота»¹⁴, изначально возложившим на себя миссию фиксации событий и явлений прошлого и настоящего.

В художественной литературе и публицистике детально описаны многочисленные виды и практики плутовства, юродства, мошенничества. Примером могут служить повести «Данда» (1964) и «Рыбаки» (2015), вышедшие с промежутком в полвека. Они стали

⁸ <https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index>

⁹ *Nigerian Scams Revisited* / Ed. by G. Baines. New York, 2002.

¹⁰ *Tive Ch. 419 Scam: Exploits of the Nigerian Con Man*. New York, 2006.

¹¹ *Smith D. J. A Culture of Corruption: Everyday Deception and Popular Discontent in Nigeria*. Princeton, 2008.

¹² *Pulizibe O. The Nigeria SCAM Billion Dollar Business* Kindle Edition. ASIN, 2025.

¹³ *Banda F. African Migration, Human Rights and Literature*. London, 2020.

¹⁴ «Дети Геродота» — так называлась лекция Воле Шойинки, с которой он объехал немало стран. Автор статьи присутствовала на одной из них в Университете Южной Африки (UNISA) в Претории (ЮАР) в январе 2012 г.

блестящим литературным дебютом Нкема Нванкво (1936–2001) и Чигози Обиомы (род. в 1986 г.) соответственно. В жанре притчи оба автора апеллировали к одним и тем же архетипам, к устным историям, очерчивая границы колониальной и постколониальной ментальности и ее возможных проявлений.

Данда — типичный маргинал, «чужаковатый деревенский парень»¹⁵, неуч, плут, как все трикстеры, склонный к карнавализации происходящих вокруг него событий. Жизнь для него — игра; он живет по наитию, противопоставляя себя обществу, заигрывает с миссионерами, пренебрегает любыми обязательствами, исходящими от семьи, церкви, властей¹⁶.

Герои повести Ч. Обиомы — дети: братья, нарушившие отцовский запрет. Услышав обращенное к ним пророчество безумца, они совершают преступления (одно за другим!) и таким образом способствуют краху семьи и семейного благополучия¹⁷. Ситуация типична для современной Нигерии.

В центре внимания авторов находится разрушение традиционных устоев под влиянием извне и изнутри. И если Н. Нванкво фиксирует появление, пусть пассивного, но протеста, направленного как против колониальных, так и против патриархальных порядков, Ч. Обиома описывает ситуацию абсолютной дезинтеграции в среде людей грамотных, получивших, по крайней мере, начальное образование, движимых навязчивыми идеями, не способных избавиться от предрассудков и противостоять насилию. Причины тому он, как и многие другие, видит в отсутствии возможностей самореализации, профессиональной и социальной.

В Нигерии, с ее более чем 220-миллионным населением, проживают представители как минимум 250 этносов, исповедующих христианство, ислам и традиционные религии. Между тем любые действия, несущие созидательные и разрушительные функции, принято — на общенациональном (государственном) уровне — связывать с проявлением энергии «чи»¹⁸. Так называют ее представители одного из самых многочисленных народов Нигерии — игбо. На языке йоруба ее именуют «ори». Именно она позволяет нигерийцам ощущать себя «счастливчиками», несмотря ни на что.

Потенциал энергии велик. Она может быть разнонаправленной: позитивной и негативной. Ее положительный и отрицательный за-

¹⁵ Вавилов В. Предисловие // Нванкво Н. Данда. М., 1973. С. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Обиома Ч. Рыбаки. М., 2017.

¹⁸ Okpewho I. Once Upon a Kingdom: Myth, Hegemony, and Identity. Bloomington, 1998. P. 90–91.

ряды воплощаются в поисках лучшей жизни. Люди совершают поступки, противоречащие нормам морали, религиозным, эстетическим, правовым установкам и законам. К их числу можно отнести многочисленных сутенеров, наркодельцов, аферистов — всех, кто так или иначе пытается походить на европейцев и безжалостно разводит их на деньги¹⁹.

Мэтр нигерийской литературы Чинуа Ачебе (1930–2013) на заре независимости в своем первом романе «И пришло разрушение» (1959) акцентировал внимание на том, что эндемическая коррупция в Нигерии является следствием колониализма; каждый, по его мнению, в таких условиях оказывается одновременно и преступником, и жертвой²⁰. Дуайен африканской драматургии и публицистики, лауреат Нобелевской премии в области литературы (1986) Воле Шойинка (род. в 1934 г.) в своем первом романе «Интерпретаторы» (1965) развил тему, ретранслируя идеи, характерные для нигерийских «шестидесятников», озабоченных переустройством общества²¹. Именно В. Шойинка спустя десятилетия обратил внимание на криминализацию в молодежной среде. В пьесе «Беатификация местного мальчика»²² (1995) он, а вслед за ним Теджу Коул (род. в 1975 г.), с болью констатировали, что на городских окраинах Лагоса и других городов большинство подростков проходит социализацию в уличных бандах: *area boys* или *agbèrò* — на языке йоруба. Рост их числа стал следствием многолетней диктатуры, коррупции, ужасающей нищеты, неравенства, в том числе в сфере образования, и полного равнодушия со стороны властей²³.

В 2019 г. нигерийский кинорежиссер Толулопе Итегбодже, выросший в Лагосе, создал об «уличной шпане» документальный фильм «*Awon Boyz*» — в буквальном переводе с пиджин «Братки», предоставив им самим возможность делиться своими историями. В интервью журналисту Дико Офома автор фильма отметил, что ни в коем случае не стремился их оправдать. Они занимаются воровством и разбоем, терроризируют целые кварталы в таких городах, как Аба, Онича, Порт-Харкорт, Бенин, Ибадан, Лагос, наводят ужас на местных жителей и приезжих, вымогают деньги у прохожих и торговцев, автомобилистов и пассажиров, занимаются «крышеванием» и рэкетом,

¹⁹ Cole T. *Every Day is for the Thief*. London; New York, 2014.

²⁰ Ачебе Ч. И пришло разрушение. М., 1964. — URL: https://royallib.com/read/Achebe_Chinua/i_prishlo_razrushenie.html#0 (дата обращения 12.10.2024)

²¹ Шойинка В. *Интерпретаторы* // Шойинка В. *Избранное*. М., 1987.

²² *Soyinka W. The Beatification of the Area Boy: A Lagosian kaleidoscope*. London, 1995.

²³ *Buoro S. Read Your Way Through Lagos*. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/07/books/books-lagos-nigeria.html> (дата обращения 20.10.2024)

особенно в ходе предвыборных кампаний, лоббируя интересы противоборствующих групп. Однако впервые с середины 1970-х гг., с тех пор, когда появились первые уличные банды подростков, съемочная бригада смогла установить с ними обычный человеческий контакт. В итоге получилось «сбалансированное повествование о том, почему они такие», о том, что их мечты и надежды совпадают с желаниями большинства подростков, что им присущи чувство ответственности, сознательность и таланты, которые могли бы раскрыться иначе в иных условиях, при иных обстоятельствах²⁴.

Множество детей в Нигерии находятся между жизнью и смертью и вынуждены заниматься вымогательством, проституцией или искать другие источники пропитания, нарушая закон, будучи предоставлены самим себе. Практически все они являются объектами и субъектами преступной деятельности. Показательно, что в XXI в. юный сын известного нигерийского писателя Хелона Хабилы (род. в 1967 г.), живущего в Великобритании, во время поездки на родину отца обратил внимание, высказав удивление, что на улицах очень много детей без присмотра взрослых²⁵.

В цифровую эпоху очевидной стала трансформация криминальной и мошеннической среды, ее перемещение в киберпространство, что в значительной мере связано с развитием сферы образования²⁶. Нигерия на протяжении последних десятилетий перманентно лидирует по абсолютным показателям численности университетов (в 2023 г. — 278)²⁷, программ обучения (около 3 тысяч) и, соответственно, студентов (более 2,5 млн чел.). Дефицит рабочих мест и рост безработицы на протяжении последних десятилетий выталкивали образованную молодежь за рубеж²⁸.

В XXI в. отток усилился. Свидетельством тому стало появление специального термина: «джапа» (jара; в переводе с йоруба: убежать, исчезать)²⁹. Так называют нигерийцев, живущих за пределами Ни-

²⁴ Lagos Street Boys. — URL: <https://africasacountry.com/2021/09/lagos-street-boys> (дата обращения 20.10.2024)

²⁵ Habila H. A Family trip back to Nigeria, post-Boko Haram: 'Look at the state of our country, the bitterness and the violence'. — URL: <https://www.theguardian.com/life-andstyle/2015/oct/17/a-family-trip-back-to-nigeria-post-boko-haram-look-at-the-state-of-our-country-the-bitterness-and-the-violence> (дата обращения 20.09.2024)

²⁶ Uetela P. J. Higher Education and Decolonization in Africa. London; New York, 2023.

²⁷ <https://www.statista.com/statistics/1242428/number-of-universities-in-africa/> (дата обращения 20.10.2024)

²⁸ Гавристова Т.М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль, 2002.

²⁹ Термин «jара» нередко рассматривают как синоним «brain drain» (англ.: утечка умов).

гории, в том числе тех, кто склонен к проявлениям эпатажа и нарушению законодательства.

В ставшем бестселлером романе «Я пришел к тебе неслучайно» (2009) писательница Адаби Триши Нваубани (род. в 1976 г.) впервые обратилась к изучению феномена аферы «419», мошенничества с предоплатой. Главный герой книги Кингсли, выпускник инженерного факультета, не может найти работу, и, понимая, что в условиях кризиса ему не получить место без протекции, обращается к своему дядюшке Бонифацию. Тот, будучи главой мошеннического клана, втягивает племянника в подпольную сеть «419»³⁰.

«Нигерийские письма» («419»), один из наиболее распространенных видов мошенничества, изначально создавался с целью обогащения. Суть его заключается в обещании адресату крупной суммы денег в обмен на небольшой авансовый платеж, который, по утверждению афериста, будет использован для получения большей суммы. В качестве лица, от чьего имени пишут письма по факсу и электронной почте, нередко выступают известные персоны. Отсюда происходит еще одно название аферы «419»: «мошенничество с нигерийским принцем». Оно стало особенно популярным после выхода в прокат фильма «Нигерийский принц» (2018 г.; производство США–Нигерия). Его сюжет типичен: американского подростка нигерийского происхождения родители в воспитательных целях отправляют погостить на историческую родину к тетушке; чтобы заработать деньги на обратный билет он вместе с двоюродным братом начинает обирать своих потенциальных жертв.

В Нигерии рост кибер-преступности стал следствием экономического кризиса и безработицы среди образованной молодежи. Активизации мошенничества способствовало распространение интернет-кафе и мобильного интернета. Доступ к сети имеет почти половина жителей страны³¹. В настоящее время, по мнению аналитиков, сказывается влияние шоу-бизнеса и рекламы: интерес к предметам роскоши, спортивным автомобилям, модной одежде, путешествиям стремительно растет, хотя кто-то просто хочет иметь стабильный доход, позволяющий ежедневно есть суп эгуси с большим куском мяса.

В условиях постколониальности представления о добре и зле нивелировались. И если вслед за Ж. Деррида рассуждать о том, как и почему «деконструкция» ментальности (демонтаж того, что од-

³⁰ Nwaubani A. T. I do not Come to You by Chance. London, 2010.

³¹ В Нигерии самое большое число пользователей мобильного Интернета в Африке. См.: <https://www.statista.com/topics/9813/internet-usage-in-africa/#topicOverview> (дата обращения 20.09.2024)

нажды уже было демонтировано) обрела столько новых смыслов³², можно прийти к заключению, что обращение к обману, аферам и мошенничеству в постколониальной Нигерии, будучи следствием деформации представлений о духовных и материальных ценностях, превратилось в норму жизни — в способ существования, который, при взгляде со стороны, отчасти напоминает если не пастиш³³, то палимпсест³⁴, с присущей им вполне уместной иронией, граничащей с эпатажем.

Создатель стиля афробит, известный музыкант, автор и исполнитель Фела Аникулапо Кути (1938–1987) сконструировал лексему — *colo'mentality*³⁵. «Коломентальность — такое название получила музыкальная композиция, написанная им в 1977 г., протестный характер которой очевиден. Упоывая на то, что, по крайней мере, в Африке его голос будет услышан, Фела, обращаясь к Рэндсомам, Вильямсам и тем, кто так или иначе был причастен к порабощению: к христианам и мусульманам, англиканским и католическим священникам, протестантам, епископам, Мухаммеду³⁶, — призвал всех «коло» (угнетенных; потомков рабов) встать на путь избавления от комплексов вины и неполноценности.

С момента первого исполнения композиции прошло почти полвека, и хотя колониальный менталитет по-прежнему определяется через представление о культурном превосходстве одной расы над другой, нельзя не признать, что те, кого Ф.А. Кути именует «коло», обрели голос в Индии, когда-то крупнейшей колонии Великобритании³⁷, и в Африке. Благодаря постколониальным исследованиям, четко обозначились два полюса колониальной ментальности: евро- и афроцентричный. И если первый вариант можно рассматривать как продолжение стратегии, направленной на транзит культурных ценностей в Африку, второй является проявлением деколонизации, в том числе в весьма эпатажных формах.

³² Деррида Ж. Поля философии. — URL: <https://velikanov.ru/libD.pdf> (дата обращения 22.10.2024)

³³ Пастиш — в данном случае: имитация, подражание, ироничная стилизация, пародия.

³⁴ Палимпсест — рукопись, написанная на пергаменте, уже бывшем в употреблении; в более широком смысле — напластование: объект или явление, содержащие пласты информации, заимствованные из разных эпох.

³⁵ Хохолькова Н.Е. «Африканцы XXI века»: репрезентация транскультурной идентичности в виртуальном пространстве // Этнография. 2020. № 3(9). С. 90–102.

³⁶ Kuti F. Colonial Mentality. — URL: <https://www.letras.com/fela-kuti/1576110/> (дата обращения 10.09.2024)

³⁷ Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak. — URL: <https://jan.ucc.nau.edu/~sj6/Spivak%20CanTheSubalternSpeak.pdf> (дата обращения 10.09.2024)

В Нигерии в границах присущей нигерийцам контекстуальной культуры, когда важно не то, что говорится и делается, а то, кто, как и при каких условиях говорит и соответственно делает, возникло множество разнообразных проявлений антиколониального эпатажа. Ф.А. Кути, один из самых влиятельных граждан Нигерии, склонный к девиантному поведению, в знак протеста против расизма и сексизма в 1978 г. в один день женился на 27 женщинах сразу³⁸, шокировав свою мать, известную правозащитницу Фунмилайо Рэнсом-Кути (1900–1978)³⁹.

Эпатаж, плутовство, мошенничество, с одной стороны, можно рассматривать как своего рода «ответ» на насаждение христианства и новых законов, европеизацию жизни и быта, вылившийся в стихийный протест и маргинальное поведение местных жителей, ставшее следствием деформации традиционных ценностей. С другой стороны, участие в разного рода махинациях и аферах есть часть маскарада, лицедейства, «игры», отражение присущей нигерийцам безграничной энергии и готовности следовать воле Огуна⁴⁰ и Эшу⁴¹, слову Моисея, Христа и Мухаммеда одновременно!

Лагос в XXI в. стал «криминальной столицей», а нигерийское мошенничество — как часть антиколониальной и одновременно национальной ментальности — превратилось в один из своеобразных брендов, точнее — антибрендов Нигерии. Коррупция, спекуляция, обман⁴², «вооруженные нападения, грабежи, разбой»⁴³, охота на «ювелирку, деньги, электронику»⁴⁴, «нигерийские письма»⁴⁵, превышение служебных полномочий, вымогательство и безучастность полицейских⁴⁶ и церкви, намерение «получать деньги ни за что!»⁴⁷ — таков неполный перечень преступных манипуляций и афер, описан-

³⁸ The Untold Story of How and Why Fela Kuti Married 27 Women on the Same Day in 1978 // Kairo News. — URL: <https://kaironews.com/2023/02/28/the-untold-story-of-how-and-why-fela-kuti-married-27-women-on-the-same-day-in-1978-2/> (дата обращения 20.09.2024)

³⁹ Захарова Н.А. Традиция женского политического участия в обществе йоруба и проблема власти // Африканский сборник. 2017. СПб, 2017. С. 47–54.

⁴⁰ Огун — бог войны и железа в мифологии йоруба; громовержец; покровитель кузнецов; защитник угнетенных и обездоленных.

⁴¹ Эшу — в мифологии йоруба бог хаоса и правосудия, обеспечивает связь между мирам людей и царством Духа.

⁴² Cole T. Op. cit. P. 95, 138.

⁴³ Ibid. P. 45.

⁴⁴ Ibid. P. 46–47.

⁴⁵ Ibid. P. 25–28.

⁴⁶ Ibid. P. 95, 123–124.

⁴⁷ Ibid. P. 107.

ных Т. Коулом в его почти документальной, выстроенной на основе газетных материалов, повести «Каждый день для вора»⁴⁸ (2007).

Между тем Т. Коул отмечал, что две трети жителей Лагоса (по некоторым подсчетам — 70%) на закате XX в. считали себя «счастливыми» и в XXI в. выражали те же настроения, которые воплотил в одной из своих композиций в 1977 г. Ф.А. Кути. Ее ироничное название “Shuffering and Shmiling” («Штрадающие и шмеющиеся») изначально подчеркивало «градус» счастья среднестатистических нигерийцев с доходом не более двух долларов в день, которые, «страдающая и улыбаясь», следуют воле лидеров, христианских и мусульманских, богатеющих и наслаждающихся жизнью, пока остальные, «как овцы, выполняют их наставления»⁴⁹.

С тех пор мало что изменилось: одни безмолвствуют, другие лицедействуют, разводя на деньги сотни тысяч людей по всему миру от имени Элвиса Пресли⁵⁰, Дональда Трампа⁵¹, оба⁵² Лагоса, его сына или племянника. В XXI в. распространение получило мошенничество с компенсациями, лотерейными выигрышами, криптовалютой от имени правительства, крупных банков, международных организаций, благородных хакеров, заключение фиктивных договоров и браков.

В Нигерии атмосфера хаоса и суеверия напоминает атмосферу рынка⁵³. По приезду в Лагос кажется, что жизнь «одновременно замирает и ускоряется» и течет в ритмах уличных оркестров, рыночной торговли, психоделических вечеринок, заторможенности «коварных полицейских на контрольно-пропускных пунктах», разговоров и происшествий, вымогательства и мошенничества⁵⁴. В крупнейшем мегаполисе Африки и Нигерии «бедным нет места»⁵⁵.

⁴⁸ Cole T. Op. cit. P. 55.

⁴⁹ Lyrics: Shuffering and Shmiling by Fela Kuti. Islam, Christianity, and ‘Yoruba Religion’ in Lagos, Nigeria. Cambridge, 2021. P. XVI–XVIII. — URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/crossing-religious-boundaries/lyrics-shuffering-and-shmiling-by-fela-kuti/A4573B1F955A87CDB6A3190FA1CD9C2B> (дата обращения 09.10.2024)

⁵⁰ *Abani Ch.* GraceLand. New York, 2004.

⁵¹ Investors, Trump and the Illuminati: What the “Nigerian prince” scams became in 2024. — URL: <https://securelist.com/nigerian-scams-2024/115388/>; Инвесторы, Трамп и иллюминаты: во что превратились «нигерийские принцы» в 2024 году. — URL: <https://securelist.ru/nigerian-scams-2024/111681/> (дата обращения 20.09.2024)

⁵² Оба — титул традиционного правителя йоруба.

⁵³ *Uwagba O.* A City at Work: Heat, Hawkers and Hustle in Lagos, Nigeria. — URL: <https://suitcasemag.com/visiting-lagos-nigeria/> (дата обращения 20.10.2024)

⁵⁴ *Buoro S.* Read Your Way Through Lagos. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/07/books/books-lagos-nigeria.html> (дата обращения 20.10.2024)

⁵⁵ *Abani Ch.* Introduction // *Lagos Noir* / Ed. By Chris Abani. Brooklyn; New York, etc., 2018. P. 21.

Но именно здесь рождается большая часть афер, ставших одной из разновидностей протеста против неравенства и насилия, несправедливости и дискриминации. В определенном смысле такой протест может считаться пассивным: он не несет в себе прямой угрозы жизни людей, особенно в границах киберпространства. Однако его происхождения и коннотации в настоящее время зафиксированы на международном уровне.

Названия четырех типов махинаций, у истоков которых стояли нигерийцы: «419»; yahoo boys⁵⁶; yahoo plus⁵⁷; area boys (agbèrò)⁵⁸ — в 2025 г. вошли в Оксфордский толковый словарь английского языка (OED) в числе 20 слов; некоторые из них заимствованы из пиджин-ингли⁵⁹, что, по мнению одного из консультантов-исследователей авторитетного издания, нигерийца Кингсли Угвуани, стало свидетельством «креативности и уникальных способов самовыражения»⁶⁰, присущих его народу. В Нигерии образованный класс и интеллектуалы сохраняют приверженность моде на «оранжерейный» английский и успешно реализуют свои таланты в литературно-художественной и научной среде. Те, кто в своем противостоянии колонизаторам обрел право на собственный голос, благодаря махинациям и эпатажу, тоже оказался способен осуществлять разнообразные формы культурного транзита, включая влияние на национальный корпус английского языка, а вместе с ним на *modus vivendi* и систему международного права.

References

Abani Ch. Introduction // *Lagos Noir* / Ed. by Ch. Abani. Brooklyn; New York etc.: Akashik Books, 2018. P. 13–22.

Ajayi J.F.A. Colonialism: An Episode in African History // *Colonialism in Africa. 1870–1960. Vol. I* / Ed. by L.H. Gann and P. Duignan. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 497–510.

Banda F. *African Migration, Human Rights and Literature*. London: Hart Publishing, 2020. 376 p.

⁵⁶ Yahoo-boy — человек, занимающийся мошенничеством в интернете, как правило, предлагающий дружбу и разводящий на деньги девушек и женщин.

⁵⁷ Yahoo-plus — мошенничество с компенсациями, лотерейными выигрышами и криптовалютой.

⁵⁸ Молодой человек, обычно мальчик, работающий зазывалой на автостоянках и автобусных остановках, вымогающий деньги у пассажиров и туристов, сопровождая их. В Оксфордском словаре термин определяется как человек, который зарабатывает или приобретает влияние посредством преступной деятельности, такой как вымогательство, воровство, торговля наркотиками.

⁵⁹ В их числе названиями нигерийских блюд, тканей, мелких монет и др.

⁶⁰ <https://techpression.com/419-yahoo-boy-japa-added-oxford-dictionary/>

- Buoro S. Read Your Way Through Lagos. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/07/books/books-lagos-nigeria.html>
- “Chernoye nasledie”: afrikantsy i ih potomki v istoricheskoy pamyati SShA [“Black Legacy”: Africans and Their Descendants in the Historical Memory of the USA]. Collective monograph / Ed. D.M. Bondarenko. Moscow: Institut Afriki RAN, 2024. 256 p.
- Cole T. Every Day Is for the Thief. London; New York: Faber & Faber, 2014. 164 p.
- Derrida J. *Polya filosofii* [Margins of Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2012. 376 p.
- Gavristova T.M. *Afrikanskie intellektualy za predelami Afriki* [African Intellectuals Beyond Africa]. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2002. 308 p.
- Habila H. A Family Trip Back to Nigeria, Post-Boko Haram: “Look at the State of Our Country, the Bitterness and the Violence”. — URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/oct/17/a-family-trip-back-to-nigeria-post-boko-haram-look-at-the-state-of-our-country-the-bitterness-and-the-violence>
- Investors, Trump and the Illuminati: What the “Nigerian Prince” Scams Became in 2024. — URL: <https://securelist.com/nigerian-scams-2024/115388/>
- Khokhol’kova N.E. “Afrikantsy XXI veka”: reprezentatsiya transkul’turnoy identichnosti v virtual’nom prostranstve [“Africans of the Twenty First Century”: Representation of Transcultural Identity in Virtual Space] // *Etnografiya*. 2020. N 3 (9). P. 90–102.
- Kuti F. Colonial Mentality. — URL: <https://www.letras.com/fela-kuti/1576110/Lagos-Noir/>
- Lagos Noir / Ed. by Ch. Abani. Brooklyn; New York etc.: Akashik Books, 2018. 217 p.
- Lagos Street Boys. — URL: <https://africasacountry.com/2021/09/lagos-street-boys>
- Lyrics: Shuffering and Shmiling by Fela Kuti // Islam, Christianity, and “Yoruba Religion” in Lagos, Nigeria. Cambridge: Cambridge University Press; Marloes Janson, 2021. P. XVI–XVIII.
- Mazrui A. The Africans: A Triple Heritage. Boston; Toronto: Little, Brown & Company, 1986. 336 p.
- Mbembe A. *Estetika vul’garnosti* [The Aesthetics of Vulgarity] / Trans. from English by A. Yakovets // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2020. N 6 (166). P. 22–57.
- Mbembe A. On the Postcolony. Berkeley: University of California Press, 2001. 274 p.
- Nigerian Scams Revisited / Ed. by G. Baines. New York: Nova Science Pub Inc., 2002. 124 p.
- Nwaubani A.T. I Do not Come to You by Chance. London: Phoenix, 2010. 345 p.
- Okpewho I. Once Upon a Kingdom: Myth, Hegemony, and Identity. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 288 p.
- Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the Orient]. Saint Petersburg: Russkiy mir, 2006. 637 p.
- Smith D.J. A Culture of Corruption: Everyday Deception and Popular Discontent in Nigeria. Princeton: Princeton University Press, 2008. 296 p.
- Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak. — URL: <https://jan.ucc.nau.edu/~sj6/Spivak%20CanTheSubalternSpeak.pdf>
- Tive Ch. 419 Scam: Exploits of the Nigerian Con Man. New York: Universe, 2006. 160 p.

Uetela P.J. Higher Education and Decolonization in Africa. London; New York: Palgrave Macmillan, 2023. 318 p.

Uwagba O. A City at Work: Heat, Hawkers and Hustle in Lagos, Nigeria. — URL: <https://suitcasemag.com/revisiting-lagos-nigeria/>

Vavilov V. *Predisloviye* [Introduction] // Nwankwo N. *Danda*. Moscow: Progress, 1973. P. 5–10.

Zakharova N.A. *Traditsiya zhenskogo politicheskogo uchastiya v obshchestve yoruba i problema vlasti* [The Tradition of Women's Political Participation in Yoruba Society and the Issue of Power] // *Afrikanskiy sbornik* [African Collection]. 2017 / Ed. by A.Yu. Zheltov. Saint Petersburg: MAE RAN, 2017. P. 47–54.

Поступила в редакцию
25 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-138-157

В.В. Малявин

О СМЫСЛЕ ИСТОРИИ В АРЕАЛЕ ЕВРАЗИИ

V.V. Maliavin

ON THE MEANING OF HISTORY IN THE EURASIAN REALM

Аннотация. Статья посвящена природе исторического процесса в максимально широком геополитическом контексте так называемой Большой Евразии. Отправной точкой исследования служит категория «молчания» как ключевого феномена русской и азиатской истории в его культурном, политическом и психологическом измерениях. Молчание имеет здесь множество проявлений начиная со «священнобездомствия» в православной традиции и кончая различными формами обманной коммуникации, хлестаковщины, шутовства, культуры «понт» и пр. Это понятие рассматривается в контексте двух глобальных установок познания: одна основана на принципе тождественности вещей себе, другая — на принципе их неравенства себе, самоинаковости всего сущего, уклонения от себя, когда реальностью является становление, переход вещи в иное и, следовательно, предел существования. Первый принцип лег в основу западной интеллектуальной традиции, второй занимал доминирующее положение в духовных традициях Азии. Принцип самоинаковости предполагает отношения свободной совместности, синергии, динамичной центрированности мировых сил и утверждает всеобщее подобие, взаимное проникновение противоположностей, когда вещи охватывают, вмещают друг друга так, что всё сущее и весь мир как бы хранятся в себе, становятся собственным тайником. Здесь единое сливается с единичным, и центристическое движение, или инволюция, возвращение к истоку существования оказываются условием неисчерпаемого разнообразия и сокровенной вечнопреемственности жизни.

Малявин Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор-исследователь департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН

Maliavin Vladimir Vyacheslavovich, Doctor in History, Research Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and Politics, National Research University “Higher School of Economics”; Chief research member, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences

vladmal0913@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9695-8026

Такая познавательная установка обеспечивает большой творческий потенциал и духовную дисциплину личной и общественной жизни, посредством которых моменты жизненного опыта претворяются в репертуар типизированных и стильных форм культурной практики. Так создается надвременное тело традиции и становится возможным восстановление полноты бытия всех вещей (апокатастасис). Исторически неопределенность структурных основ традиции и забвение символического измерения опыта обусловили их постепенное замещение логикой самоидентификации вещей, характерной для эпохи Модерна. Однако принцип самоинаковости вновь вышел на передний план в современной «постмодернистской» ситуации, характеризующейся эрозией идеологии, и история стала процессом раскрытия в глубинах индивидуального опыта перспективы глобального человечества в безграничном разнообразии его проявлений.

Ключевые слова: Евразия, познавательная парадигма, инволюция, транспозиция, претворение, типовая форма.

Abstract: This article focuses on the nature of the historical process within the broad geopolitical context of the so-called Greater Eurasia. The starting point of the research is the category of “silence” as a key phenomenon in Russian and Asian history, examined in its cultural, political, and psychological dimensions. Silence manifests in various forms, starting from the *hesychia* in the Orthodox tradition and extending to various forms of deceptive communication, bragging, jesting, the show-off culture, and others. This concept is explored in the context of two global cognitive approaches: one based on the principle of the identity of things to themselves, and the other based on the principle of their inequality to themselves, the self-difference of all being, a deviation from oneself, where reality is seen as becoming, the transition of things into something other, and consequently, the limit of existence. The first principle formed the foundation of Western intellectual tradition, while the second dominated the spiritual traditions of Asia. The principle of self-difference implies relations of free companionship, synergy, the dynamic centration of global forces, and affirms universal similarity, the mutual penetration of opposites, where things embrace and contain each other, such that all being and the entire world seem to be preserved within themselves, becoming their own secret. Here, the singular merges with the individual, and the centripetal movement, or involution, the return to the origin of existence, turns out to be the condition for inexhaustible diversity and the hidden, perpetual continuity of life. This cognitive approach ensures great creative potential and spiritual discipline in personal and social life, through which moments of life experience are transmuted into a repertoire of typified and stylized forms of cultural practice. In this way, the timeless body of tradition is created, and the restoration of the fullness of being for all things (apocatastasis) becomes possible. Historically, the uncertainty of the structural foundations of tradition and the oblivion of the symbolic dimension of experience led to their gradual replacement by the logic of the sameness of things, characteristic of the Modern era. However, the principle of self-difference has resurfaced in the contemporary “postmodern” situation, characterized by the erosion of ideology, with history becoming a process of revealing within the depths of individual experience the perspective of a global humanity in the limitless diversity of its manifestations.

Keywords: Eurasia, cognitive paradigm, involution, transposition, realization, type form.

* * *

История Евразии как целостного региона до сих пор не понята и не разгадана. Ее сумбурная хронология, представленная калейдоскопически пестрой сменой племен, царств, культур, имеет очень мало общего с современным пониманием истории и задач исторического исследования. Отсутствие же истории уже давно расценивается как признак не просто отсталости общества, но его фактической нежизнеспособности и неспособности к развитию. На этом фоне отсутствия привычных — по крайней мере, для европейцев — путей и законов исторического процесса последний нередко пытаются изобразить результатом неких ритмов или пульсаций внеисторического характера, имеющих отношение к космосу или божественной трансценденции. Опыты Л.Н. Гумилева на этот счет хорошо известны, многими одобряются, но ничего не объясняют в собственно исторической проблематике. Столь же неубедительны попытки Л.Н. Гумилева доказать, что в евразийском ареале были уже «почти состоявшиеся» философы и т. п.

История России дает яркие свидетельства проявлений и последствий этого отсутствия исторического движения в том виде, в каком он сложился в Европе Нового времени. Ее наиболее примечательной и в то же время наименее осмысленной чертой является пресловутое «молчание» русской земли и русского народа. Этому феномену дают диаметрально противоположные оценки: в негативном смысле — как стремление убежать, уклониться от общественной и политической жизни и в смысле положительном — как свидетельство преданности некоему тайному богатству и полноте духовной жизни, безмолвный и неоспоримый вызов существующей власти. То же молчание дает знать о себе в разных видах ложной, фиктивной коммуникации, наполняющих общественное пространство России: склонности к вранью, балагурству, хлестаковщине и всевозможным «понтам», шутовству и валянию дурака (особенно перед Европой), притворству блатной речи и т. д.

Вся драма русской истории, двусмысленность исторического призвания России воплощены в ключевых для русской историософии словах «пустыня», «пустынничество». Это слово вмещает в себя и основные фазы русской истории: изначальная форма существования России — пустыня, «пустое место между Европой и Азией» (Д. Андреев), подлинный русский идеал — «милая пустынь» русского фольклора, а результат модернизации России или, если

угодно, вторжения в русский уклад западной цивилизации — это постиндустриальный «пустырь». Если русские западники, начиная с П. Чаадаева, видели в русской «пустыне» только застой и косность, лишённые какого-либо уклада и порядка, то сторонники русской самобытности вроде славянофилов и евразийцев прозревали в безмолвии русской земли залог твердости народного духа и духовного процветания.

Одна из самых проникновенных деклараций на этот счет содержится в лекции Владимира Эрна «Время славянофильствует» (февраль 1915 г.), где автор утверждает:

«Всё солнечное, всё героическое, всё богатырское, следуя высшим призывам, встает покорно со своих родовых мест, оставляет отцов, матерей, весь быт и устремляется к страдальному сердцу родимой земли, обручившейся с Христом, — к Фиваиде. И всё, что идет по этой дороге — по пути подвига, очищения, жертвы, — дойдя до известного предела, вдруг скрывается с горизонта, пропадает в пространства, одевается молчанием и неизвестностью. Семена божественного изобилия точно землей покрываются, и растут, и приносят плоды в тайне, в тишине, в закрытости... В сердце зреет, растет святая Русь, населяется новыми насельниками, расцветает новыми цветами, пылает новыми пламенниками, а с виду ровно ничего как будто и не происходит. Таинство русской жизни творится в безмолвии. И проникнуть в него можно лишь “верою”, лишь “любовью”»¹.

Возвышенный пафос декларации Эрна не должен заслонять от нас скрытой в ней важной теоретической перспективы. Русское «молчание» в широком смысле слова ставит вопрос об условиях и границах человеческой коммуникации и создаваемых ими форм человеческой социальности. Эта проблема хотя и нечасто, но попадает в поле зрения западных исследователей, а порой рассматривается в качестве важнейшего водораздела между западным и восточным (и в равной мере евразийским) мировоззрением, отличительной черты не-западных типов мировоззрения. Попытку систематического сравнения Запада и Востока в свете этого критерия предприняла Юлия Кристева, французский философ психоаналитического направления. Кристева пишет о «кризисе европейского субъекта», признавая, что субъективистский рационализм западной мысли завел ее в тупик нигилизма. Современные европейцы, считает Кристева, «теряют способность выражать и передавать внутреннюю жизнь», и свободный субъект в европейской культуре «превратил-

¹ Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915. С. 25–26.

ся в мираж»². «Психосоматические недуги, наркомания, позерство, вандализм и всевозможные формы цинизма выражают этот крах субъективности, которая уже не может быть самостоятельной, потому что неспособна что-либо представлять и мыслить»³. Субъект европейской цивилизации, заключает Кристева, нуждается в «самовозрождении», «обновлении себя» и притом собственными усилиями. Речь идет, подчеркивает она, не об отрицании, а о переоценке ценностей. Но для феминистки — как положено современной европейской женщине — Кристевой возврат к патриархальным порядкам невозможен. Кристева скептически относится к христианской идее спасения через осознание в себе «сыновства» и уподобление отцу, в чем ей видится соблазн смешения человеческого и божественного. Она видит возможность «само-возрождения» Европы и, так сказать, пара-религиозного спасения человечества в признании культурной и политической значимости отношений матери и ребенка как образца любви к ближнему.

Православная традиция в трактовке Кристевой характеризуется преобладанием чувствительности над рациональностью, безмолвия над словом, чему соответствует общая ориентация на ранние стадии психического развития. Кристева признаёт, что западная цивилизация поражена недугом чрезмерной рационализации психики и что православие обнажает «ловушки нашей свободы, когда последняя сводится к атомарности отдельных эгоизмов, безликих масок, погрязших в разоблачающем их соперничестве. Когда свободу смешивают с поиском лучших причин, ведущих к лучшим следствиям, она умирает в роботизации. Тогда свободный субъект — или, точнее, робот — осознает, что он нуждается в... зависимости»⁴.

Кристева видит большие изъяны и в православной традиции. Последняя, по ее мнению, погружает личность в «депрессию, нарциссизм, бездеятельную чувственность и неспособность к критическому рассуждению». Жителям Восточной Европы, заключает она, свойственна «незавершенная субъектность», отчего они пребывают в неисцелимой подавленности и не могут быть свободными. Кристева даже поминает напутствие афонского старца Силуана: «Держи ум в аду и не отчаивайся», не обращая внимание на то, что в православии эти слова служат свидетельством не «подавленности», а, напротив, высшей твердости духа. (Не будем сейчас говорить о том, что европейскому Модерну со времен де Сада пребывание в аду знакомо в не меньшей степени.) И если Кристева говорит об отсутствии са-

² *Kristeva Ju. Crisis of the European Subject. New York, 2000. P. 128.*

³ *Ibid. P. 129.*

⁴ *Ibid. P. 151.*

моцной личности в православии, то русский писатель Б. Зайцев, побывавший на Афоне в 1920-х гг., как раз наоборот, изумился необычайному разнообразию лиц монахов, заметив по этому поводу, что монашеская жизнь благоприятствует раскрытию человеческой индивидуальности⁵. Почему? Может быть, потому, что душевный покой делает человека естественным, а естественность, как сама гениальность, всегда оригинальна и неподражаема? Или потому, что сквозь этих монахов просвечивал внутренний небесный свет, «неявленная явь», по выражению Эрнста Янга, которые, как в любимом азиатами театре теней или в пространстве волшебного фонаря, высвечивают все оттенки и складки души? Или, наконец, здесь действует неисповедимый закон жизни, согласно которому воздастся тому, кто сумеет всё оставить? Несомненно одно: индивидуальность расцветает в обществе, требующем духовного совершенствования, преодоления всех внешних, формальных само-образов «я». Источником же духовного роста личности является образ — не столько идея, сколько совершенно конкретная интуиция предстояния перед отцом-учителем, выявляющим своим авторитетом то поле духовного света, в котором опознается индивидуальность продолжателей его дела...

Возможно, сказанное о потенциале духовного роста личности в православии объясняет, почему Кристева при всем ее скептическом отношении к восточному христианству все-таки верит, что свет в Европу придет с Востока: заветы православных «страстотерпцев» могут, полагает она, произвести ту метанойю, «само-возрождение» ума, которых жаждет и не может осуществить западное мировоззрение, попавшее в ловушку рефлексии, ставшей почти автоматическим рефлексом и привычкой демонстрировать «критицизм». Надежда Кристевой созвучна новейшим тенденциям европейской мысли, обратившейся к проблеме не охватываемого диалектикой, ничему не тождественного «иного», так что самый смысл существования Европы теперь связывают с открытием ее неведомого «инобытия», «иного образа»⁶. Могло ли быть иначе, если во главу философского размышления в Европе поставлено различие как таковое? Если, как выяснилось после краха тоталитарных режимов Новейшего времени, смысл современности (или, говоря точнее, Постмодерна) заключается в совместности всего сущего в инобытии, тогда Восток оказывается органической частью мировой истории и притом в изначально присущем ему модусе «внутренней трансценденции»: превосхождения себя как самооставления, самозабвения. Восток —

⁵ Зайцев Б. Святая Русь. М., 2000. С. 86.

⁶ См.: Derrida J. L'autre cap, suivi de La démocratie ajournée. Paris, 1991.

высшая фаза Модерна именно потому, что он воплощает «другой» Модерн и саму инаковость Модерна.

Итак, проблема исторической онтологии бытия сводится к противостоянию, а точнее, как мы увидим ниже, сосуществованию или даже, возможно, совместности двух эпистемологических моделей, которые можно назвать принципом само-тождественности и принципом само-инаковости сущего. Эти две первичные посылки познания не сводятся к особенностям того или иного мировосприятия или культурным нормам, а представляют собой чисто логические и притом неустранимые возможности, своего рода метацивилизационную почву человеческой практики или, если угодно, матрицу всякой цивилизации. Первая предполагает отождествление сознания с его предметным содержанием, сведение сознания к сознаванию чего-то. Вторая предполагает сведение сознания к его пределу, соответствующему, по сути, акту (само)превращения. Первая породила классический западный образ сознания как восковой дощечки, на которой запечатлеваются идеи или формы, доступные умозрению. Вторая получила развитие в восточной мысли, которая видела в сознании светоносный поток — в идеале покойный и гладкий, как чистое зеркало, но всегда динамичный, несводимый к предметности, — который хранит в себе, но не удерживает образ мира и, конечно, не сливается с ним. В таком случае сознание оказывается полем для игры творческого воображения и преображения, и оно имеет не сущностную, а функциональную природу.

Таким образом, Запад и Восток взятые как целое — это не цивилизации, а именно метацивилизационная оболочка культурных традиций, несводимая к причинно-следственным связям, которые создают историю. На этом уровне, который можно назвать мета-историческим, действуют совершенно иные силы и закономерности нежели в историческом процессе в его общепринятом смысле. Трудности опознания этой реальности обусловлены тем, что мета-история, будучи обязательной предпосылкой истории и ее сокрытой — как сказали бы раньше, провиденциальной — целью, ее альфой и омегой, не может быть ни сведена к истории, ни отделена от нее. Отсюда и неустранимость, абсолютный характер упомянутого выше «молчания», вкорененного истории в ареале Евразии.

Скажем сразу, что мета-история, как всякая структура более высокого порядка, чем предметный мир, подвержена энтропии, может быть ложно отождествлена с предметностью существования и планом собственно истории. В то же время взаимодействие и соотношение этих начал определяет ход мировой истории в самом широком смысле слова. Вглядываясь в мировой исторический процесс, мы

можем заметить в нем невидимые на его поверхности ритмы, волны и тенденции исторического развития.

Возьмем для примера такие важные в исторической науке понятия, как Возрождение и Просвещение. В западной традиции первое принято связывать с открытием самостоятельности человеческого разума, а второе — с обретением индивидуальной свободы и вместе с ней — гражданских прав и свобод личности. Это обстоятельство дает право Кристевой и другим западным философам видеть в восточных традициях продукт незрелого, суетного, по-детски непоследовательного и в конечном счете помраченного и лукавого ума. Очевидно, однако, что требуемое второй из указанных выше познавательных парадигм опознание самих пределов мысли и опыта требует большого умственного усилия, тщательно выверенной методологии, необыкновенного упорства и ясности мысли. Правда, поскольку предел опыта, совпадающий с полной открытостью миру, есть реальность совершенно естественная, недоступная измерению и конструированию, всегда уже заданная восприятию, обязательным условием ее постижения являются спонтанность, душевная искренность и превыше всего точное соответствие актуальному моменту существования в его жизненной динамике. Таким образом, восточная традиция и взращиваемая ею мудрость предполагают как раз духовную зрелость и обостренное этическое чувство.

В действительности можно говорить не о подавлении или вытеснении одной познавательной парадигмы другой, а об их совместном существовании и даже творческом взаимодействии. Правда, характер и формы такого взаимодействия и совместности до сих пор не установлены, и даже сама эта проблема еще не поставлена в научной литературе. Пока мы можем сказать, что восточная парадигма познания требует способности к преодолению (по сути, оставлению) субъективного эго, и это обстоятельство выдвигает на первый план проблему преодоления всего частного, субъективистски-ограниченного в себе, повышения духовной чувствительности через единение и даже взаимное проникновение сознания и тела.

Если западная традиция видит в человечестве замкнутые равноценные и равновеликие индивидуумы, противостоящие внешнему миру, то личность на Востоке выстраивается на вертикальной оси духовных и социальных статусов, ведущей от физического бытия к вершинам небесного блаженства и святости. По сути дела, такая личность очерчивает пространство посредования между индивидуальной личностью и всеединством человечества, которое В. Муравьев, опираясь на русскую традицию, называл «сверхвременным соборным телом».

Пора обозначить природу этой основополагающей для евразийской мета-цивилизации личности-универсума. Мы имеем дело, по сути, с целостной и самодостаточной монадой, совмещающей в себе качества единства и единичности и предстающей вечнопреемственной инаковостью, постоянством бесконечной изменчивости. Ее природа — извечное возвращение к себе, постоянное возобновление или, другими словами, вечносущая новизна, неуклонное уклонение от себя, предполагающие недвойственность виртуального и реального, внутреннего и внешнего, личного и вселенского измерений существования. Целостность и полнота этой структуры обосновываются ее непрерывным рассеиванием и бесконечным разнообразием ее проявлений. Более того: чем больше различаются ее отдельные явленные образы, тем убедительнее они свидетельствуют о пронизывающем их единстве. В свете подобного «всегда другого единства» все в мире есть только подобие, которое содержит в себе условия и соединения, и разделения, а само недоступно определению и не охватывается внутренним порядком или логикой рассуждения. Его присутствие обозначено перечнем — потенциально нескончаемым — отдельных качеств, имеющих характер нюанса, следа, тени, проблеска, внешних обстоятельств отсутствующей сущности. Поэтому речь идет о реальности эстетической и орнаментальной по своей природе. Отсюда свойственные евразийскому метацивилизационному типу нераздельность декора и сущности, богатство орнаментального оформления, в котором часто усматривают глубинное сходство Востока и Московской Руси. Русский китаевед В.М. Алексеев с удивлением отмечает в дневниках своего путешествия по Китаю в 1907 г., что «при всем своем несхождении форм религиозный уклад Китая по существу весьма напоминает “святую” Русь»⁷. Еще более далекий от идеализации старого русского быта посланник революционной России А. Ивин, живший в Китае в 20-х гг. XX в., с еще большей убежденностью высказывает ту же мысль⁸. Тогда же «сродство вкусов, близость мотивов орнаментального искусства, музыки» Востока и Московской Руси отмечал и Г.П. Федотов, считавший, впрочем, чувство этого родства поверхностным и скоропреходящим⁹. Учитывая ключевое значение орнаментальности в евразийском метацивилизационном типе, с этим трудно согласиться.

Очевидно, что интересующее нас единство можно мыслить только как отношение, соответствие, качество ситуации, данные как

⁷ Алексеев В.М. В старом Китае. М., 1958. С. 247.

⁸ Китай у русских писателей / Сост. А. Романенко. М., 2008.

⁹ Федотов Г.П. Сочинения. Т. 4. М., 2012. С. 275–276.

промельк, вечнодлющееся отсутствие, вечносущий нюанс. Оттого же любая попытка определить его несет в себе угрозу его опредмечивания и объективации, выявления его субстантивного ядра, т.е. подчинения знания принципу самотождественности. В сущности, мы имеем дело с «отношением без отношения»¹⁰, свойственным синергии или просто свободной совместности в интерактивном пространстве, характерном для компьютерных технологий. Каждая грань, момент, нюанс этого поля интерактивности (где нет объектов, сущностей, форм и т. д.) внушает присутствие чего-то иного и противоположного, так что явственное различие между ними внушает их подспудное единение.

В свете принципа само-инаковости выявляется общий строй евразийского мирознания. В его основе лежит не статическая форма, будь то эйдос, идея, сущность, субстанция и т. п., а первозданный динамизм самой жизни, абсолютное превращение, которое предстает как само-уподобление, само-устранение, само-замещение и т. п., одним словом — вездесущее подобие, всё во всё. В духовном опыте это безусловное превращение равнозначно главному закону аскезы: сосредоточению сознания в себе, его сокрытию, сохранению себя, говоря старорусским языком, во «внутренней клети сердца», отстранению от всякой явленности. Однако же сокрытие, чтобы полностью реализовать себя, должно само сокрыться, и это вторичное сокрытие, «сокрытие сокрытия» открывает сознание полноте бытия в совместности его видимых и невидимых аспектов. В китайской традиции началом жизни считается «сокровенная заставка» опыта, совпадающая с «изначальной раскрытостью» существования. По сути, подвижник духовной истины входит в безбрежный простор, именно «пропадает в пространствах», как сказано в суждении Эрна о судьбе русских молчальников. Таким образом, в великом (само)превращении мира предел сокрытости оказывается крайней точкой явленности, видимое и невидимое друг друга проникают и скрытно обосновывают. Все духовные традиции мира утверждают, что в крошечной тьме инобытия, соответствующей высшему сосредоточению духа, проступает чистейшее сияние, которое высвечивает «изначальные», «небесные» и притом всецело «внутренние» образы мира. В литературе это неудержимое центростремительное или инволюционное движение духа в акте само-превращения уподоблялось сжатию звезд под собственной тяжестью, свертыванию их гравитационного поля на себя, отчего на месте звезды возникает «черная дыра», которая не

¹⁰ «Чжуан-цзы». Внутренний раздел / Пер. В.В. Малявина. Иваново, 2017. С. 166.

допускает никакой коммуникации с внешним миром¹¹. Метафора звездного коллапса применялась критиками для оценки философии М. Фуко, который заявлял, что конструкции рациональности Модерна должны рухнуть под собственной тяжестью, чтобы расчистить место для нового мира Пост-Модерна.

Нельзя не учитывать, что упомянутое свертывание мира в себя, движение вспять к истоку всего сущего сопровождается интенсификацией психической жизни, обострением духовной чувствительности или, если угодно, внутреннего бдения, что дает толчок творческой активности и, как следствие, визуализации различных качеств внутреннего опыта, проекции вновь открытой внутренней глубины сознания на внешний мир. Не о такой ли «неявленной яви» говорил Эрн? В Китае по этому поводу говорили: «Образы выходят из сердца»¹². Речь идет, по существу, о фантазмах, предшествующих оппозиции воображаемого и действительного, даже внутреннего и внешнего. В своем истоке эти мимолетные фрагменты жизненного динамизма, этот «шепот прежде губ» существуют в виртуальном модусе и исчезают, прежде чем обретут устойчивый и узнаваемый образ. Они, по словам поэта, «встают и заходят безмолвно, как звезды в ночи», не оставляя следа в памяти. Тем не менее, наиболее заметные моменты восприятия могут стать материалом для создания предметных образов, задерживающихся в памяти и доступных узнаванию, а выстраивание связей между ними в творческом воображении создает описанные выше цепочки ассоциативных «связей несвязуемого», которые освящаются авторитетом традиции и получают нормативный статус. Выявляемые таким путем комплексы образов являются свидетельствами духовного прозрения и вместе с тем претворения моментов опыта в сверхвременные типы. Последние и составляют арсенал базовых элементов культурной традиции. Эти формы-типы, часто имеющие вид сложных конфигураций образов, не служат познанию так называемой объективной действительности и ничего не сообщают о ней. Их назначение чисто практическое и учительное: помогать обретению опыта вечнопреемственной, т.е. самодостаточной и в себе полной инаковости, который лежит в основе духовной практики. Качество нормативное как элемент традиции и стильное как элемент культуры, утвержда-

¹¹ Это сравнение принадлежит исследовательнице философии М. Фуко П. Мейджор-Пётцль. См.: *Major-Poetzl P. Michel Foucault's archeology of Western culture. The Harvester Press, 1983. P. 70.* Другим примером замыкания видения на себе может служить образ мира — точнее, отсутствие такового — при движении со скоростью света.

¹² Чан-ши уцзи шу (Книга боевой техники рода Чан). Тайбэй, 1996. С. 22.

ющее, по сути, бесконечность конечного. В нем и посредством него традиция возвращается к своему (всегда отсутствующему) началу или, если угодно, возвращает его себе и поэтому способна воспроизводить и продолжать себя в новых формах инаковости. Эта цель оказывается достижимой именно потому, что речь идет о возвращении к досубъективной и доиндивидуальной глубине опыта, где обновление обладает неотразимой силой воздействия, распространяется в пространстве чистой общительности всечеловеческого, метаисторического и всеобщего благодаря его нормативной природе «соборного тела». Само действие в данном случае носит характер отклика, реакции или, точнее, следования глубинному импульсу всеобщего процесса. Это действие всегда личностное, и истина в традиции передается непосредственно «от лица к лицу». Речь идет о внутренней встрече, обладающей неоспоримой убедительностью. Как говорили чаньские наставники в Китае, пережить прозрение — все равно, что встретить отца на людном перекрестке: вам не нужно будет спрашивать прохожих, не обознались ли вы.

Яркий и в своем роде классический пример такого события захватывающей встречи (в) инаковости, свершающейся в бытийном круговороте, содержится в даосском каноне «Чжуан-цзы», где истинным мудрецом представлен главный участник обряда поклонения предкам (точнее, встречи с предками) в древнем Китае. Ведущая роль в этом ритуале отводилась потомку усопшего, который, сидя на почетном месте, изображал умершего и принимал за него жертвенные яства. Об этом распорядителе церемонии сказано буквально следующее:

«Сидя как покойник, [он] являет драконий образ (апофеоз жизни. — В.М.).

В глубоком безмолвии раздается громовой глас.

Духовному движению Небо следует,

И всё обретает свое место...»¹³.

Распорядитель церемонии, очевидно, пребывает в круговороте само-превращения, который сводит (не смешивая) воедино противоположности, но в итоге возвращает к истоку всего сущего через вечнопреемствование инаковости. Это самосвертывание, возвращающее к началу времен, к полноте творческой свободы в точке предвосхищения всего сущего, предшествует не только субъектности, но и сознанию вообще. Средневековый комментатор этого пассажа Линь Цзы (XI в.) утверждает, что глава церемонии пребывает в «не-

¹³ Фан Юн. Чжуан-цзы цзуаньяо. (Собрание основных сведений о «Чжуан-цзы»). Т. 2. С. 38.

сознании», следует спонтанности события, и его мудрость есть только безотчетное «следование моменту», в котором виртуальное и актуальное измерения существования уже нераздельны (но и не совпадают). Мы вновь имеем дело с недоступной рефлексии мельчайшей дистанцией в символическом пространстве самопревращения, в котором достигается согласие жизненного аффекта и мирового процесса. Следующая фраза о «духовном движении» указывает на первичность усилия само-оставления (или превозмогания себя) не только в психологическом плане, но и на уровне онтогенеза. Оно предваряет даже «небесное» начало бытия, т.е. природные задатки человека, и притом предопределяет органический порядок мира, его «разумность» — столь же всеобщую, сколь и недоступную для предметного знания, всегда выступающую как одно *расеянное целое* подобно мировой «единотелесности».

Итак, в парадигме самоинаковости полнота человечности совпадает с полнотой бытия (в китайской традиции — Небом), а усилие совершенствования, самопревосхождения ставит человека даже впереди Неба. Аналогичным образом, непостижимо короткий миг смены бытийных состояний, соответствующий мельчайшему разрыву в мировом круговороте, мгновенному, но неизбытному покою между-бытности всего, в действительности наполнен необоримой мощью бытия, воплощает безграничное изобилие жизни. Именно в этом зазоре, или складке бытия в перспективе созерцания, сфокусированного на пределе всего и обращенного вовнутрь, внезапно являются образы, которые могут быть соотнесены с центробежной тенденцией круговорота, проекцией опыта вовне и в этом смысле представляют инобытие внутренней глубины опыта. «Дух свертывается внутри, а образы видны вовне», поясняет другой средневековый толкователь рассматриваемого пассажа Чэнь Цзинъюань. Появляющиеся таким образом формы не имеют отношения к внешнему миру, ничего не выражают и не обозначают, а являют собой тень, след, отблеск самоскрывающейся реальности. Но они соотносятся с глубиной опыта в том смысле, что представляют ее радикальную инаковость. Они не могут не быть ровно настолько, насколько не может не скрываться принцип само-инаковости. По той же причине они имеют эстетическую природу: их аура инаковости сущностно орнаментальна и в то же время скрытно указывает на целостность мира.

Теперь мы можем уяснить, почему именно тело, телесная интуиция находятся в центре мирознания, сложившегося на основе само-инаковости. Тело в действительности и есть пространство само-сокрытия и само-превращения, которое в евразийской метакультуры очерчивает местопребывание истины. «Свернуться

в себя» — значит превзойти свое тело, не уходя от него. Речь идет о реальности, которая «не в себе», всегда экс-центрична и заявляет о себе, скорее, как центрированность подвижной конфигурации сил. Классическое китайское изречение гласит: «В себе не имей где пребывать, и все вещи проявятся сами»¹⁴. Великий Путь мироздания, как сообщается в тех же текстах, «не может одолеть вещи» уже потому, что не принадлежит себе, способ его существования есть рассеивание, растворение в чистой конкретности вещества, которое в системе евразийского мирознания равнозначно «вхождению в след и тень истины». В «сокровенном превращении» мы имеем дело не с трансценденцией, а, так сказать, транспозицией опыта, скольжением на грани всех жизненных миров в необозримом поле жизненной имманентности. В феноменологическом плане такая внутренняя самотрансформация означает в действительности возвращение к телесным истокам опыта, фактуре вещей, фактичности факта, тону в цвете, тембру в голосе, горловому пению, танцу живота. Эта реальность, как кинестезис живого тела, пребывает вне предметной данности. Она есть то, что остается, когда всё оставлено, и поэтому неотличима от изобилия самой жизни. Она соответствует целостности восприятия, исключает всякое внешнее воздействие и допускает только «следование», размечаемое темпом процесса. Смысл этого следования — восстановление изначальной полноты всего сущего (апоатакастасис).

Таким образом, в высшей точке просветленности мир возвращается к его исконному, нетварному естеству — к «синеве неба и зелени листвы» (чань-буддийская формула высшего прозрения). Мудрость находит свое основание в полной безыскусности жизни, в предельной простоте «обычного сердца», в «едином сердце» человечества, которое, тем не менее, всегда есть «единственное сердце», «это самое сердце», безошибочно узнаваемый личный опыт.

Цельность *тела просветления* есть только бесчисленное множество точек приложения воли, любовного в своей уступчивости внимания, и эта воля, будучи освобожденной от привязанности к предметному миру, способна достигать высочайшей степени концентрации, проникать в микромир, где нет разделения между духовным и материальным. Описания моментов духовного пробуждения неизменно содержат указания на необычайную обостренность слуха и зрения в пространстве *предвосхищающего внимания*, в котором, как в нашем самоощущении тела, вместо счислимых расстояний мы

¹⁴ «Чжуан-цзы». Внешний раздел. Смешанный раздел / Пер. В.В. Малявина. Иваново, 2017. С. 433.

имеем неопределенную протяженность, где близкое и далекое, прошлое и будущее проницают друг друга. Та же отсутствующая вечнопреемственность определяет наше восприятие времени: она, если воспользоваться популярным буддийским образом, подобна звону колокола, который звучит до того, как раздастся его удар, и продолжает звучать после того, как смолкнет физический звук. В этом пространстве телесного когито выявляются все образы, и оно же позволяет, согласно классической формуле, «распространять покой далеко», скрытно приводить всё сущее к полноте своего бытия (что и считалось заданием мудрого правителя). Парадоксальным образом скрещение полярных сил здесь предельно утончается, и телесное сознание достигает наивысшей ясности там, где смотреть некому и не на что. Есть только чистое и ясное, безначальное и бесконечное сияние, которое освобождает самое себя, дает себе светить. Здесь всё делается, но никто ничего не делает; всё видно, но никто ничего не видит.

Описанное выше внутреннее прозрение устанавливает, как говорили в Азии, «чудесные», т.е. сверхлогические соответствия между вещами. В вечносущем «теле прозрения» всё сущее принадлежит единому полю мировой событийности, история разворачивается в череде пророчеств и обетований и носит характер возвращения к исходной точке мирового процесса. Однако формы и способы этого возвращения непрерывно множатся, включают в себя всё более тонкие различия, так что мы имеем дело с освоением космоса культурой. Развитость культуры здесь определяется не тщательностью анализа и четкостью мыслительных схем, а непосредственно богатством экзистенциальных озарений, запечатлевшихся в культурной памяти.

В «лесной чаще» или «звездном небе» (две традиционные формулы) первичных фантазмов все явления имеют свою темную предысторию, свой интимно-внятный, но непереводимый в образы и понятия субстрат опыта. Эта бездна нюансов и мгновений доступна только интуитивному познанию и наполнена «сообщительностью сердец». Легко предположить, что она имеет свои органические корни, уходящие в проприоцептивную сознательность, предваряющую всякий опыт. Философ и искусствовед О.И. Генисаретский оставил проницательное описание последствий описанного здесь мировидения для русского менталитета в его глубинной соотносительности с евразийской познавательной парадигмой. «Евразийство — в первую очередь не идеология и идеократия, а ощущение дыхания истории, духовного напора и энергии самоопределения, осознания себя в них и посредством них... Это ответвление пассионарной

волны исторически не осуществившегося русского духовного возрождения. Но как таковое событие состоялось, и высвобожденные им энергии до сих пор питают идеями-силами расширяющуюся русскую вселенную. Неопределенность и известная слабость нашего национального самосознания идет не столько от недостатка мыслительного материала или нерадения его носителей, сколько от широты очерченных нашими предшественниками ценностных и проблематических горизонтов, оставленных ими для наших усилий, замыслов и задач»¹⁵.

Рассмотрим, как парадигма само-инаковости проявляется на поверхности исторического процесса в евразийском регионе. Исследование этой темы сильно затрудняется отсутствием четких форм как противостояния указанных выше базовых парадигм познания, так и форм «самоопределения», допускаемых евразийской метацивилизацией. Западная парадигма дает знать о себе чередой очень разных идей и учений рационалистической направленности, среди которых мы встречаем гностицизм и пережитки эллинизма, позже различные изводы гуманизма, проникавшие и в православный мир, а еще позднее различные версии индивидуалистической философии. Разглядеть общий стержень в этой частой смене интеллектуального ландшафта нелегко и, добавим, даже теоретически невозможно. Положение осложняется тем, что евразийская парадигма самоинаковости изначально несет в себе внутреннее противоречие, уклоняется от себя и заявляет о себе больше косвенно, в иносказательном модусе.

История России служит здесь особенно показательным примером. В ней явственно ощущается столь же инстинктивное, сколь и упорное сопротивление проекту рационально-умозрительного устройства мира, заложенному в принципе само-тождественности сущего. Впервые это сопротивление отчетливо проявилось в начальный период Московской Руси, в русских версиях греческого исихазма, в так называемой московской калокагатии. Политически оно выразилось в борьбе против католической унии. Но попытка дать определение этой силе неизбежно разрушает сам принцип самоинаковости. Она лишает идеал священнобезмолвия его эстетической ауры и подменяет культивируемые им смирение и тонкую чувствительность формально-инструментальным знанием, а возникающие нестыковки и конфронтации разрешаются насилием. Достаточно вспомнить опричнину Ивана Грозного, которая была попыткой за-

¹⁵ *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2001. С. 475.

ложить в основу государства принцип самоинаковости, но в рамках... западной парадигмы. Позднее та же ошибка в проведении церковной реформы привела к расколу. Но столь же показательно, что господство западной метацивилизационной парадигмы несколько не уменьшило значения «молчания» в русской культуре.

Подъем русского самосознания на рубеже XIX–XX вв. вновь вывел на авансцену общественного сознания тему священнобезмолвия, породив на этот раз большое разнообразие видимых форм этой духовной практики в философии, литературе, искусстве, историографии. Это было время открытия заново древних сокровищ русского искусства и мечтаний о новом славянском Возрождении, которое в отличие от антропоцентричных Ренессансов Европы будет религиозным¹⁶. В современных оценках этого события чувствуется влияние всё тех же установок западной, телеологически и феноменологически заряженной познавательной парадигмы. В них сквозит сожаление о «несостоявшемся золотом веке русской культуры», о том, что «быть могло, но не возмгло»¹⁷. Между тем, как мы уже выяснили, инволюционное свертывание жизненного опыта вовсе не запрещает явленности мира, просто последняя оказывается плодом внутреннего самопревращения, транспозиции жизненных миров, дающей внешнему существованию статус тени, декора, того, что оставлено в самом акте оставления и в этом смысле неподвластно умственным манипуляциям. Более того, действие внутреннего сжатия и предустановленный экс-центризм точки свертывания бытия определили особенности всего исторического процесса в России с его неудержимым расширением русского мира, постоянным обогащением его стиля и уникальной изменчивостью его облика. На самом деле смысл русского возрождения — это само течение русской истории с ее резкими поворотами, катастрофическими разрывами, но и непрерывным наращиванием потенциала традиции. Самое пронизательное и мудрое отношение к вечной тайне России выражено в словах Пушкина о том, что он принимает историю России, «какой нам Бог ее дал». И именно потому, что в жизни нет ничего прочнее и долговечнее, чем легкокрылая тень и пустотная орнаментальность.

Общественная и культурная среда самоинаковости есть сложная, бесконечно изменчивая целостность, заложенная в личности, семье, роде, школе, обществе. На Востоке основой общественного

¹⁶ И эта тема на удивление мало исследована.

¹⁷ *Соболев А.В.* О персоналистической гносеологии (или о сближении познания и искусства в русской мысли XX в. // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 131–132.

стройка всегда было иерархическое двуединство семьи и школы (эти понятия обозначаются в восточных языках одним и тем же словом). Семья и род служили физической рамкой социума, школа придавала завершенность их духовному началу. Внутренней же скрепой школы как высшей формы семьи и рода, служил ритуал — прообраз вечнопреемства, вечного возвращения инаковости (и к инаковости) в моменте самопревращения, т. е. претворения существования в типовые формы. Ритуал, будучи средством и способом возобновления вечноживого в жизни, совмещает творческую свободу и нормативность, внутреннее узрение и внешнее созерцание. Как средство активации глубинных слоев психики, он воспитывает духовную чувствительность недостижимую для индивидуального сознания и поэтому является настоящей школой тела и духа. Азиатские традиции необычайно ясно раскрывают телесные истоки культуры в вездесущей стильности ее образов. В свете традиции вещи приобретают характер символических типов, соединяющих единичное и единое, они проникнуты столь же вездесущим, сколь и вечноотсутствующим «единым дуновением» и в этом смысле свидетельствуют о «великом теле», учреждаемом в школе. Тренировка тела в ритуале, превращение его в средство коммуникации равнозначны его стилизации, стильной выделке. Недаром на Востоке знаки присутствия просветленного сознания в человеческой жизни называли «печатью сердца Будды». Но нельзя думать, что ритуал лишь накладывается на сознание индивидов в качестве своеобразного отпечатка, некоего «импринтинга»¹⁸. Ритуальное действие само воспитывает или даже, точнее, взращивает сознание и оттачивает его, созидает цельность стиля, неизбежно личностно окрашенную. Выработка же стиля — творческий процесс увязки, согласования личного и вселенского. Возобновление гармонической полноты опыта в стиле — это всегда проба, вечно незавершенный эксперимент. Вот почему ритуал находится у истоков человеческого творчества.

Одним словом, ритуал в основе своей есть акт, повторим еще раз, воссоздания вещей в первозаданной полноте их единичности. Спасение мира означает воссоздание жизни в неисчерпаемом раз-

¹⁸ Такое мнение высказывает японист О. Берк в отношении нормативных фигур (ката) в японских боевых искусствах. Ката как дидактический прием, пишет Берк, «показывают, каким образом матрица (т.е. коллективная норма) может стать импринтингом (т.е. индивидуальным актом или жестом) и наоборот». (Berque A. Some Traits of Japanese Fudosei // The Japan Foundation Newsletter. 1987. Vol. 14. N 5. P. 7). Суждение Берка, возможно, справедливо для японской культуры (хотя бы потому, что японское слово *ката* обозначает статичные фигуры), но вряд ли применимо к традиции китайской, подчеркивающей примат динамической бесформенности над формой.

нообразии ее конкретных свойств. Так оправдывается человечество в каждом человеке. И это оправдание есть самопревращение, в котором человек восходит к себе, уходя от себя.

Однако в познании природы ритуала существует, как мы могли заметить, одна общая ошибка, которая состоит в невольном придании качеству существования, реализуемому в творческом самопревращении, той или иной предметности, редукции отношения между вещами к самой вещи. В категориях эпистемологии это соответствует проекции допредметной матрицы опыта на уровень идео-логического знания или, другими словами, преобразению микровосприятий проприоцептивного сознания в макрообразы субъектно-объектных оппозиций. В результате духовная практика школы чахнет и умирает в идеологических абстракциях, а вырабатываемый ею уникальный стиль «соборного тела» уступает место индивидуальной и далее индивидуалистической манере. Этот момент, наблюдаемый в мире повсеместно, соответствует переходу от традиционной культуры к Модерну и имеет на самом деле всемирный характер. Свершившись первоначально на Западе, он затем перекидывается в Россию, а к началу XX в. захватывает одну за другой азиатские страны.

Сказанное выше описывает цикл формирования и разложения символических типов, ставших основой школ духовной практики в ареале евразийской метацивилизации. Упадок этих школ, а вместе с ними всей культурной традиции ознаменовал переход человеческих обществ к Модерну. Однако век Модерна по историческим меркам оказался недолгим. Заложенное в его прометеевском телеологизме исчерпание субъектно-объектных отношений оборвало течение модернистской истории. История приняла вид чистой временности, вечного настоящего как вечнотекущего саморазличия, охватывающего и прошлое, и будущее. Вернулось характерное для традиционных культур переживание вечнопреемственной инаковости, выдвигающее на передний план практику личного роста и духовного просветления. А в основе этих практик лежит всё то же средоточие бытийного круговорота, нераздельность виртуальных и актуальных качеств бытия, познание, проистекающее из дифференциальных отношений отдельных моментов опыта. Мир вступил в век «фантомной пост-истории», в которой сквозь субъективно-случайное и всем чужую «объективную действительность» прорастает родовой-родной порядок, одновременно личный и общий. Только эта история про-из-растания человечества в отдельном человеке может чему-то научить. И учит она, в сущности, мудрости смирения: умению жить с миром в мире.

References

Berque A. Some Traits of Japanese Fudosei // The Japan Foundation Newsletter. 1987. Vol. 14. N 5. P. 1–7.

Ern V.F. *Vremya slavyanofil'stvet. Voina, Germaniya, Europa i Rossiya* [The Times Are Slavophilic: War, Germany, Europe, and Russia]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 1915. 48 p.

Genisaretskiy O.I. *Navigator: metodologicheskie rasshireniya i prodolzheniya* [Navigator: Methodological Extensions and Continuations]. Moscow: Put', 2001. 526 p.

Kristeva Ju. Crisis of the European Subject. New York: Other Press, 2000. 183 p.

Major-Poetzl P. Michel Foucault's Archeology of Western Culture. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983. 281 p.

Sobolev A.V. *O personalisticheskoi gnoseologii (ili o sblizhenii poznaniya i khudozhestva v russkoi mysli XX veka)* [On Personalist Epistemology (Or on the Convergence of Knowledge and Art in Russian Thought of the Twentieth Century)] // *Voprosy filosofii*. 1998. N 4. P. 121–137.

Поступила в редакцию
10 января 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-158-173

**О.Е. Казьмина, Т.Д. Соловей,
М.Н. Бахматова, О.В. Федорова**

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ:
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 1897–1937 гг.**

**O.E. Kazmina, T.D. Solovei,
M.N. Bakhmatova, O.V. Fedorova**

**ETHNOCULTURAL IDENTITIES THROUGH
THE LENS OF STATISTICS: RUSSIAN
POPULATION CENSUSES, 1897–1937**

Аннотация. В статье анализируется, как в программах переписей населения, проводившихся на территории России с 1897 по 1937 г., отражалась динамика представлений об основных этнокультурных идентичностях. В России из всех видов культурной идентичности наиболее значимыми были языковая, религиозная и этническая, при этом применительно к разным периодам порядок внутри этого перечня различался, и приоритеты государства по «продвижению» одной или нескольких из них менялись. Переписи населения, проведенные в России в 1897, 1920, 1926 и 1937 гг., ярко выявляют трансформации этой шкалы идентичностей. Особое внимание в статье уделяется проникновению в перепись категории национальной (этнической) идентичности. В Российской империи Нового времени формировался элитарный дискурс, который предлагал различные интерпретации природы этнического (национального): определение русскости через

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kazmina Olga Evgenievna, Doctor in History, Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

Соловей Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solovei Tatiana Dmitrievna, Doctor in History, Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsolovei19@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7453-297X

ее атрибуты — православие и верность престолу; определение русскости (национальности) через культуру; определение русскости через «расу», «породу», «кровь». Но в отношении массы русского народа работала презумпция: русский — значит православный и лояльный престолу (при этом негласно подразумевался и русский язык). В статье показывается, как в Советской России повышалась значимость этнической идентичности, чему способствовали и принятый новой властью принцип национального самоопределения, и введенное административное деление, теснейшим образом привязанное к национальности. Неслучайно, что уже в переписи 1920 г. появляется вопрос об этнической принадлежности — с формулировкой «народность». В переписи 1926 г. она меняется на «национальность». Анализ переписей населения, проведенных с 1897 по 1937 г., показывает, что в России базовыми факторами этнической идентичности, которая официально признавалась не во все периоды этого срока, были язык и религия. Связь языка и этничности выглядит априорной. Связь этничности и религии не столь очевидна, но в условиях гонений на религию она хотя затухала, но сохранялась, однако в структурировании идентичностей (базовая/производная) религия и этничность поменялись местами.

Ключевые слова: переписи населения, родной язык, религия, национальность, этничность, самосознание.

Abstract. The article examines how the programmes of population censuses conducted in Russia between 1897 and 1937 reflected the dynamics of perceptions of major ethnocultural identities. Among the various forms of cultural identity in Russia, the most significant were linguistic, religious, and ethnic. However, the relative importance of these categories shifted across different periods, as state

Бахматова Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент и заместитель заведующего кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bakhmatova Marina Nikolayevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Deputy Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

mbakhmatova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0189-3050

Федорова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedorova Olga Viktorovna, Doctor in Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
olga.fedorova@msu.ru

ORCID: 0000-0002-5034-3859

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Center and South of Russia”.

priorities in promoting one or several of them evolved. The censuses of 1897, 1920, 1926, and 1937 vividly reveal transformations in this hierarchy of identities. Special attention is devoted to the incorporation of the category of national (ethnic) identity into census practices. In the Russian Empire of the modern era, an elite discourse emerged that proposed diverse interpretations of the nature of the ethnic (national): defining Russianness through its attributes — Orthodoxy and loyalty to the throne; defining Russianness through culture; and defining Russianness through notions of “race”, “stock”, or “blood”. For the broader Russian population, however, a presumption operated: Russian meant Orthodox and loyal to the throne (with the tacit implication of the Russian language). The study demonstrates that, in Soviet Russia, the significance of ethnic identity increased, facilitated both by the principle of national self-determination adopted by the new regime and by the administrative divisions, which were closely tied to nationality. It is therefore no coincidence that the 1920 census included, for the first time, a question on ethnic affiliation, framed as “narodnost” (“ethnic group”), which in the 1926 census was replaced with the term “nationality”. The analysis of the censuses conducted between 1897 and 1937 shows that the fundamental factors of ethnic identity in Russia — although not officially recognized in every period — were language and religion. The connection between language and ethnicity appears almost self-evident. The link between ethnicity and religion is less straightforward, yet despite the repression of religion it persisted, albeit muted; over time, however, in the structuring of identities (primary/derivative), religion and ethnicity exchanged their positions.

Keywords: population censuses, native language, religion, nationality, ethnicity, self-identification.

* * *

Переписи населения в России конца XIX — первой половины XX в. представляют собой интересную страницу отечественной истории, которая позволяет увидеть, как через призму «сухой» статистики и демографии предстают моментальные снимки российского общества в реперные моменты его существования: на пике развития имперской государственности в 1897 г., в бездне постреволюционного гражданского хаоса в 1920 г., в процессе собирания земель под флагом СССР в 1926 г. и на гребне сталинских репрессий в зловещий для коллективной памяти советского народа 1937 г. Сравнение программ этих переписей помогает выявить преемственности и разрывы в динамике основных этнокультурных идентичностей. За каждой из этих переписей стоит государственная идеология соответствующей эпохи, определенные научные представления и работа тысяч переписчиков, которые преодолевали десятки верст или километров, чтобы по капле собрать демографическое «море» российского народа, состоявшее из многочисленных этнических групп с их языками, верованиями, культурой, социальным бытом,

хозяйством, семейными связями. Порой и респонденты испытывали напряжение, отвечая на, казалось бы, банальные вопросы о национальности, родном языке или религиозной принадлежности. С изменением идеологических парадигм менялась шкала приоритетов в выстраивании компонентов национальной идентичности, что проявлялось и на уровне задаваемых параметров, и на уровне интерпретации полученных результатов.

Как отмечали американские ученые Д. Кертцер и Д. Арель, перепись населения играет важную роль в формировании социальной реальности¹, превращаясь, таким образом, в инструмент для категоризации населения. Сходную мысль еще в советское время высказывали С.И. Брук и В.И. Козлов, подчеркивая, что уже на этапе подготовки многосложного инструментария переписей «группировка этнических и лингвистических наименований, проводимая в них, не только кладется в основу переписей населения, но в какой-то мере предопределяет ее результаты»². В.А. Тишков отмечал, что «процедура переписи способствует формированию воззрений людей на мир как на состоящий из отчетливых групп людей, порождая вслед за этим особое внимание к сторонам социальной жизни, которые до этого не имели <...> официально-статусного значения»³. Категории, установленные переписью, приобретают большое значение в сознании людей, ибо посредством нее государство передает населению свою шкалу ценностей в структуре коллективной культурной идентичности и, следовательно, вносит свой вклад в формирование иерархии различных типов идентичностей. Можно сказать, что посредством переписи государство способствует формированию и упрочению определенных видов идентичности, создавая наиболее предпочтительную категоризацию населения⁴. В России из всех видов культурной идентичности наиболее значимыми в разные периоды были языковая, религиозная и этническая, при этом применительно к разным периодам порядок внутри этого перечня различался, менялись и приоритеты государства по «продвижению» одной или нескольких из них. Переписи населения, проведенные в России в 1897, 1920, 1926 и 1937 гг., ярко выявляют трансформации этой

¹ Kertzer D.I., Arel D. *Censuses, Identity Formation, and Struggle for Political Power // Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses / Ed. by D. Kertzer, D. Arel. Cambridge, 2002. P. 2.*

² Брук С.И., Козлов В.И. *Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. 1967. № 6. С. 13.*

³ Тишков В.А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 187.*

⁴ Kazmina O. *Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 198.*

шкалы идентичностей и показывают формирование особенностей современных этнических категоризаций в нашей стране⁵.

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи прошла в 1897 г. Ее нормативно-правовой аспект регулировался Высочайшим Положением о первой всеобщей переписи населения Российской империи от 5 июня 1895 г.⁶ Перепись состоялась на всей территории империи кроме Финляндии. Организацию переписи возглавил известный русский географ и статистик Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Однако научная и общественная подготовка к ней началась гораздо раньше. Среди множества проблем научного и практического характера не последнее место занимал вопрос о базовых демографических и этнографических таксонах, применительно к такому мульти-этническому и поликонфессиональному полю, каковым являлось население России. Одним из ключевых вопросов «долгого», по определению Э. Хобсбаума, XIX века, был вопрос о том, что есть нация и национальность⁷. На Российской почве этот вопрос получал особое звучание по целому ряду причин. Спецификой политической системы нашей страны являлась ее имперская сущность. Кроме того, со времен Петра Великого Россия, вместе с переносом столицы из Москвы в Санкт-Петербург, отошла от унаследованного от византийской модели принципа «симфонии» между светской и церковной властями, свойственной как «Второму», так и «Третьему Риму»⁸, подчинив, как это было характерно для европейского современного государства, религиозную компоненту обслуживанию собственных государственных интересов. Следствием этого стал переход от «симфонии» к противопоставлению этактической (светской по своей сути) и религиозной составляющих имперской политической системы нового типа.

В Российской империи Нового времени, в рамках культурной системы, открывшей принцип национальности, элитарный дискурс предлагал различные интерпретации природы этнического (национального): определение русскости через ее атрибуты — православие

⁵ Соколовский С.В. О принципах этнической категоризации населения во всеобщей переписи 2002 г. // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Сборник статей. Вып. 8. М., 2001. С. 125.

⁶ Высочайше утвержденное 5-го июня 1895 года Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи. СПб., 1895.

⁷ См.: *Hobsbawm E.J.E. The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. New York, 1962; *Idem. The Age of Capital: Europe 1848–1875*. London, 1975; *Idem. The Age of Empire: Europe 1875–1914*. London, 1987; *Idem. Nations and Nationalism since 1780*. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.

⁸ См.: *Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. М., 1998.

и верность престолу; определение русскости (национальности) через культуру; определение русскости через «расу», «породу», «кровь». Но в отношении массы русского народа работала презумпция: русский, значит — православный и лояльный престолу (при этом негласно подразумевался и русский язык).

Первая позиция восходила к славянофильству и теории «официальной народности», определяя русскость прежде всего через ее атрибуты — православие и верность престолу, что подразумевало единственным условием существования русского народа господство православно-монархического сознания. Такая интерпретация русскости была связана с официальным консерватизмом, хотя не совпала с ним. Представители бюрократической версии «национализма» и славянофилы по-разному видели соотношение этнического и религиозного начал. В уваровской триаде конституирующая роль принадлежала «самодержавию», а «православие» и «народность» носили второстепенный и даже вспомогательный характер. «Правительство Николая I стояло на позициях традиционного легитимизма, к национализму обращалось с огромной осторожностью, в случае конфликта между “народностью” и легитимностью всегда делало выбор в пользу легитимистских соображений»⁹. Лишь по недоразумению или в силу традиции эта концепция называется идеологией «официальной народности», с несравненно большим правом она могла бы называться идеологией «официального самодержавия». Тогда как несмотря на заметный религиозно-мистический и мессианский окрас славянофильского мировоззрения, центральное место в нем, тем не менее, занимала именно «народность». Не всегда явно, но весьма последовательно «народность» противопоставлялась «самодержавию», а «православие» было атрибутом (т.е. неотъемлемым свойством) «народности», или, в расширительной трактовке, рядоположной «народности» ценностью¹⁰.

Вторую позицию можно определить как либеральную или, точнее, национал-либеральную. Она увязывала принцип национальности с либеральной моделью. Но и либерализм, по мнению его адептов, «для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным»¹¹. Национальность как таковая определялась принадлежностью к культуре. Духовным вождем этого течения был

⁹ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого: реферативный сборник / Сост. К.В. Душенко. Вып. 1. М., 1991. С. 41.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Соловей Т.Д.* Славянофильство и «бюрократический национализм» // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 149–162.

¹¹ Цит. по: *Сергеев С.М.* Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003. С. 14.

П.Б. Струве¹², а институциональной опорой этого течения был один из лучших отечественных журналов начала XX в. «Русская мысль» и газета «Утро России».

Третья позиция отражала отголоски европейских идеологических тенденций XIX в. К примеру, в Германии и Италии принцип крови становится важной символической скрепой в условиях политической и территориальной разобщенности, согласно гердеровской диаде «Blut und Boden»¹³ или неогвельфской триаде «кровь–язык–религия» Винченцо Джоберти¹⁴. И если национал-либералы в понимании национальности исходили из безусловного приоритета «почвы», то представители третьей позиции выражали революционный для тогдашней России принцип «крови». В духе либерально-националистических идей того времени наиболее видный представитель биологического детерминизма публицист М.О. Меньшиков писал: «Нация — это когда люди чувствуют себя обладателями страны, ее хозяевами. Но сознавать себя хозяевами могут только граждане, люди обеспеченные в свободе мнения и в праве некоторого закономерного участия в делах страны. Если нет этих основных условий гражданственности, нет и национальности»¹⁵. Но сходство с национал-либерализмом было внешним. Для П.В. Струве главная ценность — благо отдельной личности, для М.О. Меньшикова — благо народа как биологического организма; для первого либеральный строй важен как осуществление принципа равноценности всех людей, для второго — как средство отбора новой аристократии, устанавливающей законы для «ленивого, мечтательного, тупого простого народа»¹⁶; для первого национальность определяется принадлежностью к той или иной культуре, по мнению второго — принадлежностью к той или иной «расе», «крови», «породе»¹⁷.

Таким образом, к двум давнишним линиям русского националистического дискурса — народнической и государственнической — М.О. Меньшиков добавил третью — биологическую, элитистскую, подчеркнута националистическую. Именно поэтому он «неоднократно подчеркивал <...> что для него высшей ценностью в уваровской триаде является ее третий элемент — народность»¹⁸.

¹² Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 29.

¹³ Herder J.G. Ideen zur Philosophie zur Geschichte der Menschheit (1782–1788). Berliner Ausgabe, Berlin 2013 (1. Aufl. 1784–1791). — URL: www.zeno.org/Lesesaal/N/9781482559736?page=2 (дата обращения 20.06.2024)

¹⁴ Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Vol. 1. Losanna, 1845.

¹⁵ Меньшиков М.О. Выше свободы. М., 1998. С. 89.

¹⁶ Цит. по: Сергеев С.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁷ Цит. по: там же.

¹⁸ Там же.

Нельзя исключать, что подобного рода подходы лежали в русле течений, развивавшихся в Европе второй половины XIX в. и получивших свое воплощение в работах Гюстава Лебона¹⁹. Излишне говорить, что для традиционалистской Российской империи такие проекции отвергались подавляющим большинством образованного русского общества. Идеи эти не укладывались и в рамки традиционного русского мировоззрения, далекого от мировоззрения простых англичан с их «островной» психологией или сформировавшихся в ходе реконквисты испанцев, явивших западному миру образцы элитарного и эгалитарного, народного расизма, одержимого идеей “*limpieza de sangre*”, — родоначальника европейского расизма. «Самосознание испанского простолюдина, его чувство собственного достоинства, представления о чести и бесчестии были основаны на идее “чистоты крови”»²⁰.

Не вызывает сомнения, что откровенно выраженные идеи расовой и этнической исключительности, а тем более их пропаганда или попытка осуществления представляли угрозу самим основам евразийской континентальной империи. Ведь исторически Российская империя, как и ее символические предшественницы, не стремилась к культурной и этнической гомогенности, поддерживая этническое и конфессиональное разнообразие. Одним из ключевых элементов имперской стратегии являлось включение иноэтнической верхушки в имперскую элиту, что создавало эффективную систему управления гетерогенным пространством России. Но в отношении массы русского народа работала презумпция: русский — значит, русскоязычный, православный, лояльный престолу. Русскость определялась сочетанием двух признаков: русский язык и православие. Крещенные инородцы в большинстве своем оставались инородцами (если только это не представители элиты, ассимилированные в русский язык и русскую культуру), они не утрачивали своих языков. Библия и богослужебные книги переводились миссионерами на языки крещенных ими народов.

Этот мировоззренческий фон повлиял и на выработку критерия этнокультурного блока всеобщей переписи 1897 г. Главными видами культурных идентичностей виделись язык и вероисповедание. Специфического вопроса об этнической принадлежности (народности, в категориях того времени) в этой переписи не было, хотя в период подготовки к переписи эта тема обсуждалась. Как уже упомина-

¹⁹ *Le Bon G.* Psychologie des foules. Alcan, 1895.

²⁰ Юрчик Е.Э. Представление о нации и национальное сознание в Испании. XVI — начало XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С. 238.

лось, проведение первой всеобщей российской переписи населения предваряла большая подготовительная работа, в частности участие России в международных статистических конгрессах. На одном из этих конгрессов, в 1872 г. в Петербурге, была поставлена проблема о соотношении между этнической принадлежностью и родным языком. Участники конгресса впервые обратили внимание на то, что эти показатели могут различаться, и рекомендовали определять этническую принадлежность по самосознанию опрашиваемых. Однако предпочтение в переписи было отдано родному языку из-за существовавшего тогда представления, что этническое самосознание — явление производное и складывается из двух факторов: родного языка и вероисповедания. В предварительной версии переписи, изданной Н. Тройницким в 1905 г., имеются две типологии вопросов, связанных с языком: первый блок «Население по преобладающим народностям на основании родного языка» и четвертый блок «Русское население по трем отдельным наречиям и грамотности», причем в состав русского населения включены великорусы, малороссы и белорусы²¹.

По поводу включения в перепись населения 1897 г. вопроса о религии дебатов не было, поскольку религиозная принадлежность считалась одним из важнейших факторов культурной идентичности. Переписные данные о религиозной принадлежности отличаются довольно большой подробностью. В опубликованных материалах выделено 15 групп. Самую большую группу — 69,4 %²², естественно, составили православные (в их состав были включены и единоверцы — ветвь старообрядцев-поповцев, признавших юрисдикцию официальной церкви). Характерно, что ответ «неверующий» (или аналогичный по смыслу) переписью даже не предусматривался: каждый должен был отнести себя к той или иной конфессии. Это позволяет сделать заключение, что целью переписи было выяснение не личной мировоззренческой позиции жителей страны, а именно религиозной идентичности — составной части более широкой культурной идентичности. Восприятию религии прежде всего как коллективной культурной идентичности способствовало и российское законодательство того времени, которое «привязывало» всех к своей «исконной» вере при господствующем положении православной церкви, в которую вход был открыт. Предполагалось, что каждый

²¹ Тройницкий Н.А. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 20–23.

²² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи. Т. 1. СПб., 1905. С XV.

человек остается в вере, в которой был рожден и которую исповедовали его предки («все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих»), существовал жесткий порядок перехода из одной конфессии в другую²³. Переходы из православия в другое вероисповедание не допускались, переходы из одной неправославной конфессии в другую жестко регламентировались²⁴. В 1883 г. был дарован ряд гражданских и религиозных прав староверам («раскольникам»). Это представляется тем более важным, что русское старообрядчество воплотило этническую оппозицию имперской власти, являя собой низовую русскую национальную версию мессианизма, параллельную принципиально надэтническому мессианизму верхов²⁵.

Главным является то, что законодательство (а вслед за ним и перепись) не оставляло возможности не принадлежать ни к какому исповеданию, превращая религиозную принадлежность прежде всего в фактор культурной идентичности. А представление о религии как о части культурной традиции способствовало переплетению религиозной и этнической идентичности. Большинство российского населения было тесно связано со своей «исторической верой», что зачастую делало такую веру источником как религиозной, так и этнической идентичности.

Особенность этнодемографической ситуации на рубеже XIX–XX вв. заключалась еще и в том, что русские не являлись демографическим большинством: по материалам переписи 1897 г. чуть более 44 % назвали родным языком русский. Мир переживал глобальный сдвиг, связанный со сменой культурной системы. Примечательно также, что в переписи 1897 г. отсутствовал и вопрос о принадлежности к государству. Как отмечал В.А. Тишков, «в российской переписи 1897 г. вопрос о гражданстве отсутствовал, ибо все жители страны и так считались подданными российского императора и никакой дополнительной легитимности для определения населения страны не требовалось»²⁶.

Революция 1905–1907 гг., провозглашавшая личную свободу совести, открывала путь к существенным изменениям в религиозной сфере. Высочайший указ Сенату «Об устранении стеснений в обла-

²³ Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. № 2. С. 77–79.

²⁴ Подробнее об этом см.: Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М., 2009. С. 211–213.

²⁵ Подробнее об этом см.: Соловей Т.Д. Старообрядчество: новый взгляд // Свободная мысль. 2008. № 7. С. 111–122.

²⁶ Тишков В.А. Указ. соч. С. 193.

сти религии и укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) впервые внес «существенные коррективы в соотношение между приоритетами государственно-церковными и частными, сократив часть статей, защищавших исключительные права Православия на сохранение неприкосновенности его конфессиональных границ. Лица, формально числившиеся православными, получили легальную возможность покинуть господствующую Церковь без ущерба для своих гражданских прав»²⁷. А в ходе общественных обсуждений 1908–1913 гг. в связи с подготовкой очередной всеобщей переписи (так и не состоявшейся из-за начавшейся Первой мировой войны) все чаще звучали предложения о необходимости регистрировать национальность напрямую²⁸.

Для имперской администрации, которая испытывала нарастающий страх перед растворением «русского племени», боялась политической мобилизации на национальной почве, фиксация национальности в форме прямого вопроса была категорически неприемлема. Однако появление новой социально-политической категории — национальность (этничность), ее институционализация и территориализация были лишь делом времени.

Следующая перепись населения прошла в 1920 г., т.е. уже в советское время, причем практически сразу после установления советской власти, когда в стране еще бушевала гражданская война. От переписи 1897 г. ее отделяло 23 года. Но плотность исторических событий была высочайшей. За это время разразилась Первая мировая война и разрушилась Российская империя. Более 7 млн человек пали на фронтах с 1914 по 1918 г. Всероссийскую перепись 1920 г. можно считать всеобщей с определенными оговорками, так как она не охватила некоторые окраинные территории России, в которых продолжались боевые действия. Однако, несмотря на эти объективные трудности, советское государство придавало очень большое значение категоризации населения и переписному учету, становление которого шло параллельно со становлением государства. Этим можно объяснить, почему перепись провели уже в 1920 г.

Изначальный макет переписного листа содержал вопрос о религиозной принадлежности (видимо, по инерции). Однако по личному настоянию В.И. Ленина из окончательной программы этот вопрос был исключен, что, впрочем, не удивительно. После Октябрьской революции 1917 г., возведшей атеизм в ранг государственной поли-

²⁷ Бендин А.Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // Исторические записки. Вып. 9 (127) / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2006. С. 113–136.

²⁸ См.: Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 112.

тики, религиозные верования стали рассматриваться как пережиток, а религиозная идентичность, по меньшей мере, официально, отодвигалась на задний план. Напротив, более значимой стала считаться идентичность этническая. Этому, в частности, способствовал принятый новой властью принцип национального самоопределения. Административное деление, введенное при советской власти, было теснейшим образом привязано к национальности, что также должно было усиливать этническую идентичность. Автономные республики и автономные округа были названы по этнонимам живших на их территории групп, хотя далеко не всегда титульные национальности составляли там большинство населения. Российская перепись 1920 г. стала одной из первых в мире, содержавших вопрос об этнической принадлежности (народности), раньше этот вопрос появился лишь в переписи населения Латвии, прошедшей за два месяца до российской. Таким образом, закреплялась важность этнической идентичности: с тех пор во всех советских переписях в той или иной форме ставился вопрос о национальности (в смысле этнической принадлежности, определявшейся по самосознанию опрашиваемых). При этом сохранялся и вопрос о родном языке, а начиная с переписи 1970 г. добавился вопрос о знании второго языка. Появляется в переписи 1920 г. и вопрос о гражданстве.

Вторая советская — она же первая всесоюзная — перепись населения состоялась в 1926 г. Подготовкой к переписи занималась КИПС (Комиссия по изучению племенного состава СССР). Руководителем ее подкомиссии по переписи был Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский, сын руководившего переписью 1897 г. П.П. Семенова-Тян-Шанского, что говорит об определенной преемственности между этими переписями. Перепись 1926 г. дала самые подробные сведения об этническом составе населения страны. Расплывчатое понятие «народность», фигурировавшее в переписи 1920 г., было заменено на «национальность». Для определения этой новой категории был выработан детальный метод выявления национальной принадлежности. Был составлен список национальностей, который включал 199 наименований — самый большой список из всех советских переписей. Разработчики переписи 1926 г. осознавали, что вопрос о «национальности» может вызвать затруднения у части респондентов. Поэтому В.П. Семенов-Тян-Шанский подготовил список из пяти вопросов, которые в подобных случаях переписчики должны были задавать в качестве наводящих. «Переписчику рекомендовалось узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в “котором он родился”, вероисповедание во время опроса, язык детства, язык домашне-

го общения, владение русским языком»²⁹. Эта «шпаргалка» говорит о признании связи «язык–этничность» и «религия–этничность» и фактически определяет язык и религию важнейшими компонентами этнической идентичности.

Переписи 1926 г. удалось достичь желаемого результата и подробно (как никакая другая советская перепись) выяснить этнический состав населения. Несмотря на некоторое число неточностей (когда, например, выделялись в качестве самостоятельных несколько групп одного и того же народа, имевших разные самоназвания), она в меньшей степени была подвержена влиянию идеологического фактора, характерного для последующих переписей, в которых, в соответствии с национальной политикой, ставилась цель объединить различные группы в более крупные этнические общности (бесермяне включались в состав удмуртов, кряшены и нагайбаки — в состав татар, сойоты — в состав бурят и т.п.). Не случайно именно в переписи 1926 г. произошло сужение понятия «русскости» до этнической категории, а переписчикам нужно было уточнять у тех, кто назвался «русским», не является ли он «малороссом» или «белорусом».

Следующая перепись населения прошла в 1937 г. Это была единственная советская перепись, в которой выяснялась религиозная принадлежность населения. Программа переписи включала два вопроса о религии. Опрашиваемый должен был сказать, верующий он или неверующий, а верующим также надо было указать свою конфессию. Религиозная принадлежность в переписи 1937 г. трактовалась как «теперешние собственные убеждения опрашиваемого»³⁰. Вопросы о религии адресовались лишь лицам старше шестнадцати лет. При формулировке этих вопросов явно стремились исключить понимание религиозной принадлежности как культурно-исторической идентичности, тесно связанной с этнической идентичностью. Опрашиваемых просили сказать об их личной вере, а не об отнесении себя к той или иной конфессии в силу культурно-исторической традиции. Целью включения вопроса о религии в перепись было «показать действительные размеры наших успехов в преодолении религиозных предрассудков»³¹, и эта цель не могла быть достигнута без разрыва связи между религией и этничностью. Понятно, что при подобной постановке вопроса многие просто боялись назвать себя верующими в атеистическом государстве и опасались репрес-

²⁹ Тишков В.А. Указ. соч. С. 192–193.

³⁰ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М., 1994. С. 312.

³¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Материалы для докладчиков. М., 1936. С.11–12.

сий за подобный ответ. Тем не менее, по результатам переписи, более половины взрослого населения заявило о своей религиозной вере, в том числе 42,3 % назвали себя православными. Очевидно, взаимосвязь религиозной и этнической идентичности способствовала поддержанию религиозности на весьма высоком уровне. Хотя весьма значительная часть взрослых граждан СССР назвали себя неверующими, руководители страны все же посчитали, что перепись показала слишком большой процент верующих. Это стало одной из причин, по которым перепись была объявлена дефектной, ее результаты были забракованы, а лица, руководившие ее разработкой и проведением, были объявлены «врагами народа» и репрессированы³². Результаты переписи 1937 г. вплоть до начала 1990-х гг. оставались засекреченными. После переписи был подвергнут «чистке» и «Союз воинствующих безбожников», инициировавший включение вопроса о религии в перепись и проваливший свой собственный принятый в 1932 г. пятилетний план по искоренению религии в стране. Для сравнения вспомним, что после проведения переписи 1897 г., тоже не совсем отвечавшей возложенным на нее ожиданиям, ее организаторы и активные участники были награждены особой медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения». В качестве послесловия добавим, что в 1939 г. была проведена новая перепись. Вопрос о религии из нее уже был исключен, а ее результаты так и не были опубликованы.

Анализ переписей, проведенных на протяжении сорока лет, отделявших перепись 1897 г. от переписи 1937 г., показывает, что базовыми факторами этнической идентичности, которая официально признавалась не во все периоды этого срока, были язык и религия. Связь языка и этничности выглядит априорной. Связь этничности и религии очевидна, но в условиях гонений на религию она заглушевывалась, тем не менее сохранялась, однако в структурировании идентичностей религия и этничность поменялись местами. В отличие от XIX в., когда религиозная идентичность была базовой, а этническая идентичность производной, в советское время этническая идентичность становится базовой, а религиозная производной. Но эта связь оказалась столь прочной, что ее не смогла разорвать политика и идеология атеизма. В постсоветских социологических исследованиях на вопрос «Какая Ваша религия?» часто встречались такие ответы «Я русский, значит, православный», «Я башкир, значит, мусульманин», «Я тувинец, значит, буддист» и т.п.

³² Другая же (и главная) причина такой печальной судьбы этой переписи заключалась в том, что показанная ею численность населения СССР сильно разошлась с официальными оценками, озвученными до ее проведения И.В. Сталиным.

References

Baturkin A. *Veroispovednaya politika Rossiiskoy imperii vo vtoroy polovine XIX v.* [Confessional Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century] // *Vlast'*. 2009. N 2. P. 77–79.

Bendin A.Yu. *Evolutsiya ponyatiya veroterpimosti i Ukaz 17 aprelya 1905 g.* [The Evolution of the Concept of Religious Tolerance and the Decree of April 17, 1905] // *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 9 (127) / Ed. by B.V. Anan'ich. Moscow: Nauka, 2006. P. 113–136.

Bruk S.I., Kozlov V.I. *Etnograficheskaya nauka i perepis' naseleniya 1970 g.* [Ethnographic Science and the 1970 Population Census] // *Sovetskaya etnografiya*. 1967. N 6. P. 3–20.

Cadiot J. *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940* [Laboratory of Empire: Russia/USSR, 1860–1940] / Trans. from fr. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 336 p.

Hobsbawm E.J.E. *The Age of Capital, 1848–1875*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1975. 354 p.

Hobsbawm E.J.E. *The Age of Empire, 1875–1914*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1987. 404 p.

Hobsbawm E.J.E. *The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. New York: Mentor Book, 1962. 361 p.

Hobsbawm E.J.E. *Nations and Nationalism since 1780*. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 191 p.

Kazmina O. Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // *Sibirskiyeh istoricheskiye issledovaniya*. 2019. № 4. C. 197–204.

Kazmina O.E. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v Rossii: etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema* [The Russian Orthodox Church and the New Religious Situation in Russia: The Ethno-Confessional Dimension of the Problem]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2009. 304 p.

Kertzer D.I., Arel D. *Censuses, Identity Formation, and Struggle for Political Power // Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* / Ed. by D. Kertzer, D. Arel. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–42.

Narodonaseleniye. Entsiklopedicheskiy slovar' [Population: Encyclopedic Dictionary] / Ed. by G.G. Melik'yan. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 1994. 640 p.

Sergeyev S.M. *Russkiy natsionalizm i imperializm nachala XX veka* [Russian Nationalism and Imperialism in the Early 20th Century] // *Natsiya i imperiya v russkoy mysli nachala XX veka* [Nation and Empire in Russian Thought in the Early 20th Century]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Skimen", 2004. P. 324–335.

Sinit'syna N.V. *Tretiy Rim: istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome: Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th and 16th Centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 410 p.

Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaya i liberal'naya utopiya v rabotakh Andzheya Valitskogo: referativnyi sbornik [Slavophilism and Westernism: Conservative and Liberal Utopia in the Works of Andrzej Walicki: Abstract Collection] / Comp. by K.V. Dushenko. Vol. 1. Moscow: INION, 1991. 192 p.

Sokolovskiy S.V. *O printsipakh etnicheskoy kategorizatsii naseleniya vo Vserossiyskoy perepisi 2002 g.* [On the Principles of Ethnic Categorization in the 2002

All-Russian Census] // *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethnomethodology: Issues, Approaches, Concepts]. Vol. 8. Collection of Articles. Moscow: [s. n.], 2001. P. 110–133.

Solovey T.D. *Slavyanofil'stvo i "byurokraticheskiy natsionalizm"* [Slavophilism and "Bureaucratic Nationalism"] // *Svobodnaya mysl'*. 2008. N 11. P. 149–162.

Solovey T.D. *Staroobryadchestvo: novyy vzglyad* [Old Belief: A New Perspective] // *Svobodnaya mysl'*. 2008. N 7. P. 111–122.

Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p.

Yurchik E.E. *Predstavleniye o natsii i natsional'noye soznaniye v Ispanii. XVI — nachalo XIX v.* [Conceptions of Nation and National Consciousness in Spain, from the 16th through the Early 19th Centuries] // *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoye vremya* [The National Idea in Western Europe in the Modern Era] / Ed. by V.S. Bondarchuk. Moscow: Zertsalo-M, 2005. P. 231–287.

Поступила в редакцию
1 октября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-174-195

Е.Е. Агрatina

КОРОЛЕВСКИЙ ЗАКАЗ ВО ФРАНЦИИ XVIII СТОЛЕТИЯ И КАРЬЕРА ЖИВОПИСЦА

E.E. Agratina

THE ROYAL COMMISSION IN THE EIGHTEENTH-CENTURY FRANCE AND THE CAREER OF A PAINTER

Аннотация. Искусство всегда имело большое значение для репрезентации власти. Во Франции основание Королевской академии живописи и скульптуры (1648) было значимым событием не только для художников, желавших обособиться от ремесленной среды, но и для зарождавшегося абсолютизма. В лице мастеров Академии монархия приобретала тех, кто сможет транслировать важные для государства идеи, а также образ самого короля. Академия же получала монополию на королевский художественный заказ. Это гарантировало как качество произведений, так и их программную, идеологическую выверенность. Взаимоотношения между королевской властью и избранным кругом художников и стали предметом данного исследования. В статье поднимаются следующие вопросы: как на протяжении XVIII в. был организован процесс получения, выполнения и сдачи королевского заказа, как распределялась ответственность за его успешное выполнение, каковы были официальные — жанровые и стилистические — предпочтения короны, как происходил отбор мастеров, достойных высокой чести стать членами Академии, какую роль в карьере живописца играл факт работы на королевского заказчика, при каких условиях подобные заказы были выгодны и интересны художникам. Несмотря на то что каждый из этих вопросов по отдельности так или иначе затрагивался во франкоязычной литературе, их комплексное рассмотрение с позиций современной науки до сих пор осуществлено не было. Помимо близких по тематике научных трудов, автор проанализировал следующие информативные источники: инвентарные списки картин, заказанных директорами

Агрatina Елена Евгеньевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ

Agratina Elena Evgenievna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Senior Research Fellow, Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts

agratina_elena@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9842-0967

королевских строений для монарха, протоколы заседаний Королевской академии, важнейшие теоретические сочинения, принадлежащие академикам. В результате исследования удалось показать положение в обществе и реконструировать жизненные и творческие обстоятельства художника, призванного создавать произведения официального искусства. Это позволит более ясно представить себе картину художественной жизни Франции XVIII столетия, лучше понять особенности социальных и творческих взаимодействий внутри артистического сообщества указанной эпохи.

Ключевые слова: французское искусство XVIII в., официальное искусство, историческая живопись, королевский заказ, королевский портрет, французская монархия, Королевская академия живописи и скульптуры.

Abstract. Art has always played a significant role in representing power. In France, the establishment of the Royal Academy of Painting and Sculpture (1648) was a landmark event, not only for artists wishing to distinguish themselves from the craft community but also for the rise of absolutism. Through the Academy's masters, the monarchy acquired individuals capable of conveying key ideas for the state, as well as projecting the image of the king himself. The Academy, in turn, gained a monopoly on royal commissions. This ensured both the quality and ideological accuracy of the artworks. The relationships between royal power and the selected circle of artists became the focus of this study. The article explores the following questions. How was the process of obtaining, executing, and delivering royal commissions organized throughout the eighteenth century? How was responsibility for their successful completion distributed? What were the official genre and stylistic preferences of the Crown? How were the masters selected to join the Academy? What role did working for a royal patron play in a painter's career? When and why were such commissions attractive and beneficial for artists? Although each of these questions has been addressed separately in French-language literature, their comprehensive analysis from a modern scholarly perspective has not yet been undertaken. In addition to related scholarly works, the author analyzed the following informative sources: inventory lists of paintings commissioned by directors of royal buildings for the monarch, minutes of the Royal Academy's meetings, and key theoretical works by the Academy's members. The study allowed for the reconstruction of the life and creative circumstances of artists commissioned to create official art, as well as an examination of their social standing. This facilitates a more nuanced understanding of the artistic milieu of eighteenth-century France, with particular focus on the social and creative interactions that characterized the artistic community of the era.

Keywords: eighteenth-century French art, official art, historical painting, royal commission, royal portrait, French monarchy, Royal Academy of Painting and Sculpture.

* * *

Французский живописец XVIII столетия, окончивший Королевскую академию живописи и скульптуры, оказывался, как правило, перед необходимостью зарабатывать себе на жизнь. Каков бы ни был статус молодого мастера, он должен был занять в художественном

мире определенную нишу, в идеале соответствующую его образованию, творческим возможностям и жанровым предпочтениям. Поиск «своего» заказчика нередко оказывался длительным и трудным делом. Чаще всего первые заказы поступали от лиц, заинтересованных в судьбе молодого живописца. Если он был настолько талантлив и старателен, что Королевская академия возлагала на него определенные надежды, то первые заказы обеспечивались ею же. Также в поиске заказчиков могли помочь в частном порядке профессора Академии, бывшие учителя, старшие товарищи. В Париже XVIII в. существовала и прослойка тех, кого принято называть меценатами. Однако самым почетным считался, разумеется, королевский заказ.

Задачами данного исследования является подробное рассмотрение особенностей этого заказа, жанровых и стилистических предпочтений короны и причин, обусловивших эти предпочтения, изучение всех формальностей при получении, выполнении и сдаче заказа, а также судьбы созданных произведений. Нас будет интересовать, каким мастерам был доступен королевский заказ, велика ли была конкуренция за него, и по каким критериям подбирались подходящие художники. Важной проблемой, требующей изучения, станет влияние факта сотрудничества с коронованным заказчиком на карьеру художника в целом. Предполагаемым результатом исследования должно стать осознание положения живописца, занятого в официальных королевских заказах, реконструкция его жизненных и творческих обстоятельств. Это позволит более ясно и подробно представить себе картину художественной жизни Франции XVIII столетия, лучше понять особенности социальных и творческих взаимодействий внутри артистического сообщества указанной эпохи, уловить «технологии» создания того, что называется официальным искусством, посредством которого французская монархия репрезентировала себя как внутри страны, так и за ее пределами.

В своем исследовании мы опираемся на многочисленные источники, такие как протоколы заседаний Королевской академии, сочинения принадлежащих ей теоретиков, а также инвентарные списки картин, заказанных директорами королевских строений для монарха — весьма ценный документ, целиком опубликованный в 1900 г. Также будем обращаться к трудам современных исследователей, где разбиралась или затрагивалась проблема королевского заказа. Это работы Ж. Локена, Л. Юга, Ж. Шатлю, Д. Борена, Э. Поммье, К. Обаре и др. Наличие этих трудов не умаляет актуальности нашего исследования, поскольку они не преследуют тех же задач, а пересекаются с ним лишь частично. Зачастую эти труды затрагивают соседние, но весьма значимые для нашего исследования области, такие как судь-

ба исторического и портретного жанров в XVIII столетии, создание первых музеев во Франции интересующего нас периода, работа живописцев для Королевской мануфактуры Гобеленов, изготовление копий с полотен для королевского собрания, деятельность отдельных заказчиков и мастеров.

Приступая к исследованию, в первую очередь нужно разобраться, что подразумевалось под «королевским заказом». Заметим, что он не всегда определялся вкусами и пожеланиями самого монарха. Можно различить две явные разновидности королевского заказа: официальную и частную. Безусловно, первая категория преобладала над второй. За официальные заказы отвечало конкретное лицо, то же самое, что возглавляло Королевскую академию, — директор королевских строений. Именно этот человек, имеющий одновременно непосредственный доступ к королю и постоянное сообщение с французскими мастерами — членами Королевской академии, — мог наилучшим образом организовать процесс изготовления произведений искусства для короны. Директор королевских строений ведал всеми монаршими резиденциями, поэтому заказываемые произведения зачастую предназначались им для конкретных интерьеров, что во многом определяло характеристики заказа: размеры полотна, его сюжет, стилистические особенности. Директор королевских строений также активно влиял на политику цен в области искусства.

Главным помощником директора королевских строений был обычно первый художник короля — весьма влиятельное лицо в Академии, как правило, подробно осведомленное обо всех личных и профессиональных обстоятельствах своих коллег.

Предполагалось, что директор королевских строений действует по приказу и в соответствии с желаниями монарха. Хотя зачастую короля предпочитали не беспокоить. Обыкновенно это не имело никаких неприятных последствий, однако история сохранила случай, когда, действуя по своему усмотрению, директор королевских строений и первый художник короля попали в весьма неловкое положение. В 1764 г. было решено закончить декорацию замка Шуази — одной их резиденций Людовика XV. Только что завершилась семилетняя война, и директор королевских строений — им был тогда маркиз де Мариньи, — полагаясь на своего советника Ш.-Н. Кошена, счел уместным позаимствовать сюжеты из римской истории, такие, например, как «Солон, дающий законы афинянам», «Нума Помпилий, развешивающий священные щиты в храме Марса» или «Император Август, приказывающий закрыть ворота в храме Януса». Как пишет Ж. Локен, по замыслу создателей «галерея Шуази должна была стать

храмом Добродетели, Великодушия и Человеколюбия»¹. Для работы пригласили крупных и известных мастеров: Ванлоо, Лагрена, Алле и Вьена. Результат, однако, совершенно не устроил короля, который счел подобные композиции мало подходящими для личной резиденции, предназначенной для развлечений и пребывания в обществе самого близкого круга придворных. Исторические полотна пришлось отправить на мануфактуру Гобеленов в качестве образцов для будущих произведений ткацкого искусства, а для украшения резиденции Мариньи и Кошен решили пригласить Ф. Буше, который, впрочем, не успел выполнить заказ, поскольку умер в 1771 г.

Тем не менее, в большинстве случаев лица, несущие ответственность за официальный королевский заказ, не совершали столь серьезных ошибок.

Процесс поручения и выполнения такого рода заказов был жестко регламентирован. Директор королевских строений лично объяснял художнику все подробности будущего произведения, после чего мастер должен был представить на одобрение пробный эскиз. «Для мастеров высокого ранга, таких как Шарль Куапель и Карл Ванлоо, пробный эскиз мог быть заменен небольшой станковой картиной, которая оплачивалась отдельно»². Закончив заказ, художник представлял Департаменту королевских строений доклад, в котором давал описание своего произведения, включая сюжет, технику, размеры, предназначение и дату сдачи заказа. Первый художник короля принимал работу и предварительно оценивал ее. Решение первого художника должен был подтвердить и заверить директор королевских строений. Сумма вознаграждения вписывалась в доклад, который далее отправлялся в казначейство, где с него снимали копию, а оригинал отдавали исполнителю заказа, который на основании этого документа мог получить оплату. Казначейство и Департамент королевских строений строго вели учет всех заказов и выплаченных за них средств.

Разумеется, условия заказов, жанровые и стилистические предпочтения, а также стоимость заказов не оставались неизменными на протяжении XVIII столетия. Ф. Энгеран, внимательно изучивший документы, касающиеся оплаты заказов (*les ordonnances de paiement*) пришел к выводу, что с начала XVIII столетия и до 1747 г. дела в сфере

¹ *Locquin J.* La Peinture d'histoire en France de 1747 à 1785, étude sur l'évolution des idées artistiques dans la seconde moitié du XVIIIe siècle. Thèse de doctorat, faculté des lettres, université de Paris. Paris, 1912. P. 21.

² *Inventaire des tableaux commandés et achetés par la direction des bâtiments du roi (1709–1792): inventaires des collections de la couronne / Rédigé et publié par Fernand Engerand.* Paris, 1900. P. III (далее — *Inventaire ...*).

официального заказа шли довольно вяло. Герцог д'Аnten, бывший директором королевских строений весьма длительный срок — с 1709 по 1736 г. — исполнял свои обязанности без энтузиазма: «Заказы были редкими, выставки практически не проводились»³. Современный исследователь Ш. Анри подтверждает, что герцог д'Аnten мало поощрял французских художников, «отдавая предпочтения копиям с работ старых мастеров»⁴. Очевидно, в этой области директор чувствовал себя увереннее, чем при общении с современными мастерами, поскольку, являясь ловким придворным, был в то же время мало подготовлен к своим обязанностям в качестве директора королевских строений и не обладал необходимыми знаниями в области изобразительных искусств. Как замечает Ж. Гиффре, д'Аnten по вступлении в должность уже «застал изящные искусства в полном упадке»⁵, что в значительной степени усложнило его задачу.

Одну попытку оживить художества во Франции д'Аnten все же предпринял. В 1727 г. «он организовал большой конкурс, в котором должны были принять участие самые выдающиеся члены Академии»⁶. Призовой фонд составил 5000 ливров, а произведение победителя переходило в собственность короля. Попытка эта провалилась, поскольку д'Аnten открыто поддерживал первого художника короля Лемуана, а жюри Академии настаивало на том, чтобы присудить победу де Труа. В итоге приз разделили между двумя претендентами, что не удовлетворило ни художников, ни академическое начальство, ни самого д'Аntена. В протоколах Академии есть отчет об этом событии, и в тексте этого отчета можно отметить несколько моментов. Имя де Труа в нем называется первым, очевидно, потому, что именно его кандидатуру поддерживала Академия. Однако на процедуре награждения де Труа не появился «из-за недомогания», о природе которого приходится только догадываться. Также д'Аnten просил Академию передать в собственность короля не только произведения победителей, но и «Андромеду» Куапеля⁷.

Директорат Филибера Орри герцога де Виньори пришелся на 1737–1747 гг. В этот период многие решения, касающиеся полити-

³ Inventaire... P. X.

⁴ *Henry Ch. La crise de la peinture d'histoire, ou l'art du dix-huitième siècle par lui-même: essai d'icologie culturelle* // *Studies on Voltaire and the eighteenth century (SVEC)*. 7. 2004. — URL: <https://www.ghamu.org/christophe-henry-la-crise-de-la-peinture-dhistoire-ou-lart-du-xviiiie-siecle-vu-par-lui-meme/> (дата обращения 14.02.2024)

⁵ *Guiffrey J. Le duc d'Antin et Louis XIV rapports sur l'administration des bâtiments, annotés par le roi*. Paris, 1869. P. 13.

⁶ *Ibid.* P. 14.

⁷ *Procès-verbaux de l'Académie royale de peinture et de sculpture / Par A. De Montaignon*. 9 Vols. Vol. 5. Paris, 1883. P. 28.

ки в области искусства, принимались при личном участии короля, заинтересованного в украшении целого ряда собственных резиденций. Заказы стали поступать мастерам постоянно, но, как отмечает Ф. Энгран, наибольшее количество заказов приходилось на декоративные работы: «Картины заказывались с оглядкой на интерьеры, которые они должны были украшать, художники обязывались сверяться с требованиями [уже существующего] декора и сюжетной программы»⁸. В значительной степени возродилась жизнь и на королевских мануфактурах, в частности, на мануфактуре Гобеленов. Страсть короля к охоте послужила поводом к заказу целой серии гобеленов под названием «Королевские охоты», создавать картоны к которой было поручено А.-Ф. Депорту и Ж.-Б. Удри. Возродились Салоны, что также считается одной из важнейших заслуг нового директора. Однако, делая многочисленные заказы от имени короля, Орри не был склонен хорошо за них платить, зачастую намного снижая цену, которую художник считал справедливой. Так, А. де Фаванн, запросивший за выполненное для Версаля полотно «Ринальдо и Армида» 600 ливров, получил всего 400⁹.

Ближе к середине века ситуация постепенно стала становиться более благоприятной. В 1747–1751 гг. должность директора королевских строений занимает Ленорман де Турнем. Первым художником короля становится Шарль Куапель — живописец-интеллектуал, оставивший после себя не только художественное, но и литературное наследие. В отличие от своих предшественников де Турнем обладал определенным чутьем в области искусства, а, кроме того, превосходными деловыми качествами. Как отмечает Ж. Локен, в первую очередь де Турнем постарался обеспечить художников заказами. Желая поощрить исторический жанр, он установил довольно высокие тарифы на оплату таких произведений через дирекцию королевских строений. За картину размером 22x18 футов была назначена цена в 6000 ливров, за полотно 17x13 футов — 5000 ливров, а за работу размером 12x9 футов предполагалось платить 4000 ливров¹⁰. Портреты стали оплачиваться ниже произведений исторического жанра. За портрет в рост полагалась оплата в 4000 ливров, за поколенный — 2500 ливров, а поясные и плечные оценивались в 1500 ливров¹¹.

Несмотря на плачевный опыт 1727 г., де Турнем также решил провести конкурс среди академических мастеров, дабы выбрать тех,

⁸ Inventaire... P. XII.

⁹ Ibid. P. 128.

¹⁰ *Locquin J.* Op. cit. P. 7.

¹¹ Inventaire... P. XVII.

кто впредь будет постоянно задействован в работах по королевскому заказу. Ф. Энгеран приводит рапорт, представленный королю 17 января 1747 г., где говорится, что художники, желающие работать на короля, весьма многочисленны, но далеко не все из них соответствуют необходимому уровню. «Поэтому предлагается приказать каждому из членов, входящих в Академию живописи и претендующих на честь служить королю, представить на выставке, которая состоится в 1747 г., произведение размером 6 на 4 фута»¹². Сюжет было решено оставить на выбор каждого живописца. Король одобрил проект. По результатам конкурса предполагалось присуждение шести премий. Несмотря на заявление о большом количестве художников, желающих работать на короля, на конкурс было представлено всего 11 произведений, и Академия «с согласия г-на де Турнема превратила шесть премий в двенадцать, дабы предотвратить всякую зависть [между конкурентами]»¹³. Поскольку представленных картин было на одну меньше, чем премий, последнее, двенадцатое вознаграждение было решено отдать секретарю Академии. Забавный итог конкурса, призванного выявить лучших. Надо думать, организаторы, в частности, сам де Турнем, надеялись на гораздо большее количество участников. Хотя «служить королю» было делом весьма престижным, оно лишало мастеров возможности принимать другие, гораздо более выгодные в материальном отношении заказы, а потому частный заказчик нередко оказывался в приоритете даже для членов королевской Академии. Тем не менее, конкурс позволил директору королевских строений выявить определенные проблемы и задуматься о мерах их разрешения.

У де Турнема появляется идея сделать часть королевской коллекции открытой для художников и публики. «С 14 октября 1750 г. избранные произведения из кабинета короля были выставлены в Люксембургском дворце и составили, таким образом, первый публичный музей, открытый в Париже»¹⁴. Организация музея должна была помочь де Турнему убить даже не двух, а сразу трех зайцев. Во-первых, это предприятие отвечало чаяниям знатоков и любителей изящного. Еще в 1747 г. Лафон де Сан-Йенн ратовал за открытие публичного музея¹⁵. Во-вторых, художники получали доступ к про-

¹² Inventaire... P. XVIII.

¹³ Procès-verbaux de l'Académie royale de peinture et de sculpture / Par A. De Montaignon. Vol. 6. Paris, 1885. P. 69.

¹⁴ Pommier E. Le projet du Musée royal (1747–1789) // L'art et les normes sociales au XVIIIe siècle. Paris, 2001. P. 189.

¹⁵ La Peinture en procès, l'invention de la critique d'art au siècle des Lumières / Eds D. René et F. Florence. Paris, 2001. P. 100.

изведениям итальянских и французских мастеров из королевской коллекции и могли расширить свой опыт знакомства с европейским искусством. И в-третьих, открытый характер королевского собрания мог подстегнуть желание амбициозных мастеров работать для короля, с тем чтобы впоследствии выполненные ими произведения стали известны публике как вошедшие в королевскую коллекцию. Музей в Люксембургском дворце был открыт для всех желающих по средам и пятницам. Французским мастерам был выделен отдельный зал, произведения остальных школ были развешаны вперемешку. Кроме того, был издан каталог открытой для публики части собрания.

Также де Турнем старался лучше ознакомить самого короля с произведениями современных художников. В январе 1751 г. он организовал в Версале коллективный показ: «10 января 1751 г. апартаменты короля в Версале от Галереи до Часовни были заполнены... новыми картинами и гобеленами, выполненными под личным контролем господина де Турнема»¹⁶.

Впрочем, де Турнем скончался уже в том же 1751 г., а место директора королевских строений получил младший брат маркизы де Помпадур Абель Франсуа Пуассон де Мариньи. Молодого маркиза специально готовили к этой должности. В 1749–1751 гг. в компании гравера Ш.-Н. Кошена, архитектора Ж.-Ж. Суффло и знатока изящных искусств аббата Леблана он совершил путешествие в Италию. Мариньи в эти годы по-настоящему заинтересовался искусством, научился разбираться в его проблематике, положил начало собственной коллекции, которая со временем станет одной из самых значительных для своего времени. Спутники Мариньи в этом путешествии надолго приобрели влияние на художественную жизнь Франции. Особенно близким новому директору королевских строений человеком оказался Ш.-Н. Кошен, секретарь Академии и хранитель королевского кабинета рисунков. В 1758 г. в память о путешествии Кошен опубликует посвященный маркизу де Мариньи труд «Путешествие в Италию»¹⁷.

Маркиз де Мариньи принялся с большим энтузиазмом выполнять свои новые обязанности, однако в первые годы его директората обстановка была неблагоприятной. В 1750–1752 гг. засуха трижды губила урожаи во Франции, что способствовало распространению эпидемий дизентерии и тифа. Ситуация не располагала к тому, чтобы

¹⁶ *Chatelus J. Peindre à Paris au XVIIIe siècle. Nîmes, 1991. P. 22.*

¹⁷ *Voyage d'Italie, ou Recueil de notes sur les ouvrages de peinture & de sculpture, qu'on voit dans les principales villes d'Italie / Par M. Cochin, chevalier de l'ordre de saint Michel, graveur du Roi, garde des desseins du Cabinet de S. M. secretaire de l'Académie royale de peinture & de sculpture, & censeur royal. T. 1–2. Paris, 1758.*

корона могла тратить большие деньги на искусство. Положение несколько улучшается только к 1755 г. В 1756 г. Кошен и Мариньи пересматривают установленные тарифы. Цена за историческое полотно размером 22x18 футов достигла 7000 ливров¹⁸. Цены на портреты, напротив, были несколько снижены, поскольку «много места в них занимают простые аксессуары, так что размер полотна может считаться меньшим, если не вдвое, то хотя бы на треть»¹⁹.

С середины 1750-х гг. Мариньи делает довольно много заказов от имени короля. В первую очередь, это исторические полотна, которые могли служить моделями для гобеленов. Заметим, что с 1745 г. почти вся выставляемая в Салонах историческая живопись шла на мануфактуру Гобеленов в качестве образцов. Ш. Анри отмечает, что художники всегда имели в виду это обстоятельство и старались изначально работать так, чтобы облегчить мастерам мануфактуры перевод полотен в формат гобеленов: учитывали цветовую гамму, которой располагали ткачи, выбирали такой размер полотен, чтобы он совпадал с размерами будущего гобелена²⁰. Таким образом, можно сказать, что вся историческая живопись, выставляемая в Салонах, принадлежала королю и должна была тиражироваться на королевской мануфактуре. Это было бы выгодно мастерам, если бы не один важный момент: отсутствие гарантий на своевременную выплату вознаграждений. Известно, что Ж.-О. Фрагонар восемь лет ждал выплаты 2400 ливров за представленную в Салоне 1765 г. картину «Корез и Каллироя» (1765, Лувр). А королевский долг Ж.-М. Вьену в 1775 г. составил 18 000 ливров²¹. Только отдельные настойчивые мастера могли добиться соблюдения своих прав. Так, А. Леруа приводит переписку пастелиста Мориса-Кантена де Латура с маркизом де Мариньи, где обсуждается оплата портретов членов королевского семейства. Живописец не согласился с ценой в полторы тысячи ливров за портрет, потребовав не меньше двух и намекнув, что три тысячи были бы более уместны²².

В 1775 г. директором королевских строений стал граф д'Анживийе, чей директорат продлился до 1792 г. В качестве пер-

¹⁸ *Locquin J.* Op. cit. P. 22.

¹⁹ *Inventaire...* P. XXII.

²⁰ *Henry Ch.* Tisser l'Histoire à la manufacture des Gobelins // *Création et vie artistique à Paris du grand siècle à nos jours. Études rassemblées et présentées par Christophe Henry.* Sur une idée de Martine Debieuvre, première adjointe au Maire du 11e, chargée de la culture, de la mémoire et du patrimoine. En partenariat avec le Groupe de Recherches en Histoire de l'Art moderne (GRHAM). Paris, 2018. P. 141.

²¹ *Locquin J.* Op. cit. P. 28.

²² *Leroy A.* Quentin de La Tour et la société française du XVIIIe siècle. Paris, 1953. P. 169–171.

вого художника короля особое место в парижской художественной среде занял Ж.-Б.-М. Пьер, неоднозначная личность, человек, готовый практически любыми методами поддерживать лидерство Королевской академии. Также значимым помощником д'Анживийе стал Ж.-М. Вьен. Д'Анживийе в значительной мере пополнил королевскую коллекцию произведений старых мастеров, желая создать полное и всеобъемлющее собрание, которое могло бы лечь в основу настоящего масштабного королевского музея. Д'Анживийе очень заботился и о реставрации старых полотен из королевского собрания.

Новый директор королевских строений занялся и официальными королевскими заказами. Было решено, что произведения, выставляемые в Салонах, должны изначально целиком и полностью предназначаться королю, а потому мастеров обязали заранее, чуть ли не сразу после закрытия предыдущего Салона, согласовывать с дирекцией королевских строений сюжеты будущих работ. Предпочтение д'Анживийе, разумеется, отдавал истории. А поскольку каждое такое полотно должно было, прежде чем оно займет место в королевском собрании, отправиться на мануфактуру Гобеленов, то размеры полотен стандартизировались. Д'Анживийе первым из директоров королевских строений всерьез озаботился достойным вознаграждением для художников. На искусство стали выделяться значительные суммы. Директор не любил раздавать пенсии и пособия художникам, предпочитая оплачивать конкретную работу. Ж. Локен указывает, что за 15 лет (1775–1790) д'Анживийе потратил на королевские заказы 590 454 ливра²³. (На содержание Французской академии в Риме уходило в среднем 25 000 ливров в год).

Как справедливо отмечают французские исследователи, новый директор очень поддерживал классицистическую стиливую линию во французском искусстве, и программа по масштабному увеличению королевских заказов была направлена на то, чтобы «утвердить заново традиционное первенство высокого жанра — исторической живописи»²⁴. Д'Анживийе предлагал мастерам уделить внимание не только сюжетам из священной и древней, но и из французской истории.

Все приведенные выше данные свидетельствуют о том, что королевский заказ, при всей своей престижности, был не слишком привлекателен для мастеров. Доступ к нему был открыт лишь академиком, составлявшим элиту парижского художественного сообщества, однако отнюдь не многие с энтузиазмом пользовались своей

²³ *Locquin J.* Op. cit. P. 49.

²⁴ *Pommier E.* Le projet du Musée royale... P. 195.

привилегией. Тому есть несколько причин, первая из которых лежит на поверхности. Только в конце XVIII столетия живописцы стали получать за свой труд достойную и своевременную оплату. В этом смысле корона не могла конкурировать с частным заказом. Вторая причина заключалась в неколебимой приверженности королевского заказа историческому жанру.

При том, что традиционно этот жанр главенствовал в Академии, всё больше мастеров предпочитали не ограничивать себя в творческих поисках. Даже принадлежащие Академии теоретики зачастую высказывались в этом отношении весьма либерально. Так, в 1748 г. К.-А. Ватле произносит речь в защиту «низших» жанров. Их суть, объясняет он, «состоит не в том, чтобы подняться над природой, как это свойственно героическим жанрам, но в том, чтобы следовать ей во всем»²⁵. Ю.-Ф. Гравело в брошюре 1749 г. также защищает второстепенные жанры, которые, как он резонно отмечает, нужны хотя бы потому, что могут стать частью масштабных исторических полотен²⁶. В апреле 1750 г. Ж.-Б. Массе зачитывает на академической ассамблее свое сочинение, где выдвигает тезис о том, что все жанры хороши, плоха лишь посредственность. «Некоторые, — пишет Массе, — стремятся к историческому жанру из ложного чувства стыда показаться менее талантливыми, чем их товарищи, и не думая о том, что, уступая им в этом жанре, они, быть может, намного превосходят их в другом»²⁷. По мнению Массе, задачей Академии должно стать привлечение внимания учеников к великим мастерам прошлого, которые прославились в жанрах иных, чем исторический, ибо «лучше хорошо изобразить букет цветов, чем изготовить безвкусное произведение в историческом жанре»²⁸. И даже сам директор Королевской академии Куапель заявляет, что «ничто не представляется нам столь важным для молодых людей, посвятивших себя живописи, как сделать верный выбор между различными жанрами, которые она в себе заключает...»²⁹, поскольку великого художника делает не жанр, но соответствие таланта избранному жанру.

²⁵ *Lesur N.* Les academiciens face à la naissance de la critique // *Diderot Studies*. Vol. XXXVI. Actes du colloque “Publier sur l’art, l’architecture et la ville: La Font de Saint-Yenne (1688–1771) et l’ambition d’une œuvre” (Paris, Musée du Louvre, 24–25 novembre 2016). Genève, 2019. P. 74.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Conférences de l’Académie Royale de Peinture et de Sculpture*. T. V, vol. 2 (1747–1752). Édition établie en partenariat avec le Centre allemand d’histoire de l’art. Paris, 2012. P. 469.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Procès-verbaux de l’Académie royale ...* Vol. 6. P. 205.

Далеко не все принадлежащие Академии мастера были настроены посвятить себя академической карьере. Так, например, Ж.-О. Фрагонар, историческую картину которого «Корез и Калироя» Академия и критики встретили с большим энтузиазмом, отказался от работы в историческом жанре и не создал более ни одного полотна такого рода. В дальнейшем мастер не стремился получать заказы от короны и работал с частным заказчиком.

Положительные стороны официальной работы на короля также вполне очевидны и не раз озвучивались директорами королевских строений. Создавать произведения для монарших резиденций и коллекций было престижно, посредством таких заказов художник укреплял свою репутацию. Его произведения оказывались на виду у приближенных короля, богатых аристократов, заказы от которых были тем более желанными, что платили за них, как правило, много и своевременно. Мастер, проявивший себя в работе на корону, мог рассчитывать на продвижение в Академии. В этом отношении весьма показательна судьба Ж.-Б.-М. Пьера. Карьера Пьера, честолюбивого и неизменно хранящего верность историческому жанру, с самого начала продвигалась быстро и успешно. По окончании Академии молодой Пьер стал лауреатом Римской премии и был отправлен в Рим. По возвращении из Италии, в 1741 г., он был признан назначенным, а уже в 1742-м в возрасте всего 28 лет — академиком. Первый королевский заказ на картину «Юпитер и Ио» (местонахождение неизвестно) Пьер получил в 1744 г., тогда же, когда был удостоен должности заместителя профессора Академии. Он стал одним из 11 академиков, принявших участие в конкурсе 1747 г., непосредственно после чего получил звание профессора. Около 1750 г. Пьер снова получает королевский заказ — на этот раз он пишет некую «Пастораль», выставленную в салоне того же года. Художник понимал значение королевской мануфактуры Гобеленов, а потому стал одним из наиболее активных создателей образцов для этого вида искусства. В 1752 г. Пьер становится «первым художником» герцога Орлеанского, для которого выполняет множество заказов, в частности пишет произведения, призванные украсить замок герцога в Сен-Клу. Будучи близким родственником короля, герцог должен был немало способствовать карьере Пьера. В 1770 г. тот становится «первым художником короля», возглавляет Королевскую мануфактуру Гобеленов, а также делается ближайшим советником директора королевских строений графа д'Анживийе — человека, непосредственно занятого организацией королевских заказов. Этот пример показывает, что академическая карьера и успешное выполнение заказов, поступающих от короны, были неразрывно связаны между собой.

Случались и королевские заказы, не относящиеся к историческому жанру, но имеющие важное политическое значение. К.-Ж. Верне являет собой пример мастера, чья успешная карьера началась с королевского заказа. Верне, уроженец юга Франции, оказался в Риме в 1734 г. Он не учился в Королевской академии художеств в Париже и, соответственно, не мог претендовать на пенсионерство. Однако пребывание в Италии позволило ему сблизиться с парижскими мастерами — учениками и преподавателями Французской академии в Риме. Известно, что директор этого учреждения Николас Флейгельс поощрял успехи Верне в области пейзажа. Возможно, именно Флейгельсу Верне обязан тем, что в 1745 г. Парижская королевская академия заочно признала его назначенным. Верне жил в Италии до 1752 г. Маркиз де Мариньи, который, как уже говорилось, в 1749–1751 гг. совершил путешествие по Италии, свел знакомство с Верне и даже добыл ему важный королевский заказ на серию пейзажей под названием «Порты Франции». Это укрепило надежду художника построить успешную карьеру в столице. 23 августа 1753 г. Верне уже в Париже и принят в Королевскую академию живописи и скульптуры в качестве академика. В знак особого отношения к таланту живописца ему была предоставлена мастерская при Лувре. Он много лет работал над порученным ему королевским заказом, одновременно выполняя множество полотен для частных лиц. Серия «Порты Франции» вызвала всеобщий интерес, по мере создания новые полотна выставлялись в Салонах, над гравюрами с них трудилось несколько первоклассных мастеров. Верне организовал подписку на гравюры с будущих произведений. Подписчики происходили из разных регионов Франции, и, как отмечает Л. Лагранж, в одном только Бордо количество желающих подписаться составило 562 человека, а в Париже число их было значительно больше, причем интерес к будущему изданию проявили люди самые просвещенные и известные³⁰. Благодаря королевскому заказу Верне не только закрепился в Париже, был признан академиком и обеспечил себе надежное место в столичном артистическом сообществе, но и создал себе рекламу в среде заказчиков, занимающих различное социальное положение.

До сих пор мы говорили об официальном королевском заказе, не имеющем прямого отношения к личности короля. Однако была особая сфера, о которой следует сказать отдельно — это выполнение королевских портретов.

³⁰ *Lagrange L. Joseph Vernet et la peinture au XVIIIe siècle / Par Léon Lagrange, avec le texte des livres de raison.... Paris, 1864. P. 126.*

Едва ли мы далеко отойдем от истины, если скажем, что создание изображений монархов было делом государственной важности. Со времен Людовика XIV количество и качество королевских портретов во Франции резко возрастает. Исследователь европейского портретного искусства Э. Поммье полагает, что необходимость создания королевских портретов была сильным аргументом в пользу основания Академии, которая могла бы регулировать и контролировать этот процесс. В докладе одного из основателей этого учреждения М. Шармуа юному королю говорится, что «его портреты, отправляемые во все уголки мира, бесконечно способствуют восхищению и обожаю чужеземцев, когда слава [Его Величества] заставляет эти чувства рождаться в их душах»³¹. Теоретик искусства Андре Фелибьен в 1663 г., т.е. как раз в тот момент, когда недавно основанная Академия вырабатывала доктрину и активно пролагала различные пути в искусстве, написал сочинение под названием «Портрет короля». Этот текст не относится ни к какому конкретному портрету, но очень точно обрисовывает особенности и функции изображения монарха. «В личности Вашей, — пишет Фелибьен, — и в Вашем портрете мы имеем двух королей». Запечатлевая монарха художник должен иметь в виду, что он не просто пишет портрет человека, но создает «прекрасную модель великого короля ... настоящего короля ... короля, который в будущем станет примером для всех прочих королей»³². Иными словами, художник транслирует идею монархии, сам дух абсолютизма, воплощенный в конкретном физическом облике, в то же время реализуя посредством изображения эффект присутствия королевской особы.

Портрет в XVII–XVIII вв. воспринимался в качестве двойника модели. Потому распространение портретов монарха являлось значимой частью стратегии власти. Прошли те времена, когда король, желая контролировать все подвластные ему территории, вынужден был постоянно передвигаться, навещая по очереди замки вассалов. Абсолютизм требует иного присутствия — того, которое сродни присутствию божества, свободно проникающего повсюду. И искусство должно было этому способствовать. В зданиях судов и ратуш различных городов портрет короля присутствует в качестве гаранта порядка и справедливости. Предпочтение отдается изображениям в полный рост и в натуральную величину, поскольку это делает иллюзию присутствия более полной. В то же время, как отмечает

³¹ *Pommier E. Théories du portrait. De la Renaissance aux Lumières. Paris, 1998. P. 224.*

³² *Ibid. P. 225.*

Д. Борен, «рассылки» королевских портретов по городам и весям не существовало, поскольку такой подход обесценил бы изображение монарха, а «каждый дар — событие исключительное»³³. Король может отказать в этой милости, если полагает, что проситель ее не заслуживает. Так, городам Тулону, Ниму и Валансьену, чьи власти обратились в дирекцию королевских строений с просьбой о пожаловании монаршего портрета, было отказано на том основании, что они продемонстрировали лишь «само собой разумеющуюся верность королю», однако никаких «особых обстоятельств», оправдывающих столь ценный дар, не имеется³⁴. Таким образом формировалось чувство удвоенного почтения к портрету монарха: во-первых, как его двойнику, во-вторых, как к редкому и ценному дару, знаку особой милости. Это обусловило и культуру обращения с портретом короля. Он помещался, разумеется, на лучшее место в зале, для которой был предназначен. В присутствии высочайшего изображения не следовало садиться, оставаться в головном уборе, весьма нежелательно было поворачиваться к нему спиной.

Портреты королевских особ, как уже отмечалось, отправлялись и за границу. Посланники иностранных держав часто спрашивали изображения французских монархов для отправки своим государям. Тогда работу приходилось делать особенно быстро, часто в ущерб сходству. Так, поторапливая Ж. Дюплесси, занятого изображением Людовика XVI для австрийской императрицы Марии-Терезии, д'Анживийе писал: «Это политическое дело, в котором портретное сходство не имеет большого значения»³⁵.

Разумеется, за изготовлением королевских портретов тщательно надзирали. Станковые портреты любого размера и типа находились в ведении дирекции королевских строений, миниатюрами занимался департамент королевских развлечений.

Процесс создания королевского портрета был подчинен еще более строгому протоколу, чем изготовление полотен исторического жанра. О решении короля заказать новый портрет Академии сообщал директор королевских строений. Он мог сразу объявить и имя художника, которому поручалась столь важная задача. Разумеется, этот вопрос заранее оговаривался с высочайшей моделью. Затем директору Академии поступала записка, объясняющая все

³³ *Beaurain D.* La fabrication du portrait royal // *L'art et les normes sociales au XVIIIe siècle.* Paris, 2001. P. 245.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Hugues L.* La famille royale et ses portraitistes sous Louis XV et Louis XVI // *De soie et de poudre.* Versailles, 2003. P. 158.

подробности заказа. Ознакомившись с ней, директор передавал ее художнику, которому был поручен заказ. Художник, в свою очередь, создавал эскиз, который должен был получить личное одобрение короля. Если таковое было получено, живописец принимался за работу. Первым делом в мастерскую исполнителя привозили под охраной королевские одеяния, выбранные лично самим королем, чье решение по этому поводу фиксировалось в отдельном указе. С натуры писалась только голова, для этого «художник должен был покинуть свое ателье. Он просит оказать ему милость провести сеанс позирования через директора королевских строений»³⁶. Можно отметить, что монархи не были склонны тратить на позирование много времени. Зачастую мастер делал с натуры только наброски, а заканчивать голову должен был в своей мастерской. Так, А.-Ф. Калле, которому было поручено создание портрета Людовика XVI, вынужден был наблюдать за своей моделью во время королевских завтраков. А Друэсын жаловался, что потерял в Версале очень много времени, «ожидая сеансов, которые задерживались на срок от восьми до пятнадцати дней»³⁷.

С готового портрета снималось строго оговоренное с высочайшей моделью количество копий. Для этого при дворе существовал так называемый «копийный кабинет». Кабинет имел собственное здание, расположенное в Версале на стыке улиц Сюринтендантства, Оранжери и Старого Версаля³⁸. В кабинете работали одновременно четыре мастера. Изготовление копий было ответственным делом, требующим достаточно долгого времени. Художник Ж.-А. Портай, призванный надзирать за «копийным кабинетом» писал, что «нужно не менее четырех летних месяцев, дабы закончить со всем старанием копию одного королевского портрета»³⁹.

Разумеется, нелегко было бороться с нелегальными копиями и подделками, авторы которых не принадлежали кабинету и не имели разрешения на подобную деятельность. Отличить стороннюю продукцию можно было по довольно низкому качеству и отсутствию сходства с оригиналом, поскольку работать изготовителям подделок приходилось по гравюрам и зарисовкам, сделанным во время экспонирования оригинала в Королевском салоне.

³⁶ *Beaurain D.* Op. cit. P. 249.

³⁷ *Hugues L.* Op. cit. P. 162.

³⁸ *Aubaret C.* Les copistes du Cabinet des tableaux de la surintendance des Bâtiments du roi au XVIIIe siècle // Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles. Mis en ligne le 18 décembre 2013. — URL : <http://crcv.revues.org/12223> (дата обращения 02.03.2024)

³⁹ *Ibidem.*

Оригинал в течение длительного времени был доступен лишь мастерам «копийного кабинета». Однако и здесь не обходилось без сложностей. Изображение короля, предназначенное для определенного помещения и имеющее свои важные функции, не могло годами пребывать в «копийном кабинете». Мастера вынуждены были повторять собственные копии, причем копии «первого поколения» поручались обыкновенно более талантливым и опытным живописцам.

В «копийный кабинет» изредка мог попасть и мастер, ему не принадлежащий, присланный каким-либо знатным заказчиком, получившим разрешение на владение копией королевского портрета. В роли таких заказчиков часто выступали персоны, находящиеся в родстве с королевской фамилией или имеющие большое влияние при дворе. Разрешение, тем не менее, выдавалось директором королевских строений, а для «пришлых» мастеров устанавливались строгие правила. Такой художник должен был работать в указанном ему помещении, выносить из которого не разрешалось ни копию, ни тем более оригинал. Начатая копия непременно должна была быть закончена, художник не имел права бросить работу. Так же на время создания копии с портрета короля художник должен был отложить все прочие заказы. Эти требования были оформлены и закреплены в виде специального указа в 1747 г., сразу после вступления Ленормана де Турнема в должность директора королевских строений⁴⁰. «Пришлые» мастера не приветствовались еще и по той причине, что иногда снимать копию с одного полотна приходилось сразу двум художникам, отчего условия работы становились сложными, а процесс сильно замедлялся.

Мастера «копийного кабинета» имели и другие обязанности, кроме копирования портретов. Они занимались реставрацией полотен из королевского собрания, а также снимали копии с работ старых мастеров. Это были произведения самых разных жанров: исторического, бытового, анималистического. Копии полотен из королевского собрания должны были украшать церкви и монастыри, пользующиеся особым покровительством монарха и членов его семьи, а также различные дворцы и резиденции.

Поскольку дирекция королевских строений была официальной структурой, то на портреты, как и на исторические полотна, существовали определенные расценки. До середины века портреты оплачивались достаточно высоко, однако в 1747 г. цены были снижены. По новому тарифу «те портреты, которые стоили 2500 ливров, будут

⁴⁰ Полный текст указа можно найти в Национальном Архиве Франции: AN 0/I/1087-1097.

стоить 1800, а те, за которые платили ... 6000 ливров будут стоить 3600 или, самое большее, 4000»⁴¹. Можно привести и конкретные примеры. Так, Л. Токке в 1740 г. за портрет королевы получил 9300 ливров, а в 1747 г. за портрет дофины того же размера — только 4000. Копия традиционно оценивалась в половину стоимости оригинала. Дела с оплатой, однако, всегда обстояли не слишком хорошо. Ж.-М. Натье еще в первой половине столетия жаловался, что «у короля ничего не платят», а М.-А. Шаль в 1770 г. просил оплату за портреты, выполненные в 1754 и 1756 гг.⁴²

В то же время известность мастеров, выполнивших изображение короля и членов французской королевской семьи, давала им немало преимуществ. Даже копиисты достигали немалого почета и благосостояния. Здесь в качестве показательного примера может быть приведена личность Франсуа-Альбера Стьемара. Уроженец Валансьена, этот мастер около 1702 г. оказался в Париже и проучился в Академии всего один год. Уже в начале 1704 г. он был признан назначенным, а с 1707 г. получил должность копииста и реставратора картин Королевского собрания. Ему приходилось копировать как портреты, так и полотна старых и современных мастеров. Работа на короля и герцога д'Антена привлекла к нему таких заказчиков, как герцог де Буффле, герцог де Сент-Аньян, герцог де Жевр, герцогиня де Вийар, граф и графиня Тулузские. Востребованность Стьемара была так высока, что он мог назначать значительную оплату за свои работы. На момент смерти копииста в 1740 г. его состояние составило 162 522 ливра⁴³.

Разумеется, король и члены его семьи не обязаны были всегда действовать через дирекцию королевских строений, они могли самостоятельно находить мастеров и делать им заказы. И хотя счета за них часто направлялись в ту же дирекцию, выплаты такого рода производились крайне редко. Предполагалось, что платить за свои частные заказы королевские особы должны из своих средств.

Если титул «первого художника короля» присуждался через дирекцию королевских строений, то личного придворного художника король мог выбрать себе сам. Эта должность была менее почетной, однако назначение на нее в большей степени было обусловлено личными вкусами короля. Придворный художник не обязан был специализироваться в историческом жанре, он мог быть и портретистом

⁴¹ *Hugues L. Op. cit. P. 170.*

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Glorieux G. "M. Stiemart, peintre et bon copiste": ébauche d'un portrait de François-Albert Stiemart (1680–1740) // La valeur de l'art: exposition, marché, critique et public au XVIIIe siècle. Paris, 2009. P. 178.*

или анималистом, хотя, разумеется, как правило, принадлежал Академии. Придворных художников могло быть и несколько. Так, граф д'Артуа (будущий Людовик XVIII) имел около 20 таких художников, среди которых блистал портретист Друэ-сын. Во второй половине века очень активны стали члены королевской фамилии женского пола. Часто они покровительствовали художницам, например, Мария-Антуанетта — М.-Л.-Э. Виже-Лебрен, а тетушки короля (дочери Людовика XV) — А. Лабиль-Гийар.

Подобно обычным смертным, представители королевской фамилии могли увлечься творчеством одного из мастеров и «передать» его друг другу, как, собственно, и случилось с Ф.-Ю. Друэ. Разумеется, художники желали получать такие «частные» королевские заказы. Хотя оплаты за них приходилось долго ждать, это было престижно и сулило популярность в среде аристократии. Поэтому мастера старались не упустить случая лично продемонстрировать королю свои работы, хотя это и возмущало Академию. Ж.-Б.-М. Пьер с негодованием пишет, что художники «не принадлежащие ни Академии, ни Департаменту королевских строений прибегают не ко мне, а к иным персонам, чтобы представить королю и его семейству свои произведения»⁴⁴. Так же, если художник должен был доставить в Версаль какое-нибудь одно заказанное ему произведение, он мог привезти с собой еще немало собственных полотен, чтобы продемонстрировать их королю. Так, например, поступил в 1726 г. Удри, который вместе с одним заказанным полотном привез еще 26 и устроил в Версале настоящую выставку, «осмотренную утром королем и королевой, после обеда одним королем, а потом и всем двором»⁴⁵.

Итак, королевский заказ был важной составляющей академической карьеры. Взаимная заинтересованность короны и Академии была очевидна еще на момент основания последней (1648). Отделившаяся от цеха, переставшая подчиняться ремесленной корпорации Академия, единственный оплот своего существования видела в королевской протекции, а, значит, и сама становилась для двора «инструментом прославления власти и осуществления государственных художественных замыслов и программ», — пишет В.П. Головин⁴⁶. Эту мысль высказала также и французская исследовательница А. Верже, полагающая, что время для создания Академии было весьма подхо-

⁴⁴ *Chatelus J.* Op. cit. P. 21.

⁴⁵ *Ibid.* P. 20.

⁴⁶ *Головин В.П.* Мир художника раннего итальянского Возрождения. М., 2003. С. 215.

дящим. Приближалась эпоха абсолютизма, и Академия апеллировала к королю как к высшему и непререкаемому авторитету. «Созданная в момент Фронды, Академия сделала выбор, в высшей степени обусловленный политикой, поддержав короля. <...> Эта поддержка в трудное время заслужила признательность монархии: несколько лет спустя академики получают монополию на образовательную деятельность и официальные заказы, а также эксклюзивное право выставлять свои произведения в Большом Салоне Лувра»⁴⁷. Сделав ставку на короля, Академия достигла своих целей и обеспечила себе длительное процветание. В XVIII столетии многие мастера, прошедшие академическую выучку и получившие академические звания, отдаляются от Академии, предпочитая самостоятельно искать заказчиков. Работа на корону становится в какой-то мере повинностью и привлекает далеко не всех, доказательством чему служат неудачные конкурсы 1727 и 1747 гг. В то же время для отдельных мастеров, происходящих из провинции — как Верне, сосредоточенных на академической карьере — как Пьер, желающих привлечь придворного заказчика — как Удри, королевский заказ мог стать отправной точкой или существенным подспорьем в развитии карьеры. Мастера среднего дарования, желающие занять престижное положение в столичной художественной среде, могли подвизаться в качестве копиистов и реставраторов полотен из королевского собрания. Постоянная необходимость в новых повторениях королевских портретов и потребность в украшении резиденций создавала для этого весьма благоприятную обстановку.

Так или иначе, пока во Франции не была уничтожена монархия, академики продолжали обеспечивать все нужды королевской власти в области искусства. Эта связь была очевидна и для реформаторов времен Великой французской революции. А потому обе институции исчезли в одно и то же время: Академия была упразднена декретом от 8 августа 1793 г., через полгода после казни короля.

References

Aubaret C. Les copistes du Cabinet des tableaux de la surintendance des Bâtiments du roi au XVIIIe siècle // Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles. 2013, mis en ligne le 18 décembre 2013. — URL: <http://crcv.revues.org/12223>

Beaurain D. La fabrique du portrait royal // L'art et les normes sociales au XVIIIe siècle. Paris: Édition de la Maison des sciences de l'homme, 2001. P. 241–262.

⁴⁷ *Verger A.* Entrer à l'Académie de France à Rome. La faveur, le droit, le choix // Droits d'entrée: modalités et conditions d'accès aux univers artistiques / Dir. par G. Mauger. Paris, 2006. P. 14.

Chatelus J. Peindre à Paris au XVIIIe siècle. Nîmes: Edition Jacqueline Chambon, 1991. 350 p.

Glorieux G. “M. Stiemart, peintre et bon copiste”: ébauche d’un portrait de François-Albert Stiemart (1680–1740) // La valeur de l’art: exposition, marché, critique et public au XVIIIe siècle. Paris: Honoré Champion éditeur, 2009. P. 161–183.

Golovin V.P. *Mir khudozhnika rannego italienskogo Vozrozhdeniya* [The World of the Early Italian Renaissance Artist]. Moscow: NLO, 2003. 288 p.

Henry Ch. La crise de la peinture d’histoire, ou l’art du dix-huitième siècle par lui-même: essai d’iconologie culturelle // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century (SVEC). 2004. N 7. — URL: <https://www.ghamu.org/christophe-henry-la-crise-de-la-peinture-dhistoire-ou-lart-du-xviii-siecle-vu-par-lui-meme/>

Henry Ch. Tisser l’Histoire à la manufacture des Gobelins // Création et vie artistique à Paris du grand siècle à nos jours. Études rassemblées et présentées par Christophe Henry. Sur une idée de Martine Debieuvre. En partenariat avec le Groupe de Recherches en Histoire de l’Art moderne (GRHAM). Paris: Mairie Onze, 2018. P. 135–150.

Hugues L. La famille royale et ses portraitistes sous Louis XV et Louis XVI // De soie et de poudre. Portraits de cour dans l’Europe des lumières. Versailles: Actes Sud, 2003. P. 103–135.

Lagrange L. Joseph Vernet et la peinture au XVIIIe siècle. Paris: Librairie académique, 1864. 521 p.

La Peinture en procès, l’invention de la critique d’art au siècle des Lumières / Éd. R. Démoris et F. Ferran. Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2001. 420 p.

Leroy A. Quentin de La Tour et la société française du XVIIIe siècle. Paris: Edition Albin Michel, 1953. 350 p.

Lesur N. Les académiciens face à la naissance de la critique // Diderot Studies. Vol. XXXVI. Actes du colloque “Publier sur l’art, l’architecture et la ville: La Font de Saint-Yenne (1688–1771) et l’ambition d’une œuvre” (Paris, Musée du Louvre, 24–25 novembre 2016). Genève: Droz, 2019. P. 67–85.

Locquin J. La Peinture d’histoire en France de 1747 à 1785, étude sur l’évolution des idées artistiques dans la seconde moitié du XVIIIe siècle. Thèse de doctorat, faculté des lettres, université de Paris. Paris: H. Laurens, 1912. 502 p.

Pommier E. Le projet du Musée royale (1747–1789) // L’art et les normes sociales au XVIIIe siècle. Paris: Édition de la Maison des sciences de l’homme, 2001. P. 185–209.

Pommier E. Théories du portrait. De la Renaissance aux Lumières. Paris: Gallimard, 1998. 508 p. (Bibliothèque illustrée des histoires).

Vergier A. Entrer à l’Académie de France à Rome. La faveur, le droit, le choix // Droits d’entrée: modalités et conditions d’accès aux univers artistiques / Dir. par G. Mauger. Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l’homme, 2006. P. 13–45.

Поступила в редакцию
12 августа 2024 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛОВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 04.09.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,03. Тираж 100 экз. Изд. № 13034. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62